

Макс Армай

РИН

Книга I

Звезда и жернов

Макс Армай

Рин Книга I Звезда и жернов

«Автор»

2026

Армай М.

Рин Книга I Звезда и жернов / М. Армай — «Автор», 2026

Когда-то волшебный мир Ойрис уже стоял на грани разрушения. И лишь Изгури – величайший из кивили арту – сумел тогда спасти его от гибели. Но Создатели предупредили его, что выбранный им путь не сможет привести к окончательному спасению, что он – лишь отсрочил катастрофу. Они не сказали, когда мир снова утратит равновесие, но обещали послать подсказку, когда придёт время, о том, как можно будет избежать всеобщей гибели. И вот это время пришло. Но не посмеялись ли боги над своим творением? Неужели мальчишка, который пока только учится распоряжаться герцогскими трапезами, и есть новый спаситель мира? Кто знает. Возможно, и сами боги не знают ответ. Но для того, на кого пал их выбор, жизнь превращается в череду бесконечных испытаний. И лишь он один может доказать этому миру, что Создатели не ошиблись.

Содержание

Посвящение	5
Эпиграф	6
Карта Имрии	7
Карта Ирвира	8
Карта Шоэна	9
Пролог	10
Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	62
Часть 2	69
Глава 1	69
Глава 2	73
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Макс Армай

Рин Книга I Звезда и жернов

Посвящение

Моей жене Оксане, моим родителям и
моим близким — всем тем, кто наполняет
жизнь смыслом.

Макс Армай.

Эпиграф

*“Миром движет его несовершенство.”
Зажигающий Звёзды. Книга Молчания.*

* * * * *

*Нолин а орн к'даруитүа он'а'саису.
Э кинү апоруитүа а тагури кхана.
Кивиль а онү к'саруитүа им сахо йомису
Э хэль он'тэх найгуитүа сэ мэогана.*

*Айду индаруитүа а ойху саэссин.
Оруитүа эн түа. Окхинү иххэга.
Ндэрэ а Изгури эйнуитүа айюмари эльзи.
Этхи айгуитүна лонхт хэль йордэга.*

Нолинри Найя. Ойху Исэму.

* * * * *

*Огонь небесный древо поразит.
И мир лишится хрупкого покоя.
Звезда смирения сойдёт с своих орбит,
На жернов устремившись со враждою.*

*Восстанет тьма. Смерть урожай сожнёт.
Надежда будет поправа судьбою.
И лишь сменивший ложку на клинок,
Изгури долг оплатит щедро кровью!
Нолинри Найя. Последнее пророчество.*

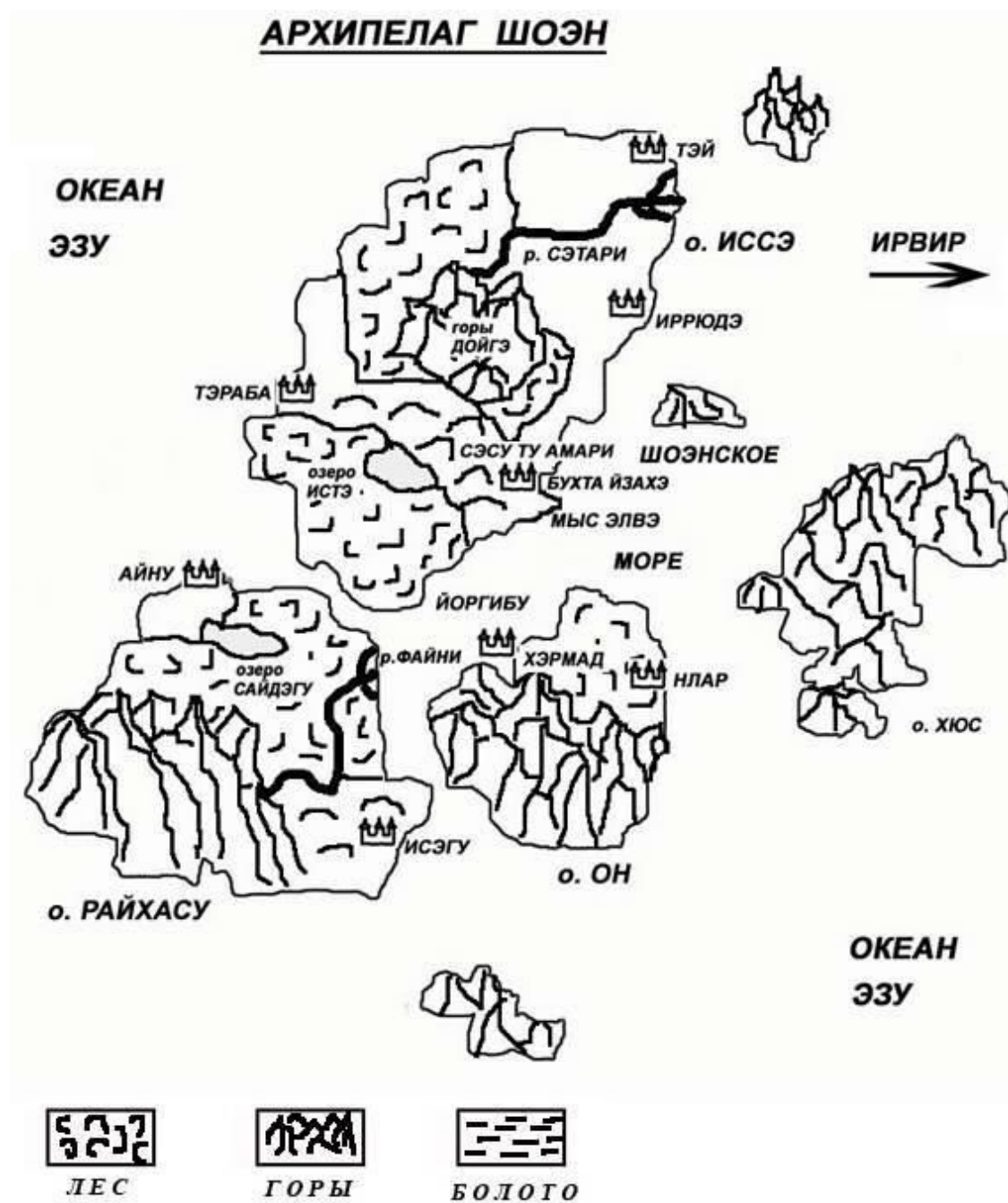
Карта Имрии

Карта Ирвира

Карта Шоэна

Пролог

Он был здесь! Исэхури явственно его ощущал. И на этот раз Садэн отставал, буквально, на каких-то пол шага. Если так пойдёт и дальше, то уже совсем скоро он его настигнет. Увы, слишком скоро...

В этом месте зеркальное мерцание Дороги, придавало его, и без того странному отражению, ещё большую причудливость: мрачное, багровое пламя, то тут, то там, вырывавшееся из под шевелящейся мозаики пепельно-серых камней, образующих его чрезвычайно вытянутое и искривлённое тело, повторялось бесчисленное множество раз, и было, то едва различимым, то невообразимо огромным, нависая над ним, подобно горе.

Почему он теперь всегда выходит на Дорогу именно здесь? Вряд ли это случайно.

Исэхури скользнул вдоль малого ветра и тут же упёрся в его границу. Осторожно, чтобы не оставить следов, он, на одно единственное мгновение, распался, и тут же вновь возник, но не по ту сторону границы, как это можно было ожидать, а прямо в ней, сколь бы невероятным это не казалось. Наверное, теперь лишь только он один умел это. Мир не успел даже ещё помыслить о следующем своём мгновении, а Исэхури, подобно вспышке молнии, пронёсся внутри плёнки небытия, и вынырнул наружу уже в совсем другом месте Дороги. Теперь Садэн не скоро найдёт его.

Исэхури огляделся. Кажется, здесь он ещё не разу не был. Теперь он стал подобен мириадам невидимых колокольчиков, нежно перекликавшимся друг с другом. Дорога поблизости окрасилась яркими переливами цвета, которые тут же исчезли, сгустившись в необычную гамму запахов.

— Йолин? — рассыпался бессчётными тысячами звонких голосов Исэхури.

— Да. Это я, — ароматно пахнуло ему в ответ. — Да не исчезнет Ветер Всего Сущего!

— Да не придёт время отчаяния! — словно эхо прозвенел вслед собеседнику Исэхури. — Ты принёс?

— Вот... деревянный лепесток из священного древа, — видимо Йолин что-то протянул ему, ибо пространство между ними радостно вспыхнуло.

— Да... Это он... — едва слышно зазвенел в ответ Исэхури. — Признаться, я уже не верил, что ты сможешь его найти... Я благодарен тебе... — и помолчав секунду, тут же добавил. — А теперь уходи!

— Нельзя до бесконечности откладывать то, что неизбежно! — заупрямился Йолин. — Надо, наконец, сразиться с ним!

— Нет, — грустно прозвенели колокольчики. — Он, пока, сильнее нас... Даже вдвоём мы его не одолеем.

— Я не узнаю тебя! — пространство, где находился Йолин, взорвалось всеми цветами, подобно северному сиянию, и воинственно заблагоухало. — Ведь раньше ты никогда и ни перед кем не отступал!

Некоторое время невидимые колокольчики задумчиво позвякивали, а затем вдруг грустно качнулись в такт друг другу.

— Ветер Времени подул в неожиданную сторону... — ответил Исэхури. — Мир изменился... Уже изменился. И мы с этим ничто не можем поделать... Только ждать.

— Чего?.. Чего ждать?!. — полыхнул в ответ огненно-чёрным нетерпеливый Йолин. — Ещё чуть-чуть и он погубит тебя!

— Значит, так решил Тот, Кто Зажигает Звёзды. — печально качнулись колокольчики. — Не волнуйся, Йолин, скоро... очень скоро всё разрешится...

— Ты что-то знаешь? — то, что должно было быть Йолином, стало вдруг настороженно-жёлтым.

— Всё, что знаю я, в своё время узнаешь и ты... Потерпи, и не дай своему неистовому сердцу испепелить тебя! — немного нестройно прозвенели колокольчики, и, сквозь эхо последней фразы, грустно и нежно прошелестели. — Прощай!

В то же мгновение Йолин почувствовал, что остался один, отчего Дорога, где он стоял, стала вдруг серо-чёрной, и сразу же запахло осенними лесами Благословенной. Он постоял ещё мгновение, а затем, неспешно, и как-то неуверенно, тоже исчез.

Было темно и тихо. Густой, обволакивающий мрак, заполненный вязкой тишиной. Не было ничего, словно до сотворения мира. Даже его самого.

Исэхури вздохнул, но ничего не услышал: его ужасные стражи прекрасно знали своё дело.

Что ж. Надо радоваться хотя бы тому, что он всё ещё может думать. Впрочем, это не совсем так: на самом деле его тюремщики убеждены, что он давно уже не способен на это. Они искренне полагают, что это именно они возвращают ему способность мыслить, и, причём, только тогда, когда к нему приходит их властелин. И ещё, они верят в то, что лишь только благодаря этому, у него и появляется возможность тут же скрыться на Великом Пути, покуда они вновь не обуздают его разум. Исэхури невольно улыбнулся: когда-то Великое Ничто тоже полагало, что оно вечно, но потом пришёл Зажигающий Звёзды и всё изменилось. Так возник этот мир.

Ну, что ж, пора было исполнить то, ради чего он так долго ждал. Силы Исэхури были до крайности истощены: никогда ещё он не оказывался в столь трудном положении. И всё же, сто крат ошибался тот, кто полагал, что он окончательно сломлен!

На всё про всё у него было лишь несколько мгновений. Если он допустит хотя бы малейшую оплошность — у него ничего не получится! Исэхури осторожно приблизился к Предверию и напряжённо всмотрелся. Тончайшая, практически невидимая нить соединяла его дух с несчастным, измученным телом. До сих пор никому из его стражей так и не удалось заметить её. Что ж, с их стороны это было непростительной ошибкой. Исэхури нащупал точку, из которой возникал ближайший малый ветер, и отсоединив его от неё, осторожно потянул ветер на себя. Самое главное — делать это как можно более плавно, так, чтобы он ничего не заподозрил. Трепещущая струна постепенно сворачивалась тугими петлями прямо на мерцающей границе Дороги. Стражей — семеро, значит столько же должно быть и дуновений. Итак, одно, второе, третье...

Когда все семь обжигающих ручейков извивались, крепко зажатые его волей, Исэхури ещё раз, мысленно закрыл глаза, а затем, когда опять открыл их, то одним могучим порывом миновал Предверие и вновь воссоединился со своим телом. Стражи встрепенулись, почувствовав внезапную опасность, однако было уже поздно: их тела тут же опутало нечто невообразимое — сияющее, как само солнце, но холодное, словно само Ничто, и как Ничто — неопределимое. Они не успели даже встрепенуться, как это нечто, в мгновение ока, протащило их сквозь Предверие, и с неистовой яростью зашвырнуло Я каждого из них куда-то в непостижимые просторы Великого Пути, а их бесчувственные тела, с глухим стуком, тут же повалились на пол.

"Получилось!" — возликовал Исэхури. Однако, рассчитывать на то, что у него много времени, увы, не приходилось: не пройдёт и минуты, как его злополучные стражники сообразят, что же такое с ними произошло, и вновь вернуться сюда.

Исэхури, едва сдерживая волнение, разжал кулаки, и на его ладонях призрачно замерцал образ вырезанного из дерева лепестка. С каждой секундой он становился всё прозрачнее и прозрачнее, а Исэхури всё никак не мог определить, где же находится то, частью чего он был. Ах, если бы через Дорогу можно было бы перемещать предметы из настоящего мира!

Наконец, он услышал отклик.

"Далеко! Слишком далеко отсюда!" — в отчаянии подумал Исэхури. Он прекрасно понимал, что не сумеет удержать столь длинный проход. Однако ещё одной такой возможности у него больше не будет: уже совсем скоро Садэн настигнет его!

Что ж... Оставалось самое последнее. Иного выхода у него просто не было.

Исэхури глубоко и горько вздохнул, а затем с силой прижал ладони к своей груди. Несколько секунд он стоял неподвижно, а потом вдруг как-то неестественно выгнулся и, яростно дёрнувшись, словно пытаясь вырваться из собственных объятий, с ужасным воплем замертво рухнул на пол. Между стен комнаты ещё металось эхо его крика, а над ним уже появилось какое-то, похожее на густой, белесый туман облако, с двумя огромными, сияющими внутри него таинственным, золотистым светом, пятнами. Мгновение оно неподвижно висело в воздухе, а затем, образ деревянного лепестка, лежащего на полу подле распростёртого тела Исэхури, ярко вспыхнул и исчез, а одновременно с ним растаяло и само облако.

На холодном, каменном полу лежало восемь тел: одно из них принадлежало Исэхури а, остальные семь — его стражникам. Но если Исэхури лежал неподвижно и в настолько противоестественной позе, что с первого же взгляда на него становилось ясно, что он умер, то тела его стражников, уже начали шевелиться. Прошло ещё несколько мгновений, и вот они, один за другим, растерянно озираясь, встали на ноги. И едва их взгляды скрестились на безнадёжно-мёртвом теле Исэхури, как комната содрогнулась от наполнивших её криков досады и ярости.

Часть 1

Глава 1

Рин то и дело ворочался. Ему всё никак не удавалось улечься поудобнее: казалось, что у него болит всё, что только могло болеть — ныли и руки, и плечи, и спина, да и ноги были, словно каменные: ведь не так-то это просто, целый день и большую часть ночи таскать тяжёлые подносы с блюдами и кувшины с вином. Он тихонечко застонал и снова повернулся на другой бок. Конечно, когда тебя в столь юном возрасте готовят распоряжаться на пиру у самого герцога — это, для человека незнатного, весьма и весьма многообещающе в придворной карьере. Но терпеть из-за этого такие страдания!.. Вообще-то, он старший трапезничий, и не должен был этим заниматься, но господин Ндади слишком уж осерчал на него: сколько Рин не силился, сколько не чесал в задумчивости затылок, но так и не сумел ему ответить, сколько же потребуется разносчиков вина, хлебодаров, стольничих и простых слуг, а также, каким примерно должно быть меню, если господин герцог изволит устроить парадный пир на тридцать персон, пять из которых окажутся равны ему по положению. В наказание за нерадивость он и отправил его трудиться простым разносчиком, неприминув при этом сварливо указать, что для многих весьма полезно иметь представление и о подобной, самой простой работе. Самым же обидным было то, что Рин, на самом деле, знал ответ. Знал, да только вдруг позабыл! И вспомнил его лишь уже после выволочки. А ведь никто из трапезничих не разбирался во всех этих придворных уложениях, лучше, чем он!.. Рин попробовал лечь на живот, и тут же в пояснице у него нещадно заломило. О, нет! Лучше продолжать лежать на боку. Он ещё раз тяжело вздохнул и засунул под подушку руки. В первую минуту, там было приятно прохладно, но потом и простынь и подушка быстро нагрелись, и Рин, досадливо засопев, снова вытащил руки наружу и перевернулся на спину.

— Кр-р-ррр! — закрипел старый шкаф в углу, а затем громко щёлкнул.

Рин настороженно замер. Нельзя сказать, чтобы его до сих пор пугал этот шкаф: как-никак он уже давно не ребёнок — ему уже почти двенадцать лет, но окончательно расстаться со своими детскими страхами было не так-то просто. Рин сразу же вспомнил про Пылееда — огромную простынь из множества слоёв паутины — липкого, незаметного и страшно коварного, способного тихонечко подкрасться в темноте, внезапно наброситься, запеленать и удушить в своих мерзких объятиях... Или, вот, Бубудук!.. Рин невольно содрогнулся: Бубудук всегда пугал и его, и младшего братишку Лика больше всех остальных, придуманных ими в детстве страшилищ — яростный, стремительный, со множеством мохнатых, когтистых лап, тремя головами, на которых по одному огромному глазу и набитой чудовищными клыками пастью, всегда готовый гнаться за тобой, до тех пор, пока не настигнет тебя и не разорвёт в клочья. На мгновение Рину показалось, что он вновь, как и в своих детских фантазиях, бежит изо всех сил, а Бубудук несётся сзади, неумолимо приближаясь с каждым мгновением. Он даже почувствовал его зловонное и жадное дыхание у себя на затылке. Рин рывком сел на кровати и болезненно поморщился. Нет! Он уже почти взрослый и не должен думать о подобных глупостях. И уж тем более — бояться их!

— Кр-р-ррр! — снова закрипел старый шкаф, и его левая створка вдруг медленно, сама собой, приоткрылась.

Рину показалось, что волосы у него на затылке зашевелились от ужаса: до сих пор, шкаф, сколько себя Рин помнил, хотя и вёл жизнь крайне шумную — вечно скрипел, стонал, щёлкал, — но двери сам собой не открывал. И вот теперь, Рин, не отрываясь, смотрел на него, не в силах даже пошевелиться, из-за охватившего его сильнейшего страха. Ему, казалось, что на

этот раз, там точно кто-то есть. Как бы в подтверждение этих его самых мрачных предположений, внутри шкафа тут же вспыхнули два небольших, золотистых пятна. Мгновение они висели неподвижно, а затем слегка качнулись.

Да это же глаза! Два огромных глаза, без зрачков! Рин хотел закричать, но не смог издать ни звука, словно его горло сдавили чьи-то безжалостные пальцы. Тогда он попытался вскочить с кровати и убежать, но и тело перестало его слушаться. Единственное, что он мог делать — так это сидеть, привалившись спиной к подушке, и с ужасом наблюдать, как эти глаза неторопливо приближаются к нему. Но не прошло и десяти секунд, как они уже были рядом с ним. И тогда Рин увидел того, кому эти глаза принадлежат...

— Рин!.. Вставай!.. Тебе надо идти в замок... За тобой пришли!

Рин натянул на голову одеяло, но мама решительно откинула его вновь.

— Да ну вставай же!.. А не то господин Ндади будет на тебя сердиться!

Рин с трудом разлепил веки и тут же снова зажмурился: из окна, прямо на его лицо падал яркий солнечный свет.

— Мне сказали, что я до осьмицы свободен! — пробормотал он, отчаянно зевая и так и не открывая глаз.

— Ну и что ж... А тут вдруг зачем-то понадобился... Поднимайся!.. А ну, живо! — мама уже начала немного сердиться. — Нельзя быть таким лежебокой!

— У меня всё болит! — обиженно проворчал Рин, но глаза открыл и, сокрушённо вздохнув, сел на кровати.

— Ну вот и умница! — улыбнулась мама, отчего её и без того всё ещё необычайно красивое лицо озарилось, словно небеса — радугой. — А теперь быстро умывайся... На кухне возьмёшь у Гавы молока и булку с дунуком.

Взъерошив ему волосы, она поцеловала его в щёку и вышла из комнаты.

Рин попробовал уклониться от поцелуя — что он маленький что ли! — и ещё раз сладко зевнув, пошёл в умывальную комнату.

А ведь это его отец придумал умывальные комнаты! Раньше ни у кого в городе их не было. Он, вообще, страшно умный и изобретательный — его отец, — и даже сам герцог очень высоко его за это ценит! А многие и вовсе принимают за самого настоящего чародея. Но только это, пожалуй, напрасно — магией он, всё-таки, не владеет. Ведь даже столь слабый волшебник, как придворный маг герцога Дэдэн, и тот даст ему в этом умении сто очков вперёд.

Оказавшись перед дверью в умывальную комнату, Рин, на мгновение замер, словно вдруг что-то припомнив, а затем судорожно передёрнул плечами: ну, да — ночью он ужасно перепугался, когда ему показалось, что в его шкафу кто-то есть. Перепугался, словно пятилетний несмышлёныш. И, тем не менее, думать об этом ему и сейчас, при дневном свете, было как-то не по себе. Словно бы устыдившись этого, Рин решительно замотал головой, надеясь прогнать все свои ночные страхи, а затем вошёл в умывальную.

На кухне Рин застал Лика. Лик, при виде его, как и всегда, в последнее время, важно надул щёки, поднял брови и задрал вверх нос, что должно было свидетельствовать о его пренебрежительном отношении, к повышению статуса Рина, которого в этом году, наконец-то, перевели из просто трапезничих в старшие трапезничии. Раньше они спали с Ликом в одной комнате, но, после столь знаменательного события, Рин остался в ней единоличным хозяином, в то время, как Лику была выделена другая, поменьше, на этом же этаже, но дальше по коридору. Раньше в ней была кладовая, в которой мать хранила всякую гостиничную утварь. Первое время Рин ликовал из-за этого признания себя взрослым, но довольно скоро обнаружил, что без общества его непоседливого братца ему стало непривычно скучно, и тогда Лик вновь здесь почти поселился. Правда, мама вечно повторяла, что Рин уже не ребёнок и поэтому всегда ста-

ралась, чтобы не Лик сидел у него, а, наоборот, Рин, когда того хотел, заходил к брату в гости, а потому всегда выпроваживала последнего оттуда. Лик был на четыре года младше Рина, но не в пример смыслёнее его. Зато он не казался таким же сильным, ловким и упорным, как Рин в его возрасте. Рин очень любил своего младшего братишку, и потому, почти никогда не обижался на него. Ещё у него была сестричка Аша, но ей было всего пять лет, и хотя она и бегала всегда за ним и Ликом словно хвостик, но в совместных играх и забавах братьев, по причине своего малого возраста, ещё не участвовала. Вернее сказать, едва они стали подумывать как-нибудь и её привлекать к своим проказам и шалостям, как детство у Рина вдруг закончилось: в один прекрасный день отец сказал, что пора ему приобщаться к взрослой жизни и определил на службу в замок. Но, несмотря на всё это, и к Аше Рин был привязан столь же сильно, как и к брату. Просто с ней было не столь весело, как с Ликом. Да и девчонка то ж...

— Привет, вертяка! — дружелюбно усмехнулся Рин, при виде своего младшего брата. Вертякой в их краях называли чрезвычайно забавного и совершенно неугомонного жука, светло-кремового, в нескольких разноцветных пятнах, словно бы испачканного в чернилах разного цвета. Он был довольно крупным — в пол его указательного пальца — и ни секунды не стоял на одном месте — всё время бегал туда-сюда, постоянно меняя при этом направление.

— Привет, павлин! — ответил тот. — Вон, на столе, молоко для тебя и булка.

После чего пнул его коленкой под зад, весело рассмеялся и юркнул под стол. Но Рин не поддался на это, столь очевидное предложение поиграть, а уселся на стул и стал торопливо поглощать завтрак.

— Ты опять в замок? — полюбопытствовал Лик, высунув голову из-под стола прямо у него между колен.

— Угу, — промычал Рин, запивая молоком сдобу.

— А меня с собой возьмёшь?.. Ведь ты обещал! — потребовал Лик карабкаясь к нему на колени.

Действительно, в первую же неделю своей службы в новой должности, которая, по началу, была совершенно необременительной, по причине отсутствия герцога и его двора, Рин пообещал взять с собой в замок братишку и всё ему там показать. Но вскоре герцог вернулся, и работы стало даже слишком много, ибо герцог любил гостей, а потому и пиры задавал один за другим. И с той поры Рин целыми днями, как привязанный, ходил следом за господином Ндади, внимательно выслушивая все, что тот ему говорил и показывал, безуспешно пытаясь всё это запомнить. С непривычки голова у него шла кругом и он очень уставал.

— Не... Сегодня никак не могу... Вот уедет герцог, тогда — пожалуйста!

— Ну и ладно! — Лик сердито надулся, но уже через секунду на его лице вновь блуждала хитрющая улыбка. — А кто вчера приехал к герцогу?

— Вчера? — Рин на мгновение задумался. — Ади Тонкраф с супругой и свитой, ади Вара Великолепный... ади Роррен Аду Старший со своей сестрицей Ландой и племянником...

— Ади Тонкраф — это тот самый, что у короля казной и налогами заведует? — прервал его Лик.

Рин запнулся и замолчал. Вот ведь — маленький, а всё лучше него знает! И хитрый какой! Не стал, например, спрашивать его об ади Варе, что, мол, не тот ли это самый Вара Великолепный, который наголову разбил в последней войне кахтов? Знает ведь, что о войнах и сражениях Рин и поболее его рассказать может! Однако надо как-то выкручиваться.

— Да, тот самый! — важно кивнул, наконец, Рин и тут же продолжил. — Ещё были ади Ранек Удори Зелёные Глаза, ади...

— А вот и нет! Казной и налогами у короля заведует ади Ртинури Кунги! — и с этими словами Лик вновь соскользнул на пол.

Чёртова козявка! Ведь и правда! Опять его обманул, словно младенца! Рин попытался схватить Лику за ухо, но того уже и след простыл — лишь откуда-то из-под стола доносилось довольное хихиканье.

— Ну ладно, я тебя потом поймаю! Будешь тогда знать, как старшего брата дурачить! — беззлобно пригрозил Рин и, допив молоко, торопливо вышел из кухни.

Едва оказавшись в трактире, Рин сразу увидел за столиком возле входной двери Адэка. Тот потягивал пиво из большой кружки и о чём-то беседовал с его мамой. Рина тот час кольнула жгучая зависть: Адэк был почти на пять лет его старше, а потому мог пить пиво когда и сколько ему захочется. Кроме них, здесь были только косматый купец кониец со своим проводником неизвестно из каких земель, да торговец из Чёрных Мхов, местечка на самом севере страны, в двух днях пути отсюда, привёзшего на продажу в город свои нехитрые товары: овечьи шкуры и шкуры даров, стволы торгового дерева для столяров и, конечно же, соль, которую издавна добывали в тех краях. Кониец с проводником не спеша трапезничали, а торговец из Мхов, просто коротал время. Он ещё два дня назад готов был двинуться в обратный путь и лишь ждал, когда кузнец поменяет железные полосы на колёсах его телег. Тот управился бы с этим ещё в лукош, но должен был прерваться на выполнение какого-то срочного заказа, поступившего в цех кузнецов от герцога.

— Как же ты долго, Рин! — попеняла ему мама, едва он подошёл к ним... — Можно подумать, что ты там целого каплуна ел!

— Эх... если бы! — мечтательно вздохнул Рин.

Некоторое время, она с каким-то сомнением всматривалась в его лицо, а затем махнула рукой. — Ну ладно, идите! — Но тут же удержала его за ремень. — Подожди-ка, неряха! — и одёрнула на нём камзол.

— До свидания, Адэк! — кивнула она затем.

— До свидания, госпожа нди Буни! — вежливо поклонился Адэк и подтолкнул Рина к выходу.

— Адэк, зачем тебя за мной прислали? — сразу же пристал с расспросами Рин, едва они вышли из гостиницы.

— Тона заболел... Утром, вроде бы, был здоров, а едва герцог позавтракал, вдруг занемог, и теперь лишь лежит, да стонет. Рикунд же, вскоре после того, как ты вчера ушёл, так наорал на кого-то из слуг, за то, что он разбил кувшин пешарского вина, что сорвал голос. И по всему выходит, что из старших трапезничих кроме тебя никого не осталось. Вот господин Ндади и послал за тобой.

Ноги у Адэка были длиннющими, и Рин едва поспевал за ним. Причём сегодня это почему-то давалось ему особенно трудно: сапоги казались тяжеленными, и он уже изрядно запыхался. Может, и он тоже заболел? Как и Тона? Однако, мысль о том, что он, впервые, будет сам, лично, прислуживать герцогу за трапезой, заставила его тут же отмахнуться от подобного предположения. Нельзя упускать такой случай! Да и даром что ли Ндади столько его мучил, то изображая из себя герцога, то приставая с всякими мудрёными вопросами, от которых у него голова просто раскалывалась. Рин, конечно, и раньше догадывался, что для придворной работы требуется знать уйму самых разных вещей, но ему никогда даже и в голову не приходило, насколько много! Например, почему при трапезе своего господина повар должен стоять справа от него, а не слева? Или, почему, перед подачей жаркого господин должен трижды испить красное вино — не больше, и не меньше? Как выбирают главного хранителя замка? Назначает ли его господин, или эту должность наследует первый помощник хранителя? Или же его выбирают голосованием всей челяди, после торжественной службы, в ближайший благодать? В платье какого цвета должен быть облачён старший конюх, подводя коня своему господину

перед охотой, в которой участвуют более знатные особы, чем последний? Рин невольно почесал шею, вспоминая обо всех бесчисленных подзатыльниках, выпавших на её долю.

День уже приближался к полудню, и становилось всё жарче. Но, несмотря на духоту, жизнь в городе шла, как обычно, не уступая летнему зною ни на фиртьль: то тут, то там мелькали разносчики, в лиловых мешковатых куртках с зелёными рукавами, громогласно предлагавшие всякую всячину — от просто охлаждённой воды с лимоном, до дешёвых, аляповатых украшений. Катили на рынок свои тачки сутуловатые горшечники, в коричневых фартуках и высоких, конических шапках, а под окнами домов визжали металлом по камню весёлые точильщики, никогда не лезшие за словом в карман. Иногда торопливым шагом мимо проходили посыльные, озабоченно спешащие по каким-либо хозяйским поручениям, или попадались солдаты из городского гарнизона, утомлённые и раздражённые из-за жары. А ещё, можно было встретить городских хозяек, наряженных в красно-жёлтые полосатые платья с длинейшим шлейфом, важно шествующих в сопровождении своих слуг, монахов в своих нескладных бледно-зелёных одеяниях, весёлых церковных служек, пришедших из окрестных селений крестьян в пояровых шляпах, и много-много кого ещё. Лишь нищие лениво попрятались по тенистым углам, и нигде, кроме как у собора Рин их не заметил.

Отблески от красно-зелёных, полосатых крыш слепили глаза, и Рину поневоле приходилось прищуриваться. Они с Адэком миновали уже Рыночную площадь, и им осталось только пройти Замковую улицу, ведущую прямо к подъёмному мосту, как вдруг Рин увидел узкий проход, который, как он знал, упирался, ранов через пятьдесят, в задний двор трактира "Пятая кружка", и сердце у него, почему-то, отчаянно забилося. Приступ дурноты, тяжёлым, давящим валом неожиданно обрушился на него, голова закружилась, а ноги, тем временем, словно они были и не его вовсе, сами устремились в эту каменную щель между домами. Но ему было так плохо, что он удивился не столько этому, сколько тому, что вообще может сейчас ходить.

— Ты куда?! — недоумённо воскликнул Адэк.

— Я сейчас! — выдавил из себя, даже не оглянувшись, Рин.

Согнувшись и чуть пошатываясь, он торопливо заковылял между стен. Шагов через пятнадцать был первый поворот. Он прошёл за ним ещё несколько шагов, а затем, достигнув тыльной стороны старого, в конец обветшалого дома, спустился, по густо заросшей травой лестнице, к двери, что вела в подвал. Несколько секунд он стоял, упёршись в неё лбом и с трудом дыша, а потом вдруг рухнул на её порог, повалился на бок и, подтянув к подбородку колени, тихонечко застонал. Его затрясло так, что аж зубы застучали. Из уголка рта потекли слюни, а глаза закатились, сверкнув на солнце, обнажившимися белками. В ту же секунду, плотное, тёмно-серое облако, неторопливо, как бы нехотя, отделилось от его тела и, помедлив несколько мгновений, тяжело вползло в замочную скважину.

— Рин!.. Рин!.. Да где ж ты?.. Если мы через десять минут не будем у господина Ндади, то он сдерёт шкуру с нас обоих! Ты слышишь меня?

Рин вновь застонал и, обхватив голову руками, попробовал сесть. Да что же с ним такое, в самом деле?

— Рин! Иди сюда немедленно! Не то я уже сам с тебя шкуру спущу!.. Рин!.. Пиав проклятый!..

Рин неуверенно встал на четвереньки и слегка помотал головой. Как ни странно, это помогло. Что-то щекотнуло его ноздри, Рин сдавленно чихнул, и вся та муть, что наполняла его голову вдруг разом исчезла. Рин вновь почувствовал себя совершенно здоровым. Поднявшись на ноги, он крикнул:

— Я иду, Адэк!

— Да где же ты? — Адэк уже миновал это место и находился за следующим поворотом — рядом с "Пятой кружкой". Когда Рин поднялся по лестнице, тот вышел из-за угла дома.

— Что с тобой? Ты тоже заболел? — Адэк выглядел не на шутку раздосадованным.

— Не знаю... Мне вдруг сделалось плохо... А потом... потом... — что было потом Рин никак не мог вспомнить, как ни старался. Но, в конце концов, разве это так уж и важно? Главное, что теперь с ним всё в порядке. Разве не так? — А потом всё прошло... — немного растерянно закончил Рин.

Адэк недоверчиво посмотрел на него. — Хорошо, ежели так... Ведь, если, во время обеда господина нашего, герцога, тебе опять станет плохо, то тебя, в лучшем случае, сможет заменить лишь господин Ндади, да и то, если по счастью, окажется где-нибудь неподалёку. А он человек занятый, и одному Всесущному известно, где он может находиться... Ну а если (да не допустит того Господь наш всемилостивейший!) что-либо пойдёт не так? Ведь накажут всех! И хорошо ещё, если только выпорют... — Адэк, по-прежнему, не отрываясь, смотрел на него, как бы пытаясь понять — верить ему, или лучше не стоит.

— Адэк, да что я маленький! Я всё понимаю!.. — возмутился Рин. — Можешь не сомневаться — всё будет хорошо!

— Баран тоже думал, что всё будет хорошо, покуда к мяснику не привели... — проворчал Адэк и, состроив кислое выражение лица, вздохнул. — Ну ладно, пошли!.. Раз прошло... — и отвернувшись, стремительно зашагал в сторону замка. Рин, ни секунды больше не мешкая, поспешил вслед за ним, радуясь, что теперь это для него совсем не трудно.

Ндади, всё же, посчитал, что шли они слишком долго, так что Рину досталось несколько весьма внушительных подзатыльников. Затем ему было велено переодеться и бегом бежать в трапезную. Вообще-то, Рину теперь полагалось, в связи с поступлением на службу, постоянно жить в замке, но, учитывая, что Ндади ни в чём не мог отказать его красавице матери, то Рина, пока ещё, отпускали домой — но только на ночь, или когда он бывал не нужен.

Рин, хоть и не подавал виду, но страшно волновался. Пусть он и знал, благодаря тяжёлой руке Ндади, все эти бесчисленные трапезные уложения наизусть, боязнь того, что он от волнения, как это и случилось с ним недавно, что-нибудь перепутает, не оставляла его ни на мгновение. Но пока всё шло как надо: он строго следил за соблюдением церемониала — от призывного звука рога, известившего о начале парадного пира, и до сего момента, и даже ни разу не запнулся, говоря перед герцогом и его гостями приветственное слово для каждого из этих труднопроизносимых блюд.

Герцог был в хорошем настроении — много смеялся, шутил, и был крайне милостив к своим сотрапезникам, так что Рин, даже подумал — не осуществить ли ему сегодня свой дерзкий план, который он столь долго тайно лелеял? Однако, одна только мысль об этом, заставила его сердце сорваться в бешеный галоп, отчего холодный пот, мелкими, противными бусинками тот час выступил у него на лбу и носу. Нет! Только не в первый день, когда ему доверили распорядиться обедом!

— ... из пирога, едва только его разрезали, вдруг грянула музыка! Семь музыкантов, скрывались внутри этого кулинарного чуда! — ади Вара Великолепный, победоносно оглядел всех сидящих за столом и, отхлебнув немного вина из кубка, продолжил. — А в конце стола, на самом его краю, возвышалась огромная башня, высотой ранов пять, не меньше! В основании её стояло семь конийских даров с вызолоченными рогами. Были они из белоснежного молочного сахара, а рога их — из марципана... На дарах же размещались два корабля — «Тигиру» и «Фарнфорн» — столь искусной работы, что приглядевшись, можно было рассмотреть на них всё, вплоть до последнего паруса, и даже штурвала и фонарей на крюках! Борты их были из расписанного цветной карамелью шоколада, а внутри они были из сливочного бисквита с промелланскими орехами и сладким бирюмским изюмом, — барон рассказывал всё это столь аппетитно, что у Рина аж в животе забурчало, а бедный мастер Гунхан, старший повар, стоявший, как ему и полагалось, справа от герцога, то недоверчиво таращился на барона, то сконфуженно прятал глаза, как бы признавая, в свете подобных историй, полную свою непригодность.

— Ещё выше, над кораблями, — продолжал, между тем, ади Вара, — возвышался замок, из лирнского суфле и свежих фруктов, с развевающимися цветными флагами на башнях. Флаги те были вылеплены из сладкого листового риса... Стены же замка украшали всевозможные Ониды, игравшие на маленьких трубах. И трубы, и воздухопроводы, проложенные внутри башни для того чтобы эти трубы могли издавать звуки, равно как и скрытые от глаз каналы для вина, по которым в фонтаны, устроенные в том замке, подавалось самое лучшее пешарское вино, были сделаны из леденцовой карамели... А увенчивала же это, воистину, волшебное блюдо, королевская корона с гербом. И если, корону изготовили из красного ромового бисквита, с нежнейшей лимонной начинкой и тонкими прожилками из чёрного и белого шоколада, то герб был сделан из дунтового марципана, а расписан — ванильным пралине... — барон, глубоко вздохнул, а затем, откинувшись на спинку кресла, торжественно завершил свой рассказ. — Вот что, досточтимые господа и дамы, имел счастье видеть я на пиру, по случаю венчания Унгунда Пьертского, брата нашего сиятельнейшего короля Эрро Шепелявого, и которая имела честь состояться во второй благодать лиственя, в знатном городе Адэрне!

Рин, слушая всё это, на какое-то мгновение даже забыл о том, кто он и где находится, но, едва рассказ ади Вары закончился, как он сразу же восторженно, и захлопнув, раскрывшийся от охватившего его изумления рот, вновь принял подобающую его положению позу и, гордо выпрямившись в своём высоком креслице, деятельно вернулся к исполнению своих обязанностей. Но ещё не раз за этот вечер, Рин оказывался во власти удивительных рассказов ади Вары и прочих знатных гостей герцога.

Вскоре, перед десертом, была дана короткая интермедия, во время которой, шут герцога Яргон, вместе с его акробатом и шутком ади Тонкрафа, немного всех повеселили, разыграв сцену сватовства великана Динглина к мудрой Ларе. Потом герцог изволил, чтобы привели удивительного двухголового пса, из каких-то далёких восточных стран. А ещё где-то через час обед благополучно закончился. Гости, один за другим, сообразно их придворному рангу, встали из-за стола, витиевато поблагодарили герцога за угощение и чинно, насколько это позволяло им выпитое вино, покинули трапезную. Последним, взяв анди Ланду под руку и о чём-то с ней мило беседуя, шёл сам герцог.

Ну, сейчас?! Или когда-нибудь потом? Рина пробрала нервная дрожь, а спина немедленно похолодела... Нет, сейчас! Не то он так и будет всю жизнь стоять у герцогского стола. Рин набрал в грудь побольше воздуха, бросился вслед за герцогом и, шумно рухнув на колени, испуганно выпалил, на миг даже зажмурившись от охватившего его ужаса:

— Господин, герцог!.. Господин герцог!..

Герцог не сразу понял, что к нему вдруг кто-то посмел обратиться, а потому сделал ещё несколько шагов, прежде чем его прелестная спутница, не остановила его. Тогда герцог, с нескрываемым изумлением, в упор уставился на Рина. Мгновение казалось, что он вот-вот ударит его, но тут, как будто вдруг что-то вспомнив, он опустил руку и, с плохо сдерживаемой досадой, спросил, цедя слова сквозь зубы:

— В чём дело?

— Господин герцог... господин герцог...

— Я и так знаю, что я герцог! Болван!.. Говори быстрее! Что за страшная нужда подвигла тебя обратиться ко мне в обход всех правил? — герцог аж побагровел от возмущения, да и анди Ланда рядом с ним, выглядела крайне недовольной.

Рин на секунду смутился, но затем взял себя в руки и, твёрдо глядя в лицо герцогу, продолжил. — Господин герцог, Ваш славный и доблестный рыцарь, ади Питри Фрогган изъявил желание взять меня в обучение, в случае, если Вы, Ваша Милость, соизволите дать на то своё согласие... Я прошу Вас быть снисходительным к моей ничтожнейшей просьбе и позволить мне поступить на службу к вышеозначенному доблестному рыцарю... Пожалуйста, господин герцог!..И не гневайтесь на преданного раба своего за то, что он осмелился дерзко просить Вас

об этом, минуя кристрига прощений!.. Господин Инган уже несколько раз прогонял меня, когда я приходил просить его явить вашему высочайшему вниманию эту свою нижайшую просьбу!..

— В обучение?.. К старику Фрогану?!.. Х-хр! — насмешливо хрюкнул герцог. — На преданного раба своего! — тут же язвительно передразнил он Рина. — Как же, преданный раб! Ни уважения, к своему господину, ни должной скромности! Так бессовестно пренебрегать правилами приличия и, тем самым, выставять меня в неприглядном свете перед моими благородными гостями!.. Ступай прочь, осёл!.. — рявкнул он под конец и добавил, крайне зловеще, сделав особый упор на втором слове. — Я поз-ж-же разберусь с тобой!..

Герцог ещё раз гневно смерил его взглядом, а затем, раздражённо отвернувшись, продолжил свой путь с анди Ландой.

Лицо Рина горело от стыда и страха, и он, далеко не сразу, нашёл в себе силы подняться с колен. Наконец, он встал, и пряча глаза от потрясённо тарашившейся на него челяди, обречённо побрёл в свою комнату. Идти было далеко — на второй этаж западного крыла, то есть, почти через весь замок, от чего Рину было ещё тяжелее.

— Рин, пиава проклятый! Ты что, совсем спятил?! — неведомо откуда выскочивший Адэк больно вцепился в его плечо и, резко крутанув, развернул к себе. — Ты что, хочешь, чтобы господин Ндади до конца дней моих гноил меня на кухне?..

— Отстань, Адэк!.. Ты-то тут причём? — Рин слабо попытался вырваться, но Адэк, вцепившись в него, словно клещ.

— Как это причём? Я же видел, что ты нездоров... Правда, не думал, что это у тебя с головой не в порядке!.. И ничего господину Ндади не сказал... — в глазах Адэка светилось настоящее отчаяние, и только теперь Рин подумал, что, пожалуй, своим дурацким поступком, он подвёл не только себя, от чего ему стало ещё более тошно.

— Я скажу Ндади, что ты во всём этом совершенно не виноват... Я давно уже это задумал...

— Какой же ты, всё-таки, болван!.. Ну если надо тебе что-то от господина герцога, так пошёл бы сперва к господину Ндади, посоветоваться... а ещё лучше — попросил бы своего отца!.. А то, словно в этих напыщенных рыцарских романах: бухнулся перед Его Милостью на колени, да ещё, в столь неудачный момент... Ты хоть понимаешь, что тебе невероятно повезло: он ведь мог запросто повелеть засечь тебя до смерти, за такую дерзость, а то и прямо на виселицу отправить?

— Ну, на виселицу-то вряд ли... — уныло засомневался Рин. — А отец, ещё когда только думал определить меня на службу в замок, уже и тогда ни за что не соглашался, чтобы я стал чьим-нибудь пажом, или, хотя бы, просто солдатом в гвардии герцога... Так что об этом его просить бесполезно...

— О, всеблагая пятерица!.. Не иначе, как тёмным попущением на свет нарождаются такие дураки! Ну раз уж и твой отец против, то тогда будь трапезничим и не суйся туда, куда тебя не просят! — Адэк в сердцах плюнул, а затем возмущённо отвернулся и пошёл куда-то по своим делам, то и дело, осуждающе покачивая из стороны в сторону головой.

Рин горько вздохнул и, едва сдерживая слёзы от обиды и разочарования, заспешил к себе в комнату.

Глава 2

— Рин! Скорее!.. Там такое!.. — в распахнутой двери стоял потрясённый, запыхавшийся Адэк, нетерпеливо ожидая, пока, несколько растерявшийся от столь неожиданного вторжения, Рин оденет камзол и туфли. У Адэка же вся одежда была изрядно намочена и сплошь в мыльных разводах, а руки — всё ещё красные: судя по всему, он, как был, так прямо и выскочил из кухни. — Ну же!

— Да что такое?! — Рин наконец попал ногой в убегающую от него туфлю и бросился вслед за Адэком, так и не удосужившимся объяснить, в чём, собственно, дело. Уж не приказали герцог его, и вправду, повесить?.. Да нет, глупости!.. Но что же тогда?

— Адэк, да что случилось-то? — сделал на бегу ещё одну попытку Рин, но Адэк, по-прежнему, не обращал на него ни малейшего внимания и мчался, словно дикая лошадь. Рин почувствовал, что начинает безнадёжно отставать, и сосредоточился на том, чтобы хотя бы не упустить его из виду. Они промчались всю галерею, спустились на западный двор и бежали теперь к крепостной стене, на которой и без них уже было полно народу. Все, кто собрался там, наблюдали за чем-то, происходящим в городе, и при этом взволнованно, но в полголоса, это обсуждали. Взглянув в том же направлении, Рин только сейчас заметил слабое, непонятное сияние.

— Что это? — задыхаясь от бега, крикнул он в спину Адэка. Тот хотел было что-то сказать, но вдруг раздался чудовищный грохот, вслед за которым, яркая молния взметнулась в небо, расколов его надвое. Женщины истошно завизжали и дружно укрылись за стеной, а мужчины лишь слегка пригнулись, ухватившись за свои шапки. От неожиданности Рин споткнулся и упал.

— Да быстрее же! — раздражённо прошипел Адэк, вернувшись и помогая ему встать на ноги. — Давай за мной!.. На старую дозорную башню!..

И вновь бросился бежать.

Вслед за Адэком, Рин взлетел по каменным ступеням на стену, обогнул треугольный выступ, и, ранов через двадцать оказался у основания башни. Но Адэк уже стучал ботинками где-то далеко наверху. Глубоко вздохнув, Рин тоже стал подниматься по выщербленным остаткам ступеней. На первой же площадке он увидел Адэка, который удобно устроился на полу, рядом с узкой амбразурой. Тяжело дыша, Рин подошёл к нему и лёг рядом.

— Ну, теперь видишь? — возбуждённо спросил Адэк, указывая на тот самый дом, чуть в стороне от Замковой улицы, возле которого Рину сегодня днём было так плохо.

Яростное, пылающее свечение дрожало над его крышей, время от времени взрываясь во все стороны жёлто-зелеными молниями. Иногда из окон дома вылетали большие чёрные шары и, словно гигантские пузыри, поднявшись в вечернее небо, где-то там, исчезали. Раздался очередной гром, сразу же сменившийся жалобным скрипом. Старая черепичная крыша внезапно подпрыгнула, словно акробат герцога, и, развалившись в воздухе, осыпалась на землю тысячами осколков. Часть стропил разлетелась в щепы, но несколько крупных обломков, словно пущенные из баллисты снаряды, устремились в разные стороны, всё круша на своём пути. Из уже почти разрушенного дома, на фоне зарева, взметнулись вверх огромные, уродливые тени и заплясали в бешеном танце. Три из них, то и дело бросались на одну, ещё большую — отчаянно метущуюся между ними и беспрестанно меняющую своё обличие. Когда они устремлялись к ней, та тень вся вздымалась, вскипала, и тогда разлетались во все стороны молнии, и гремел гром. Вдруг плотное, ослепительно сияющее кольцо окружило её, и тени поменьше бросились врассыпную. Полыхнула вспышка, да такая яркая, что все, кто наблюдал за этим, с болезненным вскриком схватились за глаза. Затем глухой, мощный гул пронёсся над городом, так что всё вокруг наполнилось им, и сами крепостные стены задрожали. Люди, до этого гроздьями

облепившие стены, в ужасе бросились прочь, кто куда. Адэк с Рином тоже было вскочили, но любопытство взяло верх, и они вновь припали к амбразуре, пока всё ещё моргая и осторожно касаясь пальцами век.

— Во громыхнуло-то! — испуганно и одновременно восхищённо прошептал Рин.

— Ага! — отозвался Адэк, не отрываясь от невиданного доселе зрелища.

Меж тем, по Замковой улице промчалось в сторону дома ещё несколько теней, вслед за которыми неслось нечто, напоминающее слабо светящееся облако, несколько ранов в попе-речнике. Они скрылись за стенами, откуда ещё пару раз, слабо полыхнуло молниями, а затем сияние погасло, и всё стихло. Только сейчас Рин заметил, что уже почти стемнело. Несколько мгновений в доме ничего не было не видно и не слышно, а затем, над его стенами взметнулась, высоко ввысь, сияющая полоса, тут же взорвавшаяся в ночном небе, оставив после себя гигант-скую пылающую дыру. В тоже мгновение дыра эта закрутилась, подобно огненному водово-роту, вниз из неё рухнул толстый сияющий хобот, а над городом пронёсся чудовищный, сотряс-ший каждый дом, рёв. Тени, на секунду, ещё раз мелькнули, устремившись по этому хоботу вверх, и неожиданно пылающая дыра, вспыхнув тысячью молний, с оглушительным грохотом исчезла. Некоторое время они с Адэком ждали, всё ещё надеясь на продолжение, но так как руины дома упорно безмолвствовали, им пришлось, наконец, с величайшим сожалением при-знать, что чудеса закончились.

— Ведь мы же были сегодня у того дома! — и Адэк вопросительно посмотрел на него, словно бы это он, Рин, всё это и устроил.

— Ну и что? — пожал плечами Рин.

— Ничего... — Адэк, кажется и сам не знал, что же из этого следует. — Просто странное совпадение... Ни я, ни ты почти никогда туда не заходили, а сегодня, как раз именно рядом с этим домом, тебе вдруг сделалось плохо... Почему, спрашивается?

Рин сосредоточенно уставился на свои ноги, пытаясь сообразить, значит ли это что-нибудь, или, действительно, является всего лишь совпадением. Ничего путного в голову не приходило.

— Ну, не знаю, — недоумённо развёл он руками.

— Вот и я не знаю, — сказал Адэк, а затем, уже чуть тише, добавил. — И мне кажется, что будет лучше, если об этом никто больше и не узнает.

Затем он встал, отряхнул штаны, и направился к лестнице. Уже перед тем, как спускаться, он оглянулся и сказал:

— И ещё... Лучше не ходи сегодня домой!.. Мало ли кого или что можно сейчас повстре-чать в городе...

Он говорил это совершенно серьёзно, и Рину ни капельки не хотелось сомневаться в справедливости его слов:

— Наверное, ты прав...

Они спустились с башни и, оживлённо делясь впечатлениями от только что увиденного, направились обратно к себе, в комнаты прислуги, в западной части замка.

На следующее утро в комнату Рина вошёл сердитый и немного грустный Ндади.

Адэк, с которым Рин проболтал всю ночь, обсуждая всё, что случилось накануне, при виде господина Ндади, коротко поклонился и тотчас же выскочил вон из комнаты. Но Ндади на него даже внимания не обратил: он не отрываясь смотрел на Рина.

— Если ты полагаешь, что из-за вчерашних событий на Замковой улице, господин гер-цог забудет о твоей выходке, то ты глубоко ошибаешься!.. Я не знаю... и боюсь даже сейчас предполагать, какое наказание изберёт для тебя господин герцог... но думаю, оно тебе очень не понравится... И, скажу я — поделом! Глядишь, хоть немного поумнееешь... Ведь это же надо такое придумать!.. И ладно бы ещё, если бы господин герцог был один, или только со

своим светлейшим семейством, а то при столь знатных гостях! — Ндади был рассержен и растерян одновременно: понять подобное поведение было выше его сил, и он лишь с досадой и недоумением взирал на Рина.

Лучше бы надавал подзатыльников, или же, прямо тут же, собственноручно высек, подумал Рин, невольно съёживаясь под его взглядом. Если уж и Ндади столь растерян, то дело его, наверно, и вправду — хуже некуда!

— Ну что молчишь, словно конийская бестолочь?.. Что я теперь скажу твоей матери?.. Пажом ему, видите ли, быть захотелось! В рыцари не терпится! — Ндади схватил его за волосы надо лбом, и заставил смотреть на себя, не пряча лица. — А меня-то хотя бы ты мог спросить?.. Я ведь, при дворе, чай не первый год — уж что-нибудь, да присоветовал!.. Ну... Чего молчишь?!..

— Вы... — Рин так тихо прошептал, что и сам себя не услышал.

— Что, что? — спросил Ндади, склонившись и слегка прищурившись.

— Вы бы меня и слушать не стали, если бы я пришёл к вам с подобной просьбой, — сделав над собой усилие, выговорил, наконец, Рин.

Несколько мгновений Ндади внимательно всматривался в его лицо, а затем отпустил волосы и отвернулся. Некоторое время он о чём-то размышлял, нервно постукивая ногой по полу, а потом вновь повернулся к Рину.

— Ты прав... Вряд ли бы я стал всерьёз обсуждать с тобой это... Но вот что я тебе скажу — уж по-всякому я бы поговорил с тобой и постарался бы тебя образумить, и уж точно — не допустил бы, чтобы ты совершил подобную глупость! — Ндади устало вздохнул и сел на кровать рядом с Рином. — Конечно, все мальчишки в твоём возрасте мечтают о чём-нибудь героическом, достойном того, чтобы это запечатлело перо придворного летописца... Но, поверь мне, Рин, далеко не всегда это того стоит: жизнь рыцаря, если он не принадлежит к сильным мира сего, зачастую состоит лишь из тяжёлого ратного труда, безденежья, болезней и увечий, и весьма далека от того придворного блеска, который ты видишь здесь и ошибочно распространяешь на всех, кто относится к рыцарскому сословию...

— Я знаю... Ади Питри мне уже говорил об этом...

— Ты может быть и знаешь, но пока ещё не понимаешь этого!.. Ты ещё, просто, слишком мал для того, чтобы разбираться, что хорошо в жизни, а что — нет! — Ндади, видимо, решил раз и навсегда избавить его от вредных, по его мнению, устремлений. — Конечно, достойный ади Фрогган — рыцарь в высшей степени доблестный и знаменитый... пусть и в прошлом... Но что он сейчас имеет? — Ни семьи! Ни достатка! Ни, даже, здоровья!.. Лекарь к нему почитай каждый день ходит, а ведь ему только пятый десяток пошёл! Пройдёт ещё каких-нибудь несколько лет, и — не допусти, конечно, того Господь наш всеблагий и всемилостивейший — ади Фроггана с нами уже больше не будет! И кто о нём тогда, вспомнит?..

— Я!.. Я вспомню!.. — гневно вскричал Рин, вскакивая с постели. — Зачем вы так говорите о ади Фроггане, господин Ндади?

— Помилуй, Рин! Я ничего плохого о ади Фроггане не говорю! — возмутился в ответ Ндади. — Но разве же всё, что я сказал тебе о нём — неправда?

— Да пусть даже и так! По мне, так лучше быть таким рыцарем, чем распоряжаться всю жизнь на чужих обедах, пусть даже и у герцога! — Рина аж затрясло от возмущения. Как Ндади может всерьёз убеждать его, что жизнь прислуги лучше жизни рыцаря?

Ндади же ничуть не смутился и не рассердился: лишь грустно посмотрел на Рина:

— Ладно, Рин... Ступай домой!.. Я думаю, что твоя мама очень волнуется...

Затем криво усмехнулся, прокашлялся и вышел из комнаты, но через секунду вновь появился в дверях:

— Если вдруг господин герцог тебя затребует, я за тобой пришлю. Так что сиди дома и не куда не отлучайся!

И снова ушёл. Рин слушал, как удаляются по коридору его шаги, а когда они совсем стихли, он неохотно поднялся с кровати и, натянув на себя камзол, отправился домой.

Первым делом Рин побежал поглазеть на то, что осталось от несчастного дома. Но там и без него зевак было предостаточно, хотя смотреть-то, собственно говоря, оказалось не на что: полуразвалившиеся стены, битые стёкла, да оплавившиеся кое-где камни из кладки — вот и всё, что он там увидел. Соседние же дома, некоторые из которых тоже весьма сильно пострадали, уже вовсю ремонтировались. Тут же стояли и их взволнованные обитатели, яростной жестикуляцией и отчаянной мимикой живописующие благодарным слушателям о том, близкими свидетелями чего им довелось стать. Несмотря на то, что большую часть рассказа они выдумывали по ходу своего повествования, и все, в общем-то, прекрасно об этом знали, толпа, всё равно, сочувственно охала и с величайшей готовностью сопереживала. Рин тоже немного послушал, но он был сейчас слишком взволнован, чтобы получать от этого удовольствие. Ещё раз бросив вокруг себя взгляд, он заспешил домой.

Всю дорогу Рин боялся, что дома ему, как следует, влетит. Его даже не столько пугало возможное наказание, сколько тяготило чувство вины перед своими родителями. Он в сотый раз, мысленно, приводил им свои доводы, пытаясь убедить их в своей правоте, и всякий раз, отец, или мать, всего лишь несколькими фразами напрочь разбивали все его незатейливые построения. Рин был в отчаянии! Да тут ещё, неистовый перезвон колоколов, наверное, одновременно на всех церквях и соборах города, не давал ему сосредоточиться, вселяя в его, и без того смятённую, душу ещё больше волнения и трепета. Ведь этот непрерывный колокольный звон означал, что что-то случилось, и Рину казалось, что это именно ему в укоризну все они и звонят.

— Да куда ж ты прёшь, дар твердолобый! Не видишь, что ли? — какой-то бондарь схватил его за шиворот, и рывком дёрнул обратно. То, что это бондарь, Рин понял по его коричневой куртке, с двумя широкими зелёными полосами, словно обручи, опоясывавшими его тело. Рин с удивлением уставился пред собой: по улице, с факелами и тахилами медленно шла многочисленная процессия, распевая покаянные псалмы. Все были босы: и дети, и ремесленники, и торговцы, и члены маристула. Причём, во главе процессии, начало которой как раз скрылось за поворотом, как успел заметить Рин, шёл сам квистол, из главного собора, что на Большой площади!

— Что-то случилось? — с любопытством спросил он у бондаря.

Бондарь негодуяще крикнул и загудел ему басовито в ухо:

— Да ты что, с третьей луны свалился, али по утрам в церковь не ходишь?..

— Я в замке служу, — обиженно сказал Рин, едва заметно споткнувшись на слове «служу». В том, что он до сих пор состоит на службе у герцога, сегодня вызывало у него очень большие сомнения.

— Ха! Ну тогда ладно, — смиловившись бондарь и решил-таки объяснить, в чём дело. — Небось видел, чего вчера за "Пятой кружкой" творилось?

Рин утвердительно кивнул.

— Ну так вот, а сегодня, на утренней службе во всех церквях, по повелению квистола, инторы произнесли проповедь во искупление грехов наших премногих и тяжких и призывали всех молиться за души пропащие, оказавшиеся во власти Тёмного, кои и призвали слуг его в наш разнесчастный город. А дабы очистить его от энтой скверны, наказал он каждый день, в течение всей недели, ходить шествием, каждый раз по разным улицам, и молить Господа нашего, Всеблагого и Всесущего, дабы он простил нас, недостойных его милостей, и избавил город от порчи Тёмного, — под конец бондарь и вовсе перешёл на заунывное пение, отчего стоящие вокруг него люди, многие из которых явно напоказ, хотя и совершенно искренне, вздыхали и вытирали слёзы раскаяния и умиления, при виде столь праведного, как молебное

шествие, зрелища, стали с любопытством оглядываться. — В молитве и добром слове ищи спасенье от лихого! — назидательно заключил он, чем заслужил их одобрительный гул.

Но тут, наконец, мимо них прошествовал хвост процессии, и Рин поспешил продолжить свой путь.

— А я и сам пойду завтра вместе с другими бондарями из нашего цеха, — важно сказал, не отстававший от Рина бондарь. — Мастер наш и сегодня был там... может, заметил его?... дорожный такой, и в такой же куртке, что и у меня, только полосы у него не зелёные, а золотые... нет?... ну, да ладно!.. Так вот, он вообще всю эту неделю будет участвовать в шествиях!.. Во какой праведный человек, наш мастер!

Рин серьёзно кивнул и повернул на соседнюю улицу, к своему дому.

— А мне туда!... На Верхнюю... — махнул рукой бондарь в сторону, возвышавшейся на холме, городской стены. — Ну прощай!..

Рин обернулся и тоже вежливо поклонился. — До свидания и вам!

Отец с кем-то говорил. Рин прислушался, пытаясь хоть что-нибудь разобрать, но дверь в его комнату была добротной, и он не понял ни слова. Делать было нечего, и Рин громко постучал. Голоса сразу же стихли, а затем дверь открылась, и на пороге появился отец. Он был очень взволнован, и от этого мальчик перепугался ещё больше. Ну сейчас достанется! — подумал он.

— Рин?... Заходи!..

У Рина от страха перехватило горло, и он нервно откашлялся.

В комнате, кроме отца, был ещё какой-то сутулый, пожилой человек, лица которого, из-за низко опущенного капюшона, не было видно. Лишь длинная, седая борода опускалась на грудь. Он устало сидел на краешке его кровати.

— Здравствуйте... — робко произнёс Рин. Белая борода показалась Рину знакомой — точно такая же была, например, и у придворного волшебника, который водил знакомство с его отцом и раньше довольно часто бывал у них в гостях. Лишь последние года два, он редко заходил. Сколько Рин себя помнил, он всегда боялся этого величественного старца. Однако волшебник был высоким и статным, а этот старик фигурой совсем на него не походил.

Старик едва заметно кивнул, но даже не посмотрел в его сторону.

— Садись, Рин, — предложил отец, пододвигая к нему стул. Только сейчас Рин заметил, что шкафа в углу больше нет: на его месте зияла непривычная пустота.

— Да, Рин... Пришлось от него избавиться, — равнодушно сказал отец, проследив за взглядом сына. — Вчера, как и сам знаешь, в городе творилось нечто ужасное — дома в округе разве что кевисту не плясали... вот он и не выдержал... старый был... весь разохся... потому и развалился...

Рин ничего на это не сказал, хотя то, что из всего, что есть в доме, пришёл в негодность, почему-то, именно один только этот шкаф, показалось ему в высшей степени странным. Он молчаливо ждал, что будет дальше.

Отец прошёлся по комнате, заложив руки за спину и сосредоточенно глядя в пол, как бы собираясь с мыслями, а затем остановился перед ним:

— Скажи, с тобой вчера ничего странного не происходило?..

Рин опешил: вчера он на обеде у герцога столько натворил, мягко говоря, странного, что ещё раз спрашивать его об этом было явно излишним.

— Я... вчера... на обеде у герцога... — заплетающимся от страха языком начал было Рин, но, к величайшему его удивлению, отец лишь отмахнулся.

— Ах, да!.. Обед у герцога... Это мы с тобой обсудим потом... А сейчас — ты подумай... Может быть, вспомнишь что-нибудь необычное... Что-нибудь такое, что случилось ещё до твоего прихода в замок?

У Рина от изумления даже рот открылся, но отец, судя по его виду, отнюдь не склонен был шутить и оставался предельно серьёзен:

— Рин, это, действительно, очень важно!

Несколько мгновений в голове у мальчика царил полный сумбур, но едва только он с ним справился, то сразу понял, о чём, наверное, говорил его отец: о то же самом, что и Адэк, когда указал ему на странное совпадение.

— Кажется, вспомнил, — Рин опасливо покосился на гостя, но, отец никак не отреагировал на этот его взгляд, и потому он продолжил. — В тот день за мной зашёл Адэк: я был нужен в замке, и его прислал господин Ндади, чтобы сообщить об этом. Но когда мы пошли туда, мне вдруг сделалось плохо... Как раз напротив проулка от Замковой улицы к "Пятой кружке", мне стало совсем уж дурно, и я свернул туда... Хотя... — тут Рин невольно сверился со своими тогдашними воспоминаниями и, убедившись, что так, и вправду, будет более правильно, стал рассказывать дальше, — Мне вдруг почему-то нестерпимо захотелось пойти туда... А что было потом, я не помню... Я как будто лишился чувств... Адэк же стал меня искать, но когда нашёл, то со мной всё уже было в порядке. — Рин замолчал и испуганно посмотрел на отца, словно бы то, что он ему сейчас рассказал, было признанием в каком-то ужасном проступке.

— Это всё?.. Или, быть может, что-нибудь случилось, когда ты был ещё здесь, в своей комнате? — отец явно чего-то ещё ждал от него. Но чего? Этого Рин не понимал.

— Рин, постарайся вспомнить! — отец продолжал настаивать, и мальчик снова сосредоточился на вчерашнем дне. Он смотрел в угол, где стоял шкаф, и вдруг что-то, — что-то такое, отчего внутри у него всё, враз, похолодело, — шевельнулось, где-то в самом тёмном закоулке его сознания.

— Может быть... Может, не в тот день, а накануне... В ночь перед этим!.. — Рин словно бы двигался на ощупь и даже и сам не знал, что же скажет в следующий миг. — Мне тогда приснилось, что в шкафу кто-то есть... Вернее даже не приснилось... Я... мне... Это было совсем не так, как, когда я был маленьким... Я это, словно бы видел!.. — на самом деле, так Рину показалось уже только сейчас. Но теперь он почти не сомневался в этом, и от подобного предположению стало совсем уж не по себе.

Незнакомый старик и отец быстро переглянулись.

— Продолжай, мальчик! — требовательно попросил старик, и Рин с удивлением обнаружил, что его голос ему знаком. Кто же это? Ну точно! — в то же мгновение с испугом подумал мальчишка. — Это придворный волшебник!

— Но я ничего больше не помню! Совсем ничего! — Рин был совершенно искренен: ему, и вправду, больше нечего было добавить к уже сказанному.

— Ну что? — спросил отец, глядя на Дэдэна.

— Я должен проверить! — твёрдо произнёс тот и, кряхтя, встал с постели. Когда он подошёл к Рину, тот, наконец увидел его лицо и, окончательно убедившись, кто это, испуганно отшатнулся.

— Не бойся, Рин! Он ничего тебе плохого не сделает. — успокоил его отец.

Хоть отец и просил его не бояться, но душа у Рина тут же ушла в пятки: он весь невольно напрягся, а во рту опять пересохло.

— Лучше расслабься! — предупредил волшебник. — Не то, возможно, будет немного больно.

Рин попытался, но у него ничего не получилось. А Дэдэн, тем временем, сложил у него на голове ладони и что-то, едва слышно, но очень быстро забормотал. Неожиданно, ноги у Рина подкосились, перед глазами всё поплыло, и он упал на пол.

— Ну что? — словно сквозь сон услышал он голос отца.

— Ничего! — уверенно ответил Дэдэн. — Совсем ничего!

Рин чуть было не застонал и открыл глаза. Как оказалось, он лежал на своей кровати, головой — на коленях отца.

— Скорее всего, мальчиком воспользовались только для восполнения сил и для перемещения из комнаты к тому дому.

— Кто воспользовался? — испуганно прошептал Рин.

Но Дэдэн лишь недовольно буркнул. — Не знаю...

— И ведь этот Кто-то и сидел в шкафу? Правда? — Рин, рванулся, пытаясь встать, но отец не позволил. И тут его осенила внезапная догадка. — Да ведь и шкаф, наверняка, не просто так развалился?

— Шкаф... — Дэдэну явно не хотелось объяснять что-либо Рину, да только скрывать это от него и дальше, видимо, не было больше никакого смысла — то, что шкаф имеет самое непосредственное отношение ко всей этой истории, было очевидным. — Шкаф, как я уже и сказал твоему отцу, был сделан из дерева, обладавшего, в своё время, очень большой магической силой... Кстати, — тут он вновь обратился к отцу. — Вэйс, позволь мне, всё-таки, с тобой не согласиться, что попал он к тебе совершенно случайно: такие вещи могут, отчасти, и сами выбирать, где им следует оказаться... Н-да... Ну, да ладно... Именно это обстоятельство и позволило кому-то воспользоваться этим шкафом, как некоей дверью сюда... Откуда — я, разумеется, при всём своём желании, определить не могу, — тут Дэдэн на мгновение задумался, а затем продолжил. — Однако теперь я совершенно уверен, что шкаф этот, когда-то давно, и, конечно, не здесь, именно для этого и использовали.

— В качестве... э-э... далеко... дальнопереноса? — не удержался отец.

— Чего? — не понял волшебник. — В качестве магической двери, связывающей два каких-то места в этом мире!

— Так зачем же вы его тогда сломали?! — возмущённо вскричал Рин и вновь попытался покинуть колени родителя.

Отец чуть улыбнулся и без особых усилий пресёк эту попытку. — Всё дело в том, Рин, — сказал он, ласково потрепав его по голове, — что в наших краях им мог бы воспользоваться лишь чародей великой мощи, что, видимо, и произошло, а для всех остальных — он совершенно бесполезен, если не сказать, опасен. Мало ли кто ещё может оттуда появиться... и с какими намерениями... Вот потому-то, мы его не только сломали, но и сожгли в камине... Я думаю, что тебе бы очень понравилось наблюдать за тем, как это происходило. — усмехнулся он.

— А как? — полюбопытствовал Рин.

— Кх! Кх! — громко и явно нарочито закашлял волшебник.

— Об этом я тебе как-нибудь потом расскажу... А сейчас, слушай меня очень внимательно! — отец сразу вновь стал серьёзным, а в его глазах опять появился беспокойный блеск. — Ты парень уже взрослый и должен понимать, что иногда надо держать язык за зубами. Обо всём, что ты здесь услышал и ещё услышишь, ты должен дать мне слово молчать! Всегда и со всеми! Без исключения! Даже с мамой и Ликом, не говоря уже об Аше. Ты понял?

Рин испуганно, но утвердительно кивнул, и сердце у него бешено застучало. Какую страшную тайну ему сейчас поведают?

— Так вот. — продолжил отец. — Скоро к тебе кое у кого появится множество вопросов... Например, у верховного ита. — отец увидел, как у Рина изумлённо распахнулись глаза, и грустно усмехнулся. — Можешь не сомневаться: обо всём, что у нас случилось, в тот же мигновение узнали волшебники всего Ирвира, так что Совет Божественной Силы немедленно послал сюда одного из своих представителей, дабы провести собственное дознание. То, что ты вчера мог видеть — когда кто-то устроил настоящую иллюминацию в городе — это не пиротехнические фокусы, а самая настоящая магия, да к тому же — чудовищной силы! Как я тебе уже говорил, в наших краях магией не больно-то побалуешься... А для такого — столько сил

потребуется, что на это могут пойти только, по-настоящему, великие волшебники, да к тому же, лишь по небывало серьёзной причине... Вот Совет, сочтя всё произошедшее причиной чрезвычайно серьёзной, и решил направить сюда аж самого верховного ита... Ну, о нём лучше тебе... ади Дэдэн расскажет.

— Непременно... — Дэдэн повернулся к Рину, поглаживая свою длинную бороду. — Когда ты увидишь верховного ита, то не пугайся. Сейчас, насколько я знаю, эту должность занимает Нгунги. А Нгунги — не человек. Он — пиав... — заметив, как Рин вздрогнул, он усмехнулся. — У нас здесь никого, кроме людей, почти никогда и не увидишь, а в столице, не говоря уж о других далёких странах, как раз наоборот — именно людей-то и мало: всё больше иные существа живут... Хотя... думаю... тут я немного увлёкся: пусть в Тирле нелюдей — в основном самтов, а не пиавов — предостаточно, их всё же, много меньше, чем людей, и они, как правило, народ пришлый — чужестранцы: купцы, лекари, волшебники, воины, да и, просто, всякого рода шарлатаны... Так вот, Нгунги, сколь бы странно он не выглядел, пугаться не стоит — пусть он существо и другое, но, во многом, он такой же, как и все мы. И если он станет тебя расспрашивать, то ты ни в чём не отпирайся, и можешь, ничего не опасаясь, рассказать ему всё. Ты понял?

— Да. — чуть слышно сказал Рин, а про себя подумал — мало того, что верховный ит, так ещё и пиав! И за что только все эти несчастья на его голову?!

— Ну вот и замечательно... А если вдруг кто-нибудь, кроме него, спросит тебя про старый шкаф, то ты тому скажи, что батюшка твой выбросил его потому, что шкаф был старый, и в тот день, от великого грохота и невиданного доселе сотрясения, и вовсе развалился... Кстати, все твои домашние именно так и считают... Вчера у очень многих что-нибудь да разбилось, или же развалилось, так что никто твоему ответу особенно и не удивиться... — Дэдэн с сомнением посмотрел на Рина и вздохнул. — Что ж... Раз всё обсудили, то тогда я пойду... А то хватятся, неровён час! — и немного кряхтя, поднялся с кровати.

— До свидания, Вэйс! Да ниспошлёт Всесущий свою милость на твой дом! — Дэдэн слегка поклонился и, запахнувшись в плащ и надвинув поглубже капюшон, вышел из комнаты.

Пока были слышны его шаги, Рин и отец молча сидели, но, едва только они стихли, отец поднял Рина с кровати и поставил перед собой:

— Так помни же! Никому не слова!..

— Как скажешь, отец. — послушно кивнул Рин, уже сейчас ощущая, как ему не терпится всё побыстрее выложить Адэку, и представляя, как у того вытянется лицо от удивления. Да, пожалуй, выполнить это обещание будет потруднее всего. Даже потруднее встречи с верховным итом!

— Ну вот и хорошо!.. А теперь пошли обедать: стол, верно, давно уж накрыт.

С этими словами он встал, и подтолкнул Рина вперёд себя. — Ну, идём!

Рин ещё раз взглянул на то место, где раньше стоял шкаф, и вспомнил, что сказал о нём отец — "мало ли кто оттуда может появиться... и с какими намерениями..." — и внутренне содрогнулся: вон ведь оно как, а они с Ликом столько раз так славно в него прятались и столько лет рядом с ним спали!

Дэдэн вышел на улицу, и, низко наклонив голову, торопливо направился в сторону замка.

Удастся ли им обмануть верховного ита? Хотя он ничего и не почувствовал, когда про-верял мальчишку, но был абсолютно уверен, что что-то с ним связано. Что-то очень важное! Он не мог объяснить себе, откуда взялась у него такая уверенность, но почти не сомневался в том, что прав. Может, всё же, надо было предупредить мальчика, чтобы, на самом деле, он не доверял верховному иту, да и вообще никому из волшебников, за исключением тех, о кото-рых он ему сам скажет? Или Вэйс всё же прав, и чем меньше Рин сейчас знает, тем лучше? В любом случае от подобной змеиной ямы, как Радужная Башня, его надо держать подальше...

Сомнения! Опять лишь одни сомнения! Дэдэн, расстроено погладил бороду. Что ж, с другой стороны, Господь тоже сомневался, творить ли ему этот мир.

Глава 3

В третий лукош жареня, Н'Нгунги Андгингду Храо Д'Див, именуемый Сфера Сияющей Силы, как он был известен здесь, в Западном Инклифе Волшебников, отдыхал после дороги. Здешний герцог радушно предоставил в его распоряжение почти целый этаж в старом крыле замка. И хотя ему вовсе не нужно было столько помещений, он не стал долго отказываться, памятуя о том, сколь докучливы в этой части света правила вежливости. Он слишком устал для этого, и пусть лучше его сочтут за полного невежу, нежели он будет битых четверть часа расшаркиваться перед герцогом, убеждая его, что он никак не достоин подобной его щедрости, и что он до конца дней своих покроет себя позором, если позволит уговорить себя на это и так далее и тому подобное, а тот, в ответ, раскрасневшись, и то и дело прикладывая платок к увлажнившимся глазам, будет и сам изгаляться в самоуничижении, то называя себя недостойным данником короля и никчёмнейшим слугой Великого Инклифа, а то предлагая ему занять весь замок, а самому, вместе со всем своим семейством и многочисленными гостями, временно переселиться к одному из своих вассалов. Нгунги недовольно поморщился: никогда эта страна не станет для него родной — он не понимает этих людей, а они, в свою очередь, несмотря на всё своё показное смирение и бесконечные заверения во всемерном уважении, всегда будут презирать его, считая невоспитанным дикарём, да и просто брезговать его обществом, зная, что он пиаив. Не случайно ведь герцог, всячески приглашая его на сегодняшний ужин, лишь с трудом сумел скрыть чувство удовлетворения, когда Нгунги, сославшись на усталость после долгого и тяжёлого пути, сказал, что предпочитает отужинать наедине, в своих покоях.

Нгунги прошёл к центру комнаты и уселся прямо на пол, покрытый роскошным бирюжским ковром, смешно поджав под себя все свои три ноги, так, что каждое его колено торчало в сторону одной из вершин равносостороннего треугольника. Наклонив голову и обхватив себя руками, он быстро и привычно сосредоточился. Как только ему это удалось, он шепнул заклинание, и в тот же миг очертания его расплылись, и он превратился, в первое мгновение прозрачную, а затем, пару секунд спустя, засиявшую яростным, желтовато-серебряным светом, сферу. Она висела, примерно в ране от пола, и с бешеной скоростью вращалась. Минута — и вот уже всё помещение заполнилось этим призрачным мерцанием, а спустя ещё пару минут, весь свет устремился в сферу. Она вспыхнула, ослепительно, словно само солнце, а затем, с лёгким хлопком, исчезла, и на ковре вновь неподвижно сидел один только Нгунги.

Верховный ит осторожно поднялся и, сладко потянувшись, подошел к высокому креслу, с балдахинем, стоявшему боком к камину. Ему всегда было неудобно пользоваться мебелью других рас, но за долгие годы, проведённые в чужих для него странах, он научился не обращать на это внимания. Усевшись в кресло, он взял в руки большой медный колокольчик и хотел уже было позвонить, но вдруг, хитро, и как-то по-детски улыбнувшись, поставил его на место. Сложив все семь пальцев левой руки в некое подобие чаши, он энергично потряс кистью из стороны в сторону. В тот же миг всё помещение наполнил на удивление громкий и мелодичный звон. Нгунги грустно вздохнул: как же всё-таки мало в этих краях Силы, и как трудно её концентрировать! Являясь существом магическим, практически целиком живущим за счёт этой самой Силы, Нгунги всегда чувствовал себя здесь крайне неудобно. Однако, инклиф направил его именно сюда, а оспорить это решение он не посмел: все бы сочли это проявлением слабости, а что из этого может впоследствии, ему было прекрасно известно...

Дверь в комнату распахнулась, и вошедший, низко поклонившись, торжественно доложил:

— Катор Великого Инклифа Волшебников в славном герцогстве Индэрнском, Могущественный Волшебник Четвёртой Ступени Божественной Силы, открыватель Жизненной Спирали Духа Самтов, Дэдэн Юингир Имский с визитом к Верховному Иту Великой Гиль-

дии Волшебников Западного Инклифа, Могущественнейшему Волшебнику Третьей Ступени Божественной Силы, открывателю Сферы Сияющей Божественной Силы, Н'Нгунги Андгингду Храо Д'Диву!

После чего ещё раз низко поклонился, громко стукнул об пол посеребрённым жезлом первого помощника распорядителя визитов, ритуально махнул пару раз по полу гостевой метёлкой из веточек китны и, мелко семеня ногами и так до конца и не разгибаясь, сместился в сторону, давая проход придворному магу. Нгунги торопливо взмахнул рукой, давая понять слуге, что тот свободен. Распорядитель визитов искоса, с любопытством взглянул на него и тут же удалился, плотно закрыв за собой дверь.

— Рад видеть тебя всё ещё с Силой и Мастерством! Да пребудут они навеки с нами по милости Дарующего их! — приветствовал Дэдэн верховного ита, отвечивая тому низкий поклон.

— И я рад видеть тебя всё ещё с Силой и Мастерством. Да не иссякнет никогда милость Всесущего! — отвечивал тот, слегка наклонив голову. — Давай обойдёмся без всех прочих церемоний, — улыбнувшись, предложил он тут же. — Утомляют они меня, сверх всякой меры, орини Дэдэн... И как только ты всё это можешь терпеть?

Дэдэн сдержанно улыбнулся и, не дожидаясь приглашения, уселся, слегка кряхтя, на ковёр на полу.

— Так вот и терплю... Что же мне ещё остаётся?.. Загнали меня на самую кромку мира, так что, выбирать не приходится... Между прочим, волшебники здесь не в особом почёте: без Силы, люди вынуждены больше рассчитывать сами на себя, чем на волшебство. Вот и приходится ежеминутно перед всеми расшаркиваться, да ещё всячески избегать здешнего квистола... Тёмный его побери!.. Впрочем, в Тирле, я думаю, то же самое?

Нгунги тоже сел на ковёр, в двух ранах напротив Дэдэна, и вздохнул:

— Да почти... Именно поэтому я и решил перенести свою резиденцию в Оонг.

— В Оонг? — удивлённо поднял брови Дэдэн. — Но ведь это же бог знает где! На самом востоке инклифа! Даже и не в Имрии...

Нгунги печально покивал головой. — Именно так! — Затем, помолчав немного, продолжил. — Однако мне не терпится услышать, что же здесь случилось? В Китраме все волшебники очень взволнованы, и, я бы даже сказал, испуганы... И не только в Китраме! В Радужной Башне, и то, пожалуй, царит некоторая растерянность... Итак, что ты видел, и что думаешь обо всём этом? Как ты понимаешь, всех чрезвычайно интересует твоё мнение, раз уж всё это произошло на твоих глазах, — и он требовательно уставился своими вертикальными разрезами, сияющими словно изумруды, прямо на Дэдэна.

Дэдэн задумчиво погладил бороду, нахмурил лоб, а затем, слегка подавшись вперёд, неспешно начал:

— В тот вечер я сразу почувствовал, что под стенами замка происходит что-то совершенно невероятное. Не ощутить такое мог бы только начисто лишённый благодати Силы... В это время я находился в своих покоях, и вот, едва только это настигло меня, как я, в страшном волнении, выскочил из комнаты и устремился к источнику невиданного мною доселе волшебства. Но, не одолев и половину пути, я вдруг понял, что нестись прямо туда, подобно мотыльку на огонёк свечи, было бы крайне опрометчиво, ибо не мне тягаться с теми, кто способен на такое... Тогда я решил обойти опасное место стороной и бросился к одному местному трактиру. Из окна его второго этажа как раз и можно было, с благоразумно безопасного расстояния, наблюдать за тем самым домом, где, всё это и происходило... Конечно, и это тоже было, наверное, довольно безрассудно, но... я ничего не мог с собой поделать! Вряд ли кому и когда-либо ещё доводилось быть свидетелем чего-нибудь подобного! — Дэдэн выглядел одновременно и довольным, и подавленным. — Должен тебе сказать, меня очень удивило то, что я там увидел... Н-да... — Дэдэн поковырял в левом ухе мизинцем, а затем, немного смущённо, продолжил.

— Понимаешь... Магия-то, в основном, была довольно простая: холодный огонь, да внутренний гром. Но силы — просто невообразимой!.. С учётом, конечно, на местные особенности нлинлинума... Я, во всяком случае, не знаю никого, кто сумел бы здесь такое учинить... И потом — под конец, в небе открылось что-то вроде Дороги Великой Силы. Вроде — потому что это была не Дверь, как таковая, а гигантская дыра прямо в нлинлинуме, куда их всех просто и затащило в мгновение ока! Не прошло и двух секунд, как все, без следа, исчезли... Я думаю, что они чрезвычайно спешили, а потому и не стали открывать Дверь. А кроме того, она, говорят, оставляет после себя след в нлинлинуме, а здесь, как я понимаю, вряд ли хоть что-нибудь могло остаться... хотя это, очевидно, и требует несопоставимо больших затрат Силы! — Дэдэн привстал на коленях и в возбуждении стал размахивать узловатыми, сплошь исчерченными синими венами руками, с которых спустилась, по самый локоть мантия, лицо его покраснелось, а глаза грозно сверкали. — Скажи мне, орини Нгунги, ты знаешь, хоть кого-нибудь, кто умеет сейчас открывать Дорогу, не говоря уже о такой штуковине?!

Нгунги озадаченно покачал головой. И без того его узкие глаза и вовсе сжались в две полоски, но зато сияли — словно два маленьких зелёных маяка.

— И я вот, тоже не знаю!.. Одно могу сказать — это не кивили. Те тени, что метались там, вовсе на них не походили... Но тогда кто же? Кто-то из не присоединившихся к Гильдии за Срединным хребтом?.. Если это так, то мы вынуждены будем признать, что не только их недооценивали, но, пожалуй, даже и вовсе ничего о них не знаем!.. Лишь в одном я уверен: видимо, нужда их воистину была велика, раз они, в столь бедном Силой месте, расшвыривали её буквально возами, — Дэдэн на мгновение опустил глаза, а затем, вновь вскинулся. — Да, и ещё! Думаю, совершенно ясно, что эти неизвестные кого-то преследовали, возможно, ещё более могущественного, чем они. И, что самое интересное, преследователи и сами, в свою очередь, кого-то опасались, раз уж так торопились, и приложили все усилия к тому, чтобы никто не сумел их потом найти.

Тут Дэдэн вновь замолчал, и о чём-то задумался. Нгунги, не шевелясь, терпеливо ждал продолжения. Неожиданно Дэдэн посмотрел прямо на него и усмехнулся:

— Ах, орини Нгунги, орини Нгунги! Неужто ты полагаешь, что я стал настолько старым и беспомощным, что даже не в состоянии почувствовать, когда меня прощупывают?

— Извини, орини Дэдэн, — придворному магу показалось, что Нгунги смутился, и это его несколько озадачило: подобная сентиментальность для верховного ита — чувство более, чем странное. — Я, просто, хотел проверить, насколько твой рассказ совпадает с твоими собственными ощущениями.

— Ну и что, проверил?

— Да... Вполне совпадает... Ещё раз прошу у тебя извинения... — Нгунги смиренно поклонился.

— Хорошо! Извинения принимаются... — Дэдэн недоверчиво зыркнул на склонённый перед собой шишковатый затылок. — Как только Дорога закрылась, я поспешил обследовать дом... вернее, то, что от него осталось, и неожиданно обнаружил, что он откликается на воздействие Силы! И, знаешь, что я выяснил? — Дэдэн выдержал эффектную паузу, а затем, воздев вверх указательный палец, торжествуя им потряс. — Фундамент этого дома как бы рос из нлинлинума и был буквально весь пронизан Силой! Своей!!!.. Просто доселе она была на удивление умело скрыта. Ведь сколько раз я ходил мимо — и ни единожды у меня не зародилось ни малейшего подозрения! Ни малейшего!.. Лишь сейчас она оказалась освобожденной и резонировала в ответ... Думаю, что не ошибусь, если возьму на себя смелость утверждать, что фундамент и подвал этого дома относятся ещё к концу Второй Эпохи... Понятия не имею, что здесь было, и кто и зачем спрятал все проявления Силы, но сделано это было неправдоподобно мастерски! Я был потрясён!.. Часа через два, всё, правда, затянуло обратно в нлинлинуме, и ничего уже не ощущалось...

Дэдэн снова замолчал, возбуждённо теребя себя за бороду.

— Ты что-то ещё выяснил? — внимательно наблюдая за ним, спросил верховный ит.

— Да... — Дэдэн вздохнул. — Мне известно, как здесь оказались эти неведомые нам волшебники... Ты, конечно же, знаешь Вэйса нди'а Буни? — Нгунги утвердительно кивнул и Дэдэн продолжил. — Так вот... Здесь начинается не менее удивительная история!.. Каким-то образом к нему попал старый шкаф. Обыкновенный старый шкаф, если не брать в расчёт необычный вид древесины. По стилю — ну-у-у...лет пятьдесят назад такие делали. И стоял он у него тоже не первый год... лет десять, наверное. Он и сам этого уже не помнит. Купил его в Адэрне, на ежегодной ярмарке, что происходит там каждую вторую неделю листвения: говорит, тем ему и понравился, что никогда раньше такого дерева, с таким необычным рисунком, не встречал... И шкаф этот, должен тебе сказать, оказался сродни фундаменту того дома: древесина, из которой он был изготовлен, обладала совершенно потрясающими магическими свойствами. Но Сила его также была скрыта! Что это было за дерево, и что за Сила была ему присуща — я так и не смог определить... Однако сам шкаф оказался неким подобием Двери, открывающей путь с Дороги — сюда!.. Сперва кто-то вышел оттуда и воспользовался сыном Вэйса нди'а Буни, как временным внешним телом. Рин, так зовут сынишку нди'а Буни, ничего не понял, лишь почувствовал себя плохо (что с ним произошло на самом деле, он вспомнил уже потом, с моей помощью)... Но когда, вскоре, он пошёл в замок, этот некто направил его напрямик к тому странному дому, а там, благополучно его и покинул... Дальше я могу только предполагать, ибо ни госпожа нди Буни, ни её младший сын, ни дочь, ни, равно, как и вся их прислуга, в тот вечер в эту комнату не заходили, а потому, и ничего рассказать не могли... Вероятно, этим же вечером, из шкафа появились преследователи нашего первого незнакомца. Почему же он не уничтожил его, если пытался от кого-то скрыться?.. Ответ, как мне кажется, только один — на тот момент у него просто не было на это сил... А ещё он точно знал о существовании того дома, и хотел его как-то использовать... Но, видимо, не успел, или что-то не получилось... Однако силы свои, пусть и частично, но восстановил... Я думаю, что если бы он сумел обрести своё могущество полностью, то вряд ли бы преследователям удалось схватить его. Волшебники подобной силы все исчезли ещё в третью эпоху... По крайней мере, так я полагал до того самого дня... О том же, что со шкафом что-то не так, мне сообщил сам Вэйс. Даже он, несмотря на почти полную невосприимчивость к Силе, ощутил дыхание волшебства, исходящее из него. И тут же поспешил ко мне. А по свежему следу, мне было не сложно понять, что же здесь произошло. Да и многие из соседей видели нечто призрачно-странное, несколько раз за тот вечер, возникавшее как бы из ниоткуда, аккуратно рядом с его домом. К счастью, утверждать это в достаточной степени определённо никто из них не стал бы. Кое-кто даже указывал и на иные, соседние дома. Так что тут, дальше обычных слухов дело не пойдёт...

Дэдэн запыхался от своего рассказа и поискал глазами, чем бы ему промочить горло. Нгунги рассеяно перехватил его взгляд, и со стола, стоящего слева от окна, немедленно поднялся графин и резко наклонился, наполнив большой серебряный кубок водой с лимоном. Затем графин вновь опустил на стол, а кубок, в свою очередь, воспарил и плавно, но довольно быстро, подлетел к старому волшебнику. Дэдэн удовлетворённо, но немного завистливо пробормотал:

— Да, хорошо быть молодым и сильным! Я-то уж здесь и думать забыл о подобных приятных мелочах!

Сделав несколько больших, жадных глотков, Дэдэн поставил кубок рядом с собой и продолжил повествование:

— После я осмотрел мальчика, и никаких следов Силы не обнаружил... Вообще ничего не обнаружил! Из чего и сделал вывод, что дело не в нём, и он был использован исключительно, как внешнее тело... Шкаф мы с Вэйсом сразу же разломали, после чего доски от него Вэйс сжёг... — при этих его словах, верховный ит как бы немного расслабился, — а всем своим

домочадцам он объяснил, что в ту беспокойную ночь он, будучи и так очень старым, окончательно развалился... Впрочем, то же самое тогда случилось, со столь же ветхой мебелью, почитай, у половины горожан... К сожалению, сын Вэйса, знает, что, на самом деле, произошло в ту ночь... Но Вэйс, да и я, строго-настрого запретили мальчику обсуждать это с кем-либо. Можно, конечно, заставить его забыть интересные для нас события, но я, до твоего приезда на это не решился, ибо искусство моё в этом, увы, пока ещё далеко от совершенства, а, кроме того, Вэйс — мой друг, и мне не хотелось бы, чтобы его сына подвергали подобному воздействию Силы.

Дэдэн посмотрел прямо в зелёное пламя глаз Нгунги, но тот никак не отреагировал на его слова. Почувствовав, что он его не убедил, Дэдэн яростно продолжил:

— Я думаю, что так изменить его память, чтобы кто-нибудь внимательный не почувствовал это, будет довольно трудно!

— Дэдэн... Я понимаю, что Вэйс — твой друг. Но я-то — верховный ит, а не сентиментальный школяр, и наша бывшая дружба, в данном случае, решительно ничего не значит. А кроме того, всем прекрасно известно, что твои знания, в данном разделе магии, воистину удивительны... Я уверен, что с мальчиком ничего плохого не случится... По поводу же твоего последнего замечания... Что ж, такое тоже возможно... Но тогда правильным решением было бы избавиться и от нди'а Буни, и от всех его домочадцев, в результате какого-нибудь несчастья... Даже несмотря на то, что это — слишком грубо, и уж во всяком случае, точно, вызвало бы какие-то подозрения и вредные для нас слухи, — Нгунги сплёл между собой тонкие пальцы, и в свою очередь устался на Дэдэна, мрачно взиравшего на него, а затем, вдруг, довольно улыбнулся. — Но вот только зачем? Что такого особенно важного они могли бы рассказать, чего и без них не узнали бы те, кого это интересует?... По этой же причине, я думаю, что и память мальчику лучше не менять. Это, и вправду, скорее лишь привлечёт к нему излишнее внимание. Пусть всё остаётся, как есть... а мы понаблюдаем. Я уверен, что рано или поздно, но в городе появится великое множество любопытствующих, и вот тогда, мы, может быть, кое-что и узнаем... А вот то, что ты уничтожил шкаф — это хорошо: Гильдии не нужны такие незваные гости... даже ценой столь удивительных артефактов. И я не премину сообщить об этом смелом и решительном твоём поступке на Совете.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Дэдэн, чувствуя, что выказал себя полным дураком.

— А теперь, я бы хотел видеть этого мальчика!

— Может быть завтра? Ведь уже почти что ночь! — с едва скрытым раздражением возразил Дэдэн.

— Нет, Дэдэн, — Нгунги грациозно поднялся с ковра и подошёл к креслу. — Я хочу видеть его немедленно!

Дэдэн расстроено кивнул, и тяжело пыхтя, неуклюже встал на ноги:

— Хорошо, Нгунги. Как пожелаешь! — с этими словами он поклонился и, ещё раз пыливо взглянув на верховного ита, вышел из комнаты.

Рин сидел у окна и, бог знает в который раз, читал «Великие приключения, выпавшие на долю достопочтенного рыцаря ади Тургвира Индэрнского в его удивительном путешествии за Срединный хребет, записанные и изложенные смиренным прингидом Кабигом Огдари из Китрамского монастыря всеблаготворительницы Провидения Господня». Вернее, пытался читать, ибо мысли его, то и дело, перепрыгивали с одного на другое, и он то вновь и вновь переживал стыд и унижение, испытанные им по воле герцогского гнева, то вдруг вспоминал, увиденные с заброшенной дозорной башни чудеса, то, в сотый раз, спорил с Ндади, или потрясённо слушал волшебника Дэдэна и своего отца. Одним словом, сосредоточиться на книге ему никак не удавалось. Он выглянул в окно, но и там ничего достойного внимания не происходило. Чуть в стороне, направо, в сгущающихся сумерках, виднелась одна из подвод торговца из Чёрных Мхов, не поместившаяся во дворе. Кузнец, ко вчерашнему вечеру, закончил, наконец, свою

работу, и подводы даже уже загрузили, но торговец, захваченный вихрем последних событий, теперь нетерпеливо ожидал, чем же всё это закончится, жадно ловя любые слухи и обходя ради этого один трактир за другим. Прямо под окном, их горничная Лигурта, усевшись на скамеечку, лениво оттирала песком пригоревшие сковороды и кастрюли, более увлекаясь беседой с Ценги, соседским парнем, нежели порученной ей работой. Налево же улица загибалась, и Рин видел лишь вызывающе роскошный дом нди'а Ффунгри — преуспевающего цехового старшины кондитеров, а негласно — ещё и шоколадоваров. Его шоколадоварни находились на самом востоке города, у реки. Перед его домом даже улица была замощена, и с каждой его стороны, на стене, висело по фонарю, которые зажигали с наступлением темноты. В силу того, что такое совмещение должностей весьма недвусмысленно противоречило городскому закону, то на бумаге гильдию шоколадников возглавлял муж его старшей дочери — Анфер. Однако, все прекрасно знали, кто же на самом деле является её истинным хозяином. А объяснялось это тем, что данное лакомство появилось в их краях совсем недавно — всего лишь лет двадцать назад — отчего, очень многие вопросы, с ним связанные, так и не были пока разрешены.

Отвернувшись от окна, Рин нахмурился и снова уставился в книгу, надеясь хоть немного увлечься удивительными приключениями, выпавшими на долю ади Турнгвира, но, сколь он ни старался, смысл прочитанного, по-прежнему, ускользал от него.

Вскоре однако, он услышал на лестнице знакомый топот, и, несколько мгновений спустя, дверь в комнату с силой распахнулась, и на пороге предстал взволнованный, от переполнявших его новостей, Адэк.

— Рин! Ты слышал, в город верховный ит приехал! — сразу же выпалил тот, думая, вероятно, сразить его подобным известием наповал. — И, между прочим, он самый настоящий пиав!

— Ух ты! — Рин постарался изобразить настоящее изумление, хотя самого его так и подмывало сказать Адэку, что на этот раз тот опоздал со своими новостями.

— Тебе что, это не интересно? — разочарованно удивился Адэк, явно не убеждённый его скромным талантом лицедея.

Рин пожал плечами и, захлопнув книгу, положил её рядом с собой на подоконник.

— Ну тогда могу ещё тебе сообщить, что к нам направляется и верховный квистол, — уже не столь воодушевлённо поведал Адэк.

Вот об этом Рин ещё не знал, и в иные времена подобная новость его не на шутку бы взволновала. Ещё бы! Ведь это какая же торжественная встреча намечается! Лишь единожды на памяти Рина, лет уже, наверное, пять назад, верховный квистол почтил своим визитом герцога, и тогда пышная церемония его встречи настолько поразила воображение горожан, что разговоры об этом шли на протяжении нескольких месяцев. Однако теперь, события куда более странные и тревожные беспокоили его, и потому даже на эту новость он отреагировал довольно спокойно:

— Да ну? — только и произнёс он, слезая с подоконника.

— Да что с тобой? — Адэк подошёл к Рину и, положив ему на плечо руку, с беспокойством всмотрелся в лицо друга.

— Ничего... — ответил тот, отворачивая голову в сторону.

— А ну, давай, говори! Хватит скрытничать! Я же вижу, что ты знаешь что-то, ещё похлеще моего! — проницательно заметил Адэк, наседая на Рина. — Ведь тебя же так и распирает!

— Ничего меня не распирает! — горячо возразил Рин, однако, по-прежнему, отводя взгляд в сторону.

— А вот и распирает! Что я, не вижу что ли? — возмутился Адэк, сам, в свою очередь, усаживаясь на подоконник.

— Ничего не распирает!.. И ничего я не знаю! — твёрдо заявил Рин, заливаясь, тем не менее, густым румянцем.

Адэк задумчиво посмотрел на него:

— Ну не хочешь, и не говори! Не больно-то мне и надо...

Затем он спрыгнул с подоконника и направился к двери:

— Пойду лучше пива выпью!

Однако выйти из комнаты он не успел, ибо в дверях появился отец Рина, в сопровождении Дэдэна.

— Здравствуй, Адэк! Да пребудет с тобой вечно милость Божья! — поприветствовал он того.

— Добрый и Вам вечер, господин нди'а Буни и господин придворный волшебник! Да охранит Вас всех десница господня! — Адэк посторонился, давая вошедшим пройти. На лице у него явственно проступило выражение нетерпеливого любопытства: ясное дело, раз к Рину пришёл сам Дэдэн, то это что-нибудь, да значит!

— Рин, — начал отец, — господин Дэдэн пришёл за тобой, дабы проводить тебя к его могущественнейшей милости верховному иту, который оказал тебе честь, изъявив желание побеседовать с тобой.

— Сейчас? — недоумённо воскликнул Рин, покосившись на окно, за которым стремительно темнело. Всё внутри у него похолодело, а сердце бешено и испуганно застучало.

— Да, Рин, сейчас, — отец успокаивающе его полуобнял и подтолкнул к Дэдэну.

— Не бойся, Рин. Верховный ит только немного побеседует с тобой, и я тебя, после этого, сразу же провожу домой. — Дэдэн крепко схватил его за руку и, даже ни с кем не попрощавшись, потащил его вон из комнаты. Рин лишь успел оглянуться и бросить растерянный взгляд на отца, который, ободряюще ему улыбнулся.

— Я с вами! — крикнул Адэк и устремился было им вослед, но Вэйс нди'а Буни, схватил его за куртку и потянул назад:

— Нет, Адэк, госпожа нди Буни просила угостить тебя пивом. Не будешь же ты столь невежливым, что станешь обижать её своим отказом?

На лице Адэка отразилась целая буря чувств, он открыл было рот, но так ничего и не сказав, вновь закрыл его.

— Ну вот и хорошо! — удовлетворённо заключил отец Рина.

Дэдэн шёл столь же быстро, как это имел обыкновение делать и Адэк, так что Рин вскоре совсем запыхался и лишь удивлялся откуда у этого старика столько сил. Через четверть часа, они уже миновали замковые ворота, а ещё, минут через пять, уже поднимались по лестнице в дальнем крыле замка, где находились библиотека, покои Дэдэна и его, знаменитая комната по изучению великих тайн Силы, в которой он, правда, бывал уже крайне редко. Но сейчас он направлялся именно туда.

— Заходи, Рин, — сказал он и отпер дверь, приложив к ней свою ладонь.

— А разве верховный ит здесь? — удивился тот, боязливо заглядывая в тёмную, пахнущую странными запахами комнату.

— Нет, не здесь... Но ты не бойся, и заходи...

— А я вовсе и не боюсь! — Рин расправил плечи и решительно шагнул вперёд.

В тот же миг Дэдэн скользнул следом и захлопнул дверь. В комнате вспыхнул свет, и Рин, изумлённо ахнув, стал озираться по сторонам: никогда ещё в жизни он не видел помещения до такой степени наполненного столь странными и удивительными вещами. Даже в лавке старьевщика и торговца чужеземными диковинами Тигу Т'туарзу, что располагалась рядом с пристанью, и куда он любил частенько заходить, не было такого! Повсюду, куда бы он ни посмотрел, располагались столы, заставленные странными стеклянными сосудами, нередко

соединёнными между собой изогнутыми трубками. Трубки эти, в свою очередь, часто были закручены, подобно виткам штопора, а иногда, ещё и помещены также в стеклянные цилиндры. Между ними располагались всевозможные треноги, каменные ступки, медные шары с одним, или несколькими носиками, песочные часы всевозможных размеров, и уж и вовсе непонятные приборы, описать которые Рин даже и не знал как. А ещё на столах были коробочки, разделённые на множество ячеек, в которых сверкало и переливалось великое множество кристаллов и камней. Некоторые кристаллы были столь велики, что гордо возвышались отдельно ото всех, прямо на столах, меж других диковин. Но больше всех поразил Рина прозрачный, словно слеза, и совершенно бесцветный кристалл, что стоял на полу, у правой стены, и внутри которого застыло неведомое ему существо. Высокое — на целый ран выше его, — мощное, и с очень устрашающим взором. Рин даже вздрогнул, когда в первый раз заметил его. Вдоль же стен были расположены многочисленные шкафы, самых разных размеров и заполненные всякой всячиной — от высушенных, или помещённых в банки с какой-то жидкостью, животных, самого удивительного вида, до непонятных механизмов и толстых, потемневших от времени, фолиантов, нередко в изукрашенных некогда богатой инкрустацией, переплётах из шкуры даров. Даже под потолком, на длинных верёвках, протянувшихся от одной стены к другой, висело бесчисленное количество корней, листьев и веток, и чьё присутствие, по-видимому, и создавало этот, ни с чем несравнимый, запах. Наверное, Рин так бы и разглядывал всё это до самого утра, если бы Дэдэн не потащил его вглубь комнаты, туда, где оказался невидимый до этого поворот. Миновав его, Дэдэн усадил Рина на высокий стул, а затем, велел сидеть тихо и ничего руками не трогать, принялся озабоченно сновать по комнате, в поисках чего-то, одному ему ведомого. Рин лишь плечами пожал: ему слабо верилось, что здесь, вообще, хоть что-нибудь возможно найти. Однако, через несколько минут Дэдэн всё же отыскал то, что ему было нужно, и вновь вернулся к Рину. В руках волшебник бережно держал длинный черный стержень в два пальца толщиной, и с зелёной пирамидой на одном конце, а подмышкой зажимал толстую, прозрачную платформу молочного цвета, и с такими же маленькими, разноцветными пирамидками на одной из сторон. Дэдэн положил эту платформу на стол, прямо перед ним, а затем, воткнул в отверстие, посередине неё, чёрный стержень и что-то прошептал. Большая зелёная пирамида на конце стержня тут же ярко вспыхнула, а сам он легонько затрещал и стал, как показалось Рину, раскаляться. Дэдэн на мгновение закрыл глаза, будто что-то припоминая, а затем вновь открыл их и стал быстро дотрагиваться до вершин маленьких разноцветных пирамидок. Некоторые из них точно так же, как и большая пирамида, только что перед этим, засияли холодным, мутноватым светом, а некоторые остались неизменны.

— Держись двумя руками за этот стержень! — приказал вдруг Дэдэн, но Рин лишь испуганно прижал к себе руки:

— Зачем это, мастер Дэдэн?

— Рин, прошу тебя, верь мне!.. Сейчас нет времени объяснять!

Но Рин, по-прежнему, недоверчиво смотрел на волшебника и, судя по всему, хвататься за стержень не собирался.

— Рин, если бы твой отец не доверял мне, то он и не отпустил бы тебя со мной, да и твоего друга не стал бы удерживать, чтобы он не мешал нам. — Дэдэн уже начал немного сердиться, и Рин, рассудив, что тот, пожалуй, прав, вздохнул и, на секунду непроизвольно зажмурившись, взялся за стержень.

В окна уже заглядывал рассвет, и Нгунги досадливо ходил из угла в угол. Ничего! Ничего, сколь либо стоящего! Единственное, что ему удалось, так это убедиться в том, что Дэдэн не лукавил, и рассказал всё именно так, как оно и произошло. Факт этот, впрочем, тоже был, по-своему, любопытен, ибо, сейчас редко кто-либо из членов гильдии, по собственной охоте, говорил правду. Ну, разве что, если не считал эти знания заведомо бесполезными. А, значит,

либо Дэдэну, действительно, нечего больше добавить, либо, старый лис ведёт какую-то свою, очень тонкую и чрезвычайно многообещающую игру. И то, что он старался незаметно склонить его к мнению о нежелательности вмешательства в память мальчика, скорее всего тоже было вовсе не случайным... Он достаточно хорошо знает Дэдэна, а потому считает, что последить за ним явно будет не лишним... Нгунги на миг остановился. Правда, ему ещё кое-что удалось выяснить. Например, что болезнь Тона — одного из старших трапезничих герцога — тоже была вызвана каким-то волшебным вмешательством, скорее всего, того первого пришельца из шкафа. Но каким образом этот неизвестный чародей смог уяснить, что сын нди'а Буни — тоже старший трапезничий, что ещё один старший трапезничий потерял голос накануне, и что при таком положении, в замок затребуют именно Рина? И как он смог догадаться, что тот пойдёт мимо интересующего его дома? Как? Откуда он всё это узнал? Понять это Нгунги был бессилен, и лишь ходил, и ходил из одного конца комнаты в другой, снедаемый теперь тревогой и сомнениями.

Нгунги приблизился к столику возле окна, и выбрал из вазы с фруктами, перемешанными со льдом, спелый плод вильскового дерева. Он слегка сжал его пальцами, и плод слабо булькнул. Нгунги перевернул его вверх черенком, и в тёмное пятнышко рядом с ним воткнул длинную соломинку. Тонкая плёнка легко прорвалась, и на конце соломинки тут же набухла тяжёлая, зеленоватая капля. Верховный ит сунул соломинку в рот и вновь стал мерить шагами комнату. Прохладный, кисловато-сладкий сок приятно освежал.

Итак, что же тут всё-таки произошло? Явились ли они невольными свидетелями какой-то неведомой им драмы, действие которой ни в коей мере их не касается, и о которой теперь можно благополучно забыть, или же всё это — грозное и важное предупреждение, игнорировать которое ни в коем случае нельзя, и надо теперь всемерно готовиться к чему-то абсолютно неизвестному, но, без сомнения, чрезвычайно опасному? Что же именно ему теперь докладывать на совете?

Нгунги устало лёг на кровать и закрыл глаза. Он не нуждался во сне, но отдыхать, как и всем остальным обитателям этого мира, ему было нужно.

Судя по всему, он ещё не готов дать хоть какой-либо внятный ответ даже самому себе. По крайней мере сейчас... Наверное, должно пройти какое-то время, чтобы всё это улеглось в его голове, чтобы он сумел почувствовать скрытый ритм этих событий, и, быть может, тогда он и придёт к какому-нибудь выводу... Или поймёт, какие ещё вопросы и кому он должен будет задать... А до тех пор, он будет отдыхать, и ждать того, что выяснят его интулы, отправившиеся в город на охоту за слухами и вообще всем, что может показаться интересным.

Глава 4

На следующее утро Рин был разбужен неистовым перезвоном колоколов. Уж на что они все последние дни трезвонили, но сегодня — словно и вовсе ополоумели! Рин откинул одеяло и бросился к окну. Судя потому, что все горожане спешили направо и скрывались из виду за поворотом перед домом нди'а Ффунгри, причиной этого всеобщего переполоха было нечто, происходившее у Восточных городских ворот. Рин бросился к стулу за одеждой, и стал торопливо натягивать на себя вещи. Камзол он застёгивал уже на бегу. Перепрыгивая на лестнице сразу через несколько ступенек, он, буквально влетел на первый этаж и бросился к двери на улицу.

— Рин! Стой! Слезы Господа нашего! — услышал он позади сердитый голос матери.

— Рин, возьми и меня! — вторил ей возбуждённым фальцетом Лик.

— И меня! — не отставала от младшего братишки Аша.

Рин про себя досадливо выругался и обернулся.

— Рин, не будь таким себялюбцем: возьми и нас с собой! — мама, одевшись по-праздничному, стояла перед стойкой, держа за руки Лика и Ашу, которые, от с недавнего их нетерпения, всё норовили вырваться на свободу. Но та держала их крепко, так что у них, несмотря на всё их старание, ничего не получалось.

— А куда?.. Что случилось-то? — развёл руками Рин.

— Вот ведь интересно! — мама аж притопнула ногой. И если до этого её удивительно красивые изумрудно-зелёные глаза искрились весельем, то едва Рин задал эти свои нелепые вопросы, как они тут же сердито засверкали, подобно, двум ярким звёздам, а её тонкие, словно бы нарисованные брови, озабоченно сдинулись. — Несётся сломя голову, и даже сам не знает куда! И за какие такие грехи Всесущий наградил меня подобной бестолочью? Ведь это ж надо — грубит самому господину герцогу, а потом мчится невесть куда, как ни в чём не бывало!

Рин виновато потупился.

“Ну вот, начинается!” — подумал он, лихорадочно пытаясь придумать хоть какое-нибудь оправдание.

— Мама, мама! Мы опоздаем! Там всё закончится! — Лик усиленно выдергивал из ладони матери свою руку, но безрезультатно. Тогда он поджал ноги, и повис всем своим весом. Мама отпустила Ашу и отвесила своему младшему сыну внушительный подзатыльник. — Не балуйся Лик! Сколько можно повторять?!

Лик заревел, и Аша, вслед за ним, тоже:

— Там же всё ко-о-о-ончи-и-и-иться ма-а-ма-а-а-а!!!

— Да там ещё ничего и не начиналось!.. И не начнётся раньше полудня, — возразила мама, грациозным жестом отводя в сторону упавший на лицо локон. Повернувшись на пару секунд к зеркалу, она ловко поправила нехитрую свою причёску, а затем слегка одёрнула платье, отчего, и без того глубокий врез на её прелестной груди, опустился ещё чуточку ниже. Затем, видимо оставшись довольной увиденным в зеркале, она сменила гнев на милость и, успокаивающе потрепав по голове Лика, примиряюще улыбнулась своему старшему сыну. — Ладно, Рин... Видно ничего уже с тобой не поделаешь: такой уж ты уродился, нескладный... Ну что идём, чада мои горемычные?

— Да в чём же, всё-таки, дело? Из-за чего весь этот переполох? — растерянно спросил Рин.

— Господин верховный квистол решил посетить наш город! — ответила, не оборачиваясь, мама, волоча за собой Лика и Ашу.

— А-а!.. — и как он об этом забыл? Это всё визит к верховному иту: он выбил его из колеи! Хотя, Рин, вроде бы, и не слишком тогда испугался. Нет, в первый момент ему, конечно,

было страшно... Даже очень страшно... Особенно смотреть на это трёхное, нелепое создание, которое так пугающе взирало на него своими зелёными вертикальными глазами без зрачков. Но это только в первое мгновение. Ибо, как только верховный ит заговорил, голос оказался у него, на удивление, мелодичным, а речь — вежлива и приятна. И, вообще, Дэдэн оказался прав: никаких причин бояться его не было, пусть даже он и выглядел, поначалу, столь непривычно зловеще. Под конец беседы, Рин, пожалуй, уже и не замечал, что его собеседник вовсе не человек, хотя, нельзя сказать, чтобы Нгунги что-либо специально для этого делал. Нет, он держался величественно, как и подобает лицу столь высокого ранга. И, тем не менее, он очень легко и быстро располагал к себе собеседника. Рин так и не понял, в чём же тут секрет? Но, в итоге, рассказал ему всё — всё что знал, и что сумел вспомнить.

Подойти ещё ближе не было решительно никакой возможности. Конечно, если бы ему не приходилось держать за руку Лика, а на плечах — Ашу, да ещё, в довершении всех этих неудобств, находится в пределах видимости мамы, то он обязательно бы нашёл возможность пробраться прямо к самой дороге, туда, где плотной цепью стояли гвардейцы, отпихивая и беззастенчиво награждая тумаками, наиболее настырных из зевак. Кое-кто из них был тут уже с самого раннего утра. А наиболее набожные — так те и вовсе пришли ещё с вечера, и теперь, на зависть всем, расположились прямо у подножия деревянного возвышения, наскоро сооружённого чуть в стороне от дороги, в тени старого ясеня. Позади помоста, застеленного богатыми коврами, широким полукружьем вздымались пять тахил, от маленьких по краям, к самой высокой посередине. А ещё дальше, был виден огромный шёлковый шатёр — лиловый, с серебряными слезами и изогнутой золотой лентой посередине — в точности такой, как герцогский герб. Рядом с ним в землю было воткнуто девять древков, на которых гордо реяли знамёна всех герцогств Имрии, с королевским штандартом посередине. Время от времени, там появлялся какой-нибудь нарядный всадник — весь в шёлке и мехах, и, нередко, в сопровождении маленькой кавалькады, а затем вновь уезжал куда-то прочь.

До полудня оставалось уже совсем немного, и хотя стоять на самом солнцепёке было довольно тяжело, никто на это не жаловался: собравшийся народ весело зубоскалил, увлеченно сплетничал, а если кто считал себя выше этого, то степенно обсуждал последние новости. А ещё, все развлекали себя тем, что покупали у снующих сквозь толпу, словно ужи, разносчиков кто воду с лимоном, кто пиво, кто пироги, кто печёные яблоки. По мере того, как солнце всё ближе поднималось к зениту, волнение в толпе заметно нарастало. Вдруг, в первых рядах, ближе всего стоящих к деревянному возвышению и шатру, зародился глухой и мощный гул.

— Едут! Едут! — различил вдруг Рин, и изо всех сил вытянул шею.

— Смотрите, смотрите! Вон там! На дороге! — беспокойно заёрзала у него на плечах Аша.

— Я тоже хочу посмотреть! Я тоже хочу! — в ту же секунду отчаянно затряс его руку Лик.

Однако ничего, кроме как, пока ещё очень далёкого, облачка пыли над дорогой, Рин так и не увидел.

В тот же миг вся толпа подалась вперёд, и гвардейцам лишь с большим трудом удалось сдержать этот натиск.

— Вон, главный поп идёт с другими попами! — восторженно зашебетала у него над головой Аша.

— Не поп, дурёха, а квистол со служителями! — не удержался от замечания Лик, на мгновение перестав даже дёргать Рина за руку.

— Сам ты дурак! — сердито огрызнулась Аша, оскорблено вздёрнув носик.

— А ну, быстро перестаньте ругаться! — это к ним протиснулась мама, без особого почтения растолкав окружающих, после чего она резким, сильным движением подхватила на руки Лика и усадила его к себе на плечи.

— Ур-ра! Я теперь тоже всё вижу! — радостно закричал тот.

А вот я ничего не вижу, с досадой подумал Рин, тщетно пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Пусть он и так знал, что должно было сейчас происходить на дороге, увидеть всё своими глазами ему от этого хотелось ничуть не меньше. С превеликим трудом он протиснулся ещё немного вперёд, вызвав этим град ругательств и злобного шипения, но и отсюда тоже ничего не было видно.

— ...Истига руно ли огу. Огу ли истигана! Агис ду! Агис ду!¹ — доносились торжественно-заунывные голоса прингидов и церковных служек.

Рин привстал на цыпочки и, не удержав равновесия, навалился на стоящего впереди него пекаря, в желтовато-сером камзоле.

— Эй! Чтoб тебя! — выругался пекарь, пытаясь хоть чуть-чуть повернуть назад свою толстую шею. — Пиавская душонка! Ты чего на мне развалился, точно муж на жёнке? — он возмущённо толкнул Рина назад своей спиной. — А ну осадь назад, малый! А не то враз сделаю тебе ноги, как у кузнечика — коленками назад!.. Пошёл вон, недомерок!

— Не смей ругать моего брата! — оглушительно завизжала Аша и, уцепившись за края пекарской шляпы, изо всех сил дёрнула её вниз. Шляпа отчаянно затрещала и, прорвавшись посередине, в тот же миг оказалась под жирным подбородком пекаря, а цеховой значок насмешливо засиял, словно серьга, прямо на его толстой мочке уха.

— Ах ты маленькая дрянь!!! — возопил пекарь, но окружающая его толпа разразилась дружным хохотом и, немедленно расступившись, позволила Рину быстренько протиснуться подальше от разъярённого владельца, вконец испорченной шляпы. В итоге Рин оказался почти у самой дороги, сразу за спиной одного из гвардейцев.

Всё произошло настолько быстро, что он даже успел разглядеть проходивших мимо священнослужителей, которые как раз поравнялись с ним. Дородный индэрнский квистол, облачённый в пурпурно-зелёные, парадные одежды и ярко-жёлтую, бархатную шапочку, торжественно нёс в руках сердце Игуна, разбрызгивая, время от времени, над толпой, мягкой, пушистой кисточкой с серебряной ручкой, солёную воду, символизирующую Слёзы Господни. Сразу же за ним, в чёрно-белых облачениях с красными накидками на плечах, шли прингиды, каждый из которых держал в руке маленькую серебряную тахилу, символизирующую ту, или иную ипостась пятерицы. А за каждым из прингидов шёл, весь в белом, служка, неся уже большую тахилу, высоко воздев её вверх. Когда руки у кого-нибудь из служек уставали, то он передавал тахилу сменявшему его товарищу.

— ... Норга и тавали, нгу Игуна! Тигу ри морв камеле... Агис ду! Агис ду!² — слегка покачиваясь из стороны в сторону, тахилы проплыли над Рином и скрылись где-то впереди. На несколько минут Рин потерял процессию из вида. Когда же она вновь показалась, уже почти на вершине пригорка, то прямо перед ней уже появилась голова встречной колонны — семь шеренг, по пять копыеносцев в каждой. Ударив одновременно древками копий по земле, солдаты слаженно отошли в стороны, пропуская вперёд богато украшенный паланкин, который несли четверо носильщиков. Паланкин поставили на землю, а полог тут же откинули. Местный, индэрнский квистол, смиренно склонив голову, приблизился к нему и осторожно обрызгал, с каждой из сторон, Слезами Господними. Затем он встал прямо перед паланкином и медленно преклонил колени. Вслед за ним, тоже сделали и прингиды со служками. Загрохотав доспе-
хами на колени упали солдаты. Рин почувствовал, как всколыхнулась толпа позади него, и вот

¹ "Да коснётся тебя понимание. Прозрей! Да будет так! Да будет так!" (дословно: Прольётся в твоё истинное то, что не замутнёно! То, что не замутнёно — восприми (пролей в себя)! Это свершится! Это свершится!) (из стиха пятого «Книги Свершения», лагусский язык).

² "Да снизойдёт в тебя воля Игуна! Да будет так, дети божьи! Да будет так!" (дословно: Воля Игуна прольётся в твоё истинное! Это свершится, дети божьи! Это свершится!) (из стиха второго «Книги Свершения», лагусский язык).

уже все стали торопливо опускаться на землю. Сняв с плеч озадаченную Ашу, Рин последовал всеобщему примеру.

— Агис ду! Агис ду! — прокатилось над дорогой. Когда эхо стихло, и установилась удивительная тишина, толпа вновь зашевелилась, и все, отряхивая с себя грязь и пыль, стали подниматься.

Едва только Аша вновь расположилась на плечах у Рина, как воздух пронзил чистый и звонкий голос труб, и пестрая, по-праздничному наряженная кавалькада из нескольких десятков всадников тот же час двинулась со стороны города к верховному квистолу. Впереди бежали, сверкая на солнце начищенными до блеска доспехами, знаменосцы, а уж за ними, не спеша и с радующим взор достоинством, ехали сами всадники — герцог, его высокородные гости и самые значительные из его вассалов. Всадники чётко держали заданный ритм и, несмотря на растущее до невероятности напряжение, не ускорили своего движения ни на мгновение. У Рина аж дух захватило от подобной красоты. Вот это выдержка!

Наконец, всадники достигли столпившихся перед паланкином священнослужителей, и те, торжественно встали позади него, уступив новоприбывшим место. Герцог и его спутники спешились, трубы вновь ликуя затрубили, и все эти знатные особы тут же, припали на одно колено.

— Нгу Игуна истига руно! Агис ду, орцуи ои! Агис ду! — вновь произнёс из недр носилок всё тот же звучный голос.

— Агис ду! Агис ду! — снова послушно отозвалась толпа.

К трубам присоединился низкий рык нескольких боевых рогов, воздух буквально сотрясся от их совместного звука, и из носилок неспешно вышел высокий человек, облачённый в пламенеющее платье, отороченное по низу и по воротнику ярко-желтым, с

чёрными потёками, мехом и в точно такой же шапочке на голове. Он благосклонно склонил голову и тут же торжественно воздел вверх руки.

— Аину рогори туна! Дицу овдари! — громко произнёс он и, после небольшой паузы, закончил. — Агис ду, орцуи ои! Агис ду!³

Герцог и его свита поднялись с земли и теперь настал черёд герцога говорить.

— Город Индэрн, и я, его правитель, герцог Вальми Уарги Индэрнский, известный во всём Ирвире как Северный Зуб, рады приветствовать верховного квистола! Все мы, от великих и до самых малых его обитателей, дружно возносим хвалу Господу нашему, за то, что он вложил в сердце Ваше, Ваша Непогрешимость, желание одарить нас своим визитом! Это великая честь, как для меня, так и для моих подданных! Воистину, неизъяснимая радость наполняет ныне сердце каждого присутствующего здесь, оттого, что глас Господа нашего, Пресветлого Игуна, прольётся теперь и в наши недостойные, но бесконечно преданные ему сердца! Агис ду, эу аре! Агис ду!⁴ — герцог, говорил подстать верховному квистолу — столь же зычно и внушительно. Закончив свою короткую приветственную речь, он резко взмахнул рукой, после чего тут же грянули трубы.

Когда музыка стихла, герцог принял из рук местного квистола золотой таз, наполненный слезами, которые несколько дней перед этим собирали плакальщики всех окрестных монастырей, а затем, окунув в неё лагиталь, с четырёх сторон окропил этими слезами верховного квистола, произнося при этом — Нгу Игуна истига руно! Иу мали дису окури Игуна! — После чего, верховный квистол описал рукою, слева направо, в воздухе круг и коснулся ею смиренно

³ "Вкуси сердцем истину! Отринь сомнения! Да будет так, дети божьи! Да будет так!" (дословно: Отведай сердцем истину! Вырви сомнения! Это свершится, дети божьи! Это свершится!) (из стиха второго «Книги Свершения», лагусский язык).

⁴ "Да будет так, небесный повелитель! Да будет так! (дословно: Это свершится, небесный повелитель! Это свершится!) (из стиха двенадцатого «Книги Свершения», лагусский язык).

склонённой перед ним головы герцога, который вновь встал на колени, и что-то тихо сказал ему.

— Нгу Игуна истига руно! — прошептал Рин — Да снизойдёт в тебя воля Игуна! — вот что он сказал. И всякий кто видел это, не мог удержаться от слёз: столь примерное смирение, являл всем им господин их герцог. И женщины, и мужчины, и дети, глядя на своих родителей, и даже многие из стоящих перед толпой гвардейцев, утирали, катящиеся по щекам, слёзы. Рин тоже, поддавшись общему настроению, пару раз всхлипнул носом, кажется, совершенно позабыв, что он давеча натерпелся по воле своего сеньора. Однако Аша осталась невозмутимой и, припав к его уху громко зашептала:

— Зачем все плачут?.. Ну скажи!.. Зачем все плачут?..

Рин шикнул на неё, чтобы она замолчала, но затем, всё же сжалился над сжигающим сестрёнку любопытством и, взяв её на руки, зашептал в ответ:

— Во-первых, не зачем, а почему! Зачем — так не говорят. А во-вторых, как же тут не плакать, когда наш герцог, перед которым всяк кланяется, кроме самого короля, смиряет и свою гордость и саму славу свою, из любви к Господу нашему и его посланнику, являя тем самым, всем своим подданным, достойнейший пример для подражания?

— Ну и что? Так ведь это каждый может! — не унималась Аша.

— Как же, каждый! — усмехнулся Рин. — Далеко не каждого допустят приветствовать верховного квистола!

— Подумаешь, квистол! На вид он такой же, как и все, только долговязый! Хотя голос у него приятный! Вот!

Рин слегка растерялся и, не зная что на это ответить, обозвал сестрёнку глупой и вновь усадил её себе на плечи, не обращая внимание на её возмущённые заверения, что это он сам дурак. Но тут, всё вокруг на них укоризненно зашикали, и Аша, обиженно насупившись, замолчала.

Между тем герцог снова поднялся с колен, и вместе со всей свитой, всё время кланяясь верховному квистолу, стал предлагать ступить тому на расстеленные на дороге ковры. Сперва тот отказывался, в свою очередь, настаивая, чтобы первым шёл герцог, но тот и слышать об этом не хотел. Минут десять они так препирались, после чего верховный квистол, решил уступить просьбам герцога и встал на дорожку из роскошных ковров, а затем, в сопровождении герцога, индэрнского квистола и всех придворных, медленно двинулся в сторону возвышения. Те из горожан, что находились там ещё со вчерашнего вечера, наперегонки стали бросаться к ногам Его Непогрешимости, а тот, милостиво благословлял их, окропляя освящёнными слезами из слёзохранительницы. Основная толпа, сдерживаемая гвардейцами, при виде этого, лишь завистливо и благоговейно вздыхала. Наконец, верховный квистол, поддерживаемый под руку герцогом, больше из вежливости, чем из необходимости, ибо был ещё слишком далёк от старости, взошёл на возвышение и, воздев к небесам правую руку, призвал всех к тишине.

— Орцуи ои! Дети божьи! — воззвал в наступившей тишине верховный квистол. — Да прольётся в нас Его воля! Да снизойдёт на нас сияние Его! Да пробудится в наших сердцах Его ревность к миру сему! И да убоимся мы в душах наших сомнений в мудрости Его, Единственно Истинного! Как небо, никогда не падает на землю, так и в сердцах наших, во веки веков, будет стоять храм славы Господа! Те слёзы, что пролил Он, искореняя грехи человеческие, огнём и мечом карая отступивших от Него, омыли, подобно небесной благодати, сердца наши и укрепили дух наш! — голос Его Непогрешимости звучал необыкновенно глубоко и неправдоподобно громко, и все, затаив дыхание, внимали ему, не смея ни на секунду отвести от него свой взор. — Вверив сердца наши мудрости Его, мы обрели искупление всех прошлых грехов и ошибок наших! Мы смиренно склонились пред Его волей и Его могуществом, упоая на Его милость. Мы сказали. — Вот мы, дети Твои, Отец Наш Небесный! Что мы без Тебя?

Лишь прах, косный и бессмысленный. Лишь вздох краткий в бесконечности Твоей. В одном Тебе обретаем мы надежду на спасение! Только к Тебе стремятся все помыслы наши! Ибо Ты один наполняешь этот мир и глубиной, и стремлением, и только Твоими волей и милостью он был сотворён и существует донныне. Кого, как не Тебя должны мы благодарить за это? Кому, как не Тебе возносить нам свои молитвы? И если когда мы и поступаем неправо, то всегда горько раскаиваемся в этом именем Твоим и смиренно молим Тебя, Бесконечно Любящего, о прощении. Если когда мы и поступаем неправо, то только по слабости своей, или неразумию своему, и всякий раз надеемся, что Ты поймёшь нас и примешь наше раскаяние, ибо Ты любишь нас, а мы, даже во грехе — всегда Твои, и всегда готовы принять от Тебя любую кару, какую не пожелаешь! Если когда мы и поступаем неправо, то никогда — из греховной гордыни, ибо все мы — истинные тхалиане, и чтим, даже самых наидостойнейших среди нас, не более, чем пыль на ногах Твоих, что были когда-то омыты слезами учеников Твоих! — сделав небольшую паузу, верховный квистол, хоть это и казалось невероятным, наполнил свой голос ещё большей мощностью, и обрушился вдруг на всех с величайшим гневом. — И всё же, как ни горько признавать нам это, но есть, есть и среди нас те, кто в бесконечной глупости своей, возомнил себя превыше своего Создателя, теша себя непомерной гордынею и превознося себя выше всех, а тем паче — выше слуг Твоих истинных! Тех истинных хранителей заветов Твоих, кто и дни все, и все ночи взывает к Тебе с амвона церквей наших! Тех, кто доносит до детей Твоих Голос Твой! Отступники же молчаливо скрывают ненависть свою к Тебе, хотя, если кто и услышит сердце их, тот содрогнётся: настолько сильна злоба в нём! Они творят несотворимое, прикрываясь именем Твоим. Они сеют смущение в неискушённых умах детей Твоих! Они сеют смерть, страх и хулу Тебе, о, Отец Наш Всесущный! Прости им, о Господи, ибо не ведают они того, что творят в ослеплении своём! Прости, но покарай судом праведным! Покарай, чтобы Зло не проникло в мир, Тобою сотворённый. И прежде всего, покарай здесь, в сём граде твоём достойном, дабы очистить его от этой скверны! А потом, когда Ты закончишь здесь руками нашими, то возбуди в сердцах наших ревность ещё большую и поведи нас туда, откуда Зло это пришло к нам! Дай нам Силу Твою в руки наши и сокруши ими проклятых нечестивцев, дабы не бесчестили они более, во веки веков, Имя Твоё деяниями своими! — казалось, что верховный квистол стал выше ростом. Он повернулся в сторону востока и гневно потрясал кулаками. Голос его звенел, словно все трубы герцога разом. Под конец речи, он резко опустил руки вниз, и тогда, ослепительно белая молния, словно огромная, изломанная, серебряная стрела, низринувшись с небес и поразила ясень, под которым он стоял на возвышении, расколов его от самой кроны до середины ствола. Дерево содрогнулось, но не вспыхнуло. Толпа же, и без того бесконечно возбуждённая речью Его Непогрешимости, и вовсе пришла в настоящее неистовство. Каждый рвался немедленно, тут же, своими руками, покарать тех самых грешников, о которых им только что говорил верховный квистол. И если бы здесь оказался сейчас какой-либо волшебник, то его, без сомнения, немедленно разорвали бы в клочья, ибо всем было ясно, кого именно имел в виду Его Непогрешимость. Однако ни Дэдэна, ни Нгунги, ни никого, из сопровождавших верховного ита чародеев, здесь, естественно, не было. И неудивительно: ни для кого не являлось секретом, что отношения между Гильдией и Церковью издавна отличались чрезвычайной натянутостью. И всё же, никогда ещё ни один из её высших иерархов не высказывался о волшебниках столь резко и откровенно.

Далеко на холме, с севера от города, задумчиво стоял Н'Нгунги Андгингду Храо Д'Див, Верховный Ит Великой Гильдии Волшебников Западного Инклифа. Конечно же, он всё слышал и видел, и сделал для себя соответствующие выводы. Равно, как и Дэдэн, который, хотя был и не с ним, но тоже всё слышал и видел — с самой высокой замковой башни. Ибо какой же уважающий себя волшебник стал бы недооценивать своего противника и не приложил бы максимум усилий, чтобы узнать, что тот замышляет.

Герцог и окружающие его знатные гости хотя тоже были несколько взволнованы речью Его Непогрешимости, но, всё же, больше являли некоторую растерянность, охватившую их. Им было не понятно, к чему клонит верховный квистол. Почему он решил столь явно, и именно теперь, когда, возможно, без помощи волшебников трудно будет обойтись, выступить против них? И чья это точка зрения — именно его, или же всей Церкви?

Вэйс нди'а Буни тоже был взволнован и растерян. Но не только поэтому.

По случаю прибытия в город верховного квистола, был помилован некий башмачник Креглен, приговорённый, за угрозу поджога, к огненной казни. Его уже заколотили в бочку, и прингид Страстей Господних даже прочитал над ней все полагающиеся для сего случая молитвы, долженствующие облегчить спасение заблудшей души преступника. Оставалось только поднести факел к сложенному вокруг бочки хворосту, но тут, Его Непогрешимость прижал кулак к своей груди, в знак прощения. Бочку тут же разломали, и перед потрясённой толпой предстал, чудом избежавший смерти, башмачник. Ликованию собравшихся на площади горожан не было предела. Впрочем, столь же бурные чувства у них бы вызвало и зрелище свершившейся казни, и вовсе не из-за какой-либо чрезмерной кровожадности, а просто в силу неутолимой страстности их души. Потрясённый ремесленник, обливаясь слезами, произнёс прочувственнейшую молитву, растрогав всех присутствующих, и тут же торжественно поклялся, призвав всех стоящих здесь в свидетели, что не позже следующего месяца отправится в Алкину и доставит оттуда, в ихгородской собор, частицу воли Игуна. Герцог, слыша столь похвальную речь, тут же повелел передать ему, от своего имени, кошель с двадцатью золотыми, а ади Роррен Аду старший послал башмачнику серебряную нательную тахилу, разумеется не свою. Затем герцог с гостями отправился в замок, где уже во всю готовились к парадному пиру, а народ, постояв ещё некоторое время на площади, разбрёлся, кто куда — в основном, по своим любимым трактирам — праздновать дальше. Правда, многие решили провести усопших на кладбище, где и в обычные-то дни гуляло много горожан, а теперь уж, видимо, и вовсе будет не протолкнуться. Не приходилось сомневаться, что вскоре туда нагрянут бродячие музыканты, и тогда и там вовсю закипят веселье и пляски. И уж совсем немногие, в основном именитые горожане, да ещё — немощные старики, да старухи, отправились по своим домам, или же в гости друг к другу.

Глава 5

Рин прислушался — отец и мать снова о чём-то горячо спорили. Нельзя сказать, чтобы в их доме всегда царили исключительно мир и согласие. Случалось всякое — и ссоры, и обиды, и взаимные обвинения. Всё, как у всех. Однако сегодня они запирались в своей комнате уже, по меньшей мере, трижды, и причём, с тех пор, как они сделали это в последний раз, прошло уже больше часа. Весь день мать ходила очень расстроенная, и было заметно, что она много плакала. Что же ещё такого могло случиться? У Рина нехорошо засосало под ложечкой: не иначе, как опять из-за него! Он тяжело вздохнул и, расстроено ссутулившись, направился в комнату Лика.

Однако братишки там не оказалось. Наверное, он снова куда-то убежал проказничать вместе с Ашей. В последнее время они очень сдружились. Рин прошёлся по комнате, достал из-под кровати ящик, набитый сокровищами Лика, и, опустившись на колени, с грустной усмешкой принялся перебирать всякую всячину. Здесь были и разноцветные стеклянные шары, и огромный гвоздь, и засушенные жуки, по-прежнему блистающие своими панцирями, и гусиные перья. Моток бечёвки, деревянная дудочка, цветные камешки и загадочная треугольная медная монета из неизвестно какой страны — его утешительный подарок Лику, за несостоявшуюся прогулку в замок. Рин вспомнил, что выменял её, где-то с год назад, у остановившегося в их гостинице караванного погонщика, который неожиданно польстился на изящный деревянный лепесток, с двери, теперь уже уничтоженного, шкафа. Пожалуй, это была самая выгодная в его жизни сделка! Повертев монету в руках, Рин швырнул её обратно в ящик. ... Кусок сургуча, огрызок свечи, несколько маленьких, раскрашенных рыцарей, вырезанных из дерева, шестерня от загадочного механизма, странные кусочки металла, отданные Лику отцом, после каких-то неудачных опытов. Чей-то череп, наверняка от какой-нибудь ящерицы, но Лик всегда гордо заявлял, что это череп детёныша дракона. Ржавая иглолка и несколько фигур от игры царей. В коридоре хлопнула дверь, и Рин поспешно задвинул ящик обратно под кровать. Боязливо выглянув в коридор, он увидел отца, в задумчивости стоящего перед дверью в его комнату. Тот повернул голову и, увидев Рина, неуверенно направился в его сторону.

— Вот ты где... Мне надо с тобой поговорить... — он, как не редко в последнее время, выглядел усталым и озабоченным, хотя и старался скрыть это.

— Да, отец, — Рин отступил назад и чуть посторонился, давая тому войти.

— Рин... — начал Вэйс нди'а Буни, тяжело опустившись на кровать Лика. Из-под нахмуренных густых бровей, на Рина грустно взирали странные глаза отца, то и дело убегающие куда-то в сторону. Странные не из-за своего цвета, или формы, а из-за выражения, всегда им присущего. Никто больше из людей, когда-либо встреченных Рином, не обладал таким взглядом: столько в них светилось силы и какого-то совершенно никому неведомого знания, и никто не мог его выдержать. Даже господин герцог. Его отец обычно всегда был собран и подтянут. Он всегда знал, чего хотел, и, несмотря на свой уже изрядный возраст (ему уже шёл пятый десяток), он выглядел на удивление молодо и всегда производил впечатление человека недюжинной силы, хотя и не из-за своего телосложения. Однако сейчас его отец был немного растерян и, как показалось Рину, немного даже подавлен. — Как помнится ты был очень недоволен, когда я определил тебя в трапезничество при герцoge? Ведь так?

— Да, отец, — Рин тоже старался не подавать виду, сколь не по себе ему от этого разговора. Судя по всему, вот как раз сейчас ему и влетит за то, что он учинил, в первый и последний раз распоряжаясь на обеде у герцога. И, учитывая сколь расстроен его отец, влетит ему весьма основательно.

— А хотел ты — стать пажом у Фроггана. Не так ли? — отец сжал пальцы в замок и теперь, уже не отводя в сторону своего взгляда, выжидающе смотрел прямо на него.

К чему он клонит? Ведь ему и без него всё прекрасно известно.

— Да, отец, — в третий раз уныло повторил Рин.

— Так вот... — отец поёрзал на краю кровати, поудобнее усаживаясь. Ещё немного помолчав, он затем вновь сдавленно продолжил. — Я поговорил с герцогом... Его Влиятельность тоже придерживается того мнения, что молодому человеку, столь горячему и смелому, как ты, не совсем подобает должность трапезничего. — Тут он словно бы на мгновение запнулся, но тут же вновь взял себя в руки. Однако его волнение выдавали его стиснутые до синеватой бледности пальцы, так что Рин весь невольно сжался, ожидая самого худшего. — Итак. Его Влиятельность тоже полагает, что для тебя гораздо полезнее было бы приобщиться к воинскому искусству и... и уже, когда-нибудь в будущем... если, конечно, ты окажешься этого достоин... присоединиться ко двору его милости уже в качестве одного из его рыцарей... Именно это, мне и сказал господин герцог, во время нашей последней встречи.

Отец грустно посмотрел на Рина, а затем, встал с кровати. Рин же, потеряв дар речи и вообще какую-либо способность соображать, стоял посреди комнаты, словно какой-нибудь столб. Что случилось?! Почему?! Неужели его даже не выпорют, за высказанное им неуважение к сиятельной персоне герцога? Он решительно ничего не понимал!

— Неужели господин герцог отпустил меня, даже без наказания? — спросил он первое, что пришло ему в голову.

Отец едва заметно поморщился:

— На счёт гёрцога можешь не волноваться: я обо всём с ним договорился.

Только сейчас Рин заметил, что на безымянном пальце отца отсутствует перстень из кивилийского серебра, украшенный огромным оранжевым камнем. Отец очень им дорожил и не раз отказывался уступить его даже самому герцогу.

— Почему? — только и смог он вымолвить. — Ведь ты же сам всегда был против!

Вэйс нди'а Буни задумчиво потёр подбородок, а затем, пройдясь немного по комнате, остановился прямо перед Рином:

— Видишь ли... Когда-то давным-давно, когда не только тебя ещё на свете не было, но когда я даже ещё не был знаком с твоей мамой, мне довелось путешествовать по одному, очень далёкому краю... Там я посетил, наверное, самый известный во всем подзвёздном мире оракул. Окуа Ору — Дыхание Неба, так он назывался... Мне было дано предсказание... — тут отец вновь замолчал, но мгновение спустя продолжил. — В предсказании том говорилось, что первый мой сын претерпит величайшие страдания, если судьбе будет угодно вложить меч в его руки... Второй же сын — сам будет хозяином своей судьбы... А судьба дочери скрыта, и ни для кого неведома... Что это значит для Аши — не смог мне сказать никто... Разумеется, я не хотел, чтобы ты был несчастлив, и именно поэтому, не соглашался отдать тебя в оруженосцы, или же ещё, в какую-нибудь профессию, так или иначе, связанную с воинским искусством... — Вэйс виновато взглянул на сына и вздохнул, а на его лице, что казалось просто невероятным, на мгновение, проскользнуло чувство полной безнадёжности. — Однако, с каждым днём я всё больше, и больше убеждаюсь, что избежать неотвратимое — невозможно... А может быть, даже и не разумно... — Вэйс вздохнул ещё горше. — Одно успокаивает меня: в предсказании ничего не говорилось о том, чем же всё это для тебя закончится... Не исключено, что пройдя через тяжкие испытания, ты, всё же, обретёшь своё счастье... Кто знает?.. — отец, с надеждой посмотрел в лицо Рину. — Теперь я могу тебе сказать — твоя судьба отныне в твоих собственных руках... Я и дальше буду помогать тебе, чем смогу, но с этого дня, я не властен над тобой... Ты стал взрослым! — отец опустил голову, а затем крепко обнял Рина и быстро вышел из комнаты. В тоже мгновение вбежала мама, и, рыдая, прижала к себе сына.

Не иначе, как всё это время подслушивала у двери! — с досадой подумал Рин. Но тут вдруг, с удивлением, почувствовал, что и у него самого зашекотало в носу.

Несмотря на чрезвычайно натянутые отношения между волшебниками, приглашёнными вместе с верховным итом, и представителями духовенства, во главе с верховным квистолом, пир оказался вполне удачным: никаких неприятных ссор и, тем более, столкновений допущено не было. Хотя ощущение едва сдерживаемой враждебности так и витало в воздухе.

Распоряжался на пиру лично Ндади. Не только из-за того, что, в столь торжественный день, боялся доверить это кому-нибудь ещё, но и будучи вынуждаем к этому обстоятельствами: Рикунд до сих пор был в состоянии лишь шептать, а Тона — всё никак не мог оправиться от потрясения, что оказался жертвой магического вмешательства. Рин же теперь, увы, не являлся его подопечным и был, в силу своей несдержанности и опрометчивости, столь свойственным молодому возрасту, выперт из замка на все четыре стороны. Да ещё, пожалуй, легко и отделался. Могли ведь и примерно наказать, что, впрочем, по мнению Ндади, было бы вовсе не лишним. Всем известно — обрекая тело на страдания, во имя постижения истины и справедливости небесных и земных законов, дух человеческий и закаляется, и очищается, даруя наказываемому божественное просветление. Это всегда на пользу, особенно такому избалованному мальчишке, как Рин. Ндади не помнил, чтобы тому, хоть раз, задавали хорошую трёпку в высоких воспитательных целях. Он, правда, и сам был в этом виноват — слишком хорошо и трепетно, в силу многолетних дружеских чувств и тех приключений, что довелось им испытать некогда вместе, относился он к отцу Рина, а особенно, к его матери — госпоже Рилли нди Буну. Хотя его долг, как наставника парнишки, и обязывал его к этому. Ну да что сделано, то сделано! Ндади расстроено засопел и метнул взгляд в сторону Адэка. Пришлось вновь допустить того до настоящей работы, закрыв глаза на все его прошлые прегрешения. Не мог же он один за всем уследить! Адэк меж тем указывал какое именно блюдо, принесённое слугами с кухни, следовало отдать тому или иному конному всаднику, из не очень знатных местных дворян, развозивших эти блюда дальше по пиршественному залу. А за несколько минут до этого, он обругал одного из слуг за то, что не подали вовремя очередную бочку пешарского вина, а другого — за то, что жаркое слишком подгорело. Молодец парень! Если над ним ещё немного поработать, то, может быть, из него и выйдет толк... И кто знает, возможно, когда-нибудь, когда он, Ндади, уйдёт на покой, парень окажется достоин сменить его на должности главного трапезничего. Надо будет за ним приглядеть! А то и этот, даром что уже взрослый, выкинет чего-нибудь столь же нелепое, как и Рин. Известный ведь шалопай! Ндади немного приободрился и, гордо вскинув голову, торжественно направился в сторону герцогского стола: пора было объявлять очередную интермедию.

Нгунги сидел по левую руку от герцога. По правую же, сидел верховный квистол. Нгунги заметил, как на него, при встрече, посмотрел этот отец Тил, бывший интор Тирльского монастыря Первой Опоры Игуна, Истинно Преданного Аарга Бирюмского, ныне добившегося высшего духовного кресла Имрии. В его взгляде он прочёл подлинную ненависть. Что подвигло того к подобному отношению к гильдии? Ничего из того, что знал о нём Нгунги не давало подобного повода. Это было загадкой. Нехорошей загадкой.

Придворный певец, перебирая руками по струнам арфы, пел какую-то дурацкую новомодную песню:

...Муж — чародей ревнивый
Превратит
В цветок благоуханный
Ваше тело.
Но я, пчелой ретивой,
В тот же миг,
Примчусь отведать

Сладости запретной.
Он сделает Вас
Перстнем на руке,
А я, тот час,
Китрамским стану вором.
Он птицею Вас пустит
В вышине,
Я ж коршуном примчусь,
Как ветер скорый.
Чтоб не придумал
Искушённый маг,
Вам от меня,
Всё ж, не уйти никак!

— Достопочтенный Нгунги, — к нему подошёл ади Вара Великолепный и, настороженно покосившись в сторону верховного квистола, склонился к его уху. — Не могли бы Вы уделить мне несколько минут?

Нгунги кивнул. — Разумеется, ади Вара! — и добавил чуть тише. — Тем более, что в сложившихся обстоятельствах, далеко не каждый теперь осмелится столь открыто беседовать с волшебником!

Ади Вара поморщился:

— Это ваше учёное дело разбираться с церковью, кто из вас прав, а кто нет. Я солдат и в таких делах ничего не смыслю! Если король скажет мне — Обнажи меч свой за церковь нашу против злокозненных чародеев, мой верный рыцарь, ади Вара! — то я, уж не обижайтесь, так и сделаю. Но если он скажет, — Пришла пора, мой доблестный ади Вара, проучить забывших слово Божье, священников и защитить верных слуг моих, чародеев, — то и тут я не стану ему перечить и поступлю так, как требует того моя клятва верности.

По крайней мере предельно честно! — с невольным уважением подумал Нгунги. — Однако, пожалуй, ади Варе довольно опасно выражаться таким образом: наверняка, у него при дворе врагов — что цветов в поле.

— Подобная преданность своему сюзерену весьма похвальна и не может не вызывать уважения. Однако, ади Вара, прошу Вас, будьте осторожнее: сейчас, как мне кажется, не то время, чтобы без особой причины, и дальше наживать себе врагов, — вежливо заметил Нгунги.

— Вы имеете в виду себя, мой дорогой верховный ит? — искренне удивился ади Вара.

— Нет конечно! — чуть не рассмеялся Нгунги. — Я никого лично в виду не имел. Но не секрет, что вокруг короля всегда много людей, пусть и весьма достойных, но очень и очень честолюбивых, обидчивых и крайне вспыльчивых, и если до сих пор Вам подобные заявления и могли сходить с рук, то теперь — всё может быть совсем иначе!.. Мне было бы невыразимо грустно, если бы Вы вдруг пострадали. Нельзя сейчас быть настолько простодушным. Уж не обижайтесь, ади Вара!

— Да нет, и не думал даже, — ади Вара был явно озадачен. — А к врагам я привык! Мне без них откровенно скучно. Ничто так не бодрит, как искренний враг!.. Ну да Бог с этим! Я Вас хотел спросить совсем о другом, — он, наконец, остановился, рядом с глубокой нишей у окна, и требовательно посмотрел на Нгунги. — Скажите мне, как верховный ит и как, насколько я наслышан, великий волшебник... скажите мне... следует ли нам, из-за всего того, свидетелями чего нам тут довелось быть... Вы, правда, этого не видели, но, клянусь Вам своей честью, зрелище было более чем впечатляющим! Так вот, следует ли всем нам, в связи с этим, готовиться к войне? Пусть и не прямо сейчас, но во вполне обозримом будущем? Что Вы об этом думаете, Ваша Могущественность?

Ади Вара буквально сверлил его своим пылающим взором. Высокий и, действительно, великолепный он грозно нависал над верховным итом в ожидании ответа.

Он что, соскучился, за долгие годы мира, по войне? Нгунги пребывал в некотором замешательстве. Что же ему ответить? Единственное, на чём он мог сейчас основываться — так это на своих, пока ещё крайне смутных, предчувствиях. Правда, очень нехороших предчувствиях...

— К войне никогда нелишне быть готовым... Я не могу ничего утверждать, достопочти-мый ади Вара, но, мои чувства говорят мне, что впереди у нас... трудные времена, — Нгунги, говорил медленно и осторожно, стараясь тщательно подбирать слова. — Я не знаю когда... Может быть уже через месяц, а быть может через год, или даже три... И не знаю что это может быть. Но в одном я убеждён — случится что-то очень нехорошее. Нечто такое, что может оказаться для всех нас смертельной угрозой.

Ади Вара насупился, сдвинув на переносице свои густые брови, и пожевал немного губами.

— Именно это я и хотел услышать от Вас! — благодарно воскликнул он. Затем, хлебнув из кубка вина, он коротко поклонился и необычайно довольный пошёл на своё место.

Ах, ади Вара! Если бы твои воины и вправду могли остановить то, что может случиться! Нгунги некоторое время смотрел ему вслед, а затем отвернулся к окну.

— Так ты теперь будешь пажом?! — Лик во все глаза глядел на Рина. — Вот здорово! Мой брат — паж у Его Доблести!.. А потом, ты станешь оруженосцем, а вслед затем, и настоящим рыцарем! Ур-р-ра!

И Лик стал вприпрыжку носиться по комнате.

— И благородных девиц будешь спасать, чтобы на них жениться? — заинтересовалась Аша.

— Ну, насчёт спасения девиц — не уверен. Конечно, если такой случай представится, то я постараюсь не оплошать. Но вот насчёт того, чтобы жениться... — Рин старался быть серьёзным, но под конец не выдержал и прыснул себе в кулак.

— Какой же ты ещё, всё-таки, ребёнок! — важно изрекла Аша, снисходительно взирая на него снизу вверх.

— Глупая! Да зачем ему твои девицы? Рин с драконами будет сражаться и злыми волшебниками! А потом, станет королём! — Лик весь сиял и, по-прежнему, в страшно-возбуждении скакал по комнате, то и дело натываясь на мебель.

— Сам ты глупый! Какой же он будет король без королевы? — всем своим видом Аша давала понять, что только такие бестолковые мальчишки, как Лик, не понимают столь очевидных вещей.

— Ну, вот когда станет королём, тогда и жениться! А до тех пор ему некогда будет такой ерундой заниматься! — на большие уступки Лик идти не желал.

— И вовсе это не глупости! — Аша аж топнула ножкой от возмущения.

— А вот и глупости! — дразнил её Лик.

— Нет! Не глупости! — не сдавалась сестрёнка.

— Глупости! Глупости! Самые настоящие девчоночьи глупости!

— Дети, прекратите ссориться! Если вы будете мешать Рину собирать вещи, то я вас выпровожу на улицу! — в комнату заглянула мама и с напускной сердитостью посмотрела на них.

— Мы больше не будем! — примирительно затянул Лик.

— Мы не будем, мама! — подхватила вслед за ним Аша.

— Ну, хорошо! — и посмотрев на них ещё секунду, мама вновь ушла.

— А ты будешь приезжать к нам в гости? — спросил Лик, утомившись и присаживаясь на краешек кровати, рядом с Рином.

— Не знаю. Это уж, как мастер Фрогган решит. — Рин укладывал принесённую мамой одежду в огромный, окованный широкими стальными полосами, сундук, выкрашенный в красный цвет и покрытый тонкой, вызолоченной резьбой. — Думаю, что он будет отпускать меня изредка домой. Тем более что его владения находятся не так уж и далеко от города.

— Жаль только, что он не столь знатен, как ади Вара Великолепный, или же ади Роррен Аду старший! — грустно произнёс Лик.

— Ну и что! — повернулся к нему Рин. — За то у него очень древний и благородный род! А ещё — он за свою жизнь пережил столько приключений и совершил столько подвигов, что, владей бы он более обширными землями, то ничем не уступил бы в знатности ади Вару, а уж ади Роррену — и подавно!

— Пожалуй, что и так, — согласился Лик, болтая ногами.

— А у него есть дети? — полюбопытствовала Аша.

— Вроде нет... Во всяком случае, я никогда о них не слышал.

— Это плохо! — сказала Аша.

— Почему? — удивился Лик.

— Потому, что Рину там будет скучно! — назидательно пояснила Аша и добавила. — А если бы у этого рыцаря была дочка, то Рин мог бы с ней подружиться, петь ей песни, читать стихи и носить на груди её платок!

— А ты-то откуда всё это знаешь? — полюбопытствовал Рин.

— В книжке читала! — похвасталась та.

— Это в какой же? — вот уж не думал Рин, что его сестрёнку интересует что-либо, кроме сказок.

— Роман о цветке любви, господ Ги Ориса и Кло ди Рёна!.. Да только вы маме не говорите, а то она непременно на меня рассердится! Она мне такие книжки читать пока не разрешает. — Аша виновато потупилась, хотя её щёчки нежно окрасил довольный румянец.

— Ладно, не скажем! Тем более, что в той книге, помимо всяческих глупостей, есть очень много чего и полезного, — важно покивал головой Лик.

— Так, значит, и ты тоже читал её? — оживилась Аша.

— Угу, — ответил братишка.

“Во дела!” — подумал Рин. — “Эти два клопа обсуждают книгу, наподобие заправских книгочеев, а он только обложку и видел. Полистал как-то один раз, да потом вновь на полку и положил: показалась слишком нарочитой и вычурной.”

— И неужели, милая сестрица, ты всё там поняла? — спросил Рин недоверчиво. То, что столь маленькая девочка умеет читать и само по себе было удивительно. Но то, что она при этом читала столь мудрёные книги — представлялось ему и вовсе чем-то невероятным!

— Нет... — честно призналась Аша. — Но про любовь, рыцарей и дам — да! Хотя там часто и не понятно написано. Я, во всяком случае, никогда не встречала господ с именами Счастливый Случай, Благосклонный Взгляд, или дам — Стыдливое Опасение и Жгучая Ревность... А ещё — в ней картинки красивые...

— Это не настоящие дамы и господа! — важно изрёк Лик. — Они существуют понарошку и изображают наши чувства! — видя, что Аша смотрит на него с явным недоумением, Лик довольно ухмыльнулся, а затем вновь повернулся к Рину. — Рин, а ты видел, как в ясень ударила молния?

— Да, Лик. Было здорово!

— Но ведь это же волшебство! — Лик пытливо посмотрел на Рина и продолжил. — Почему же тогда господин верховный квестол против волшебников, если он и сам использует магию?

— Дело в том Лик... — Рин постарался припомнить, что ему, когда-то уже довольно давно, объяснял отец. — Дело в том, что волшебники и церковь обращаются к совсем разным силам. Если волшебники, действительно, используют магию, и делают это, когда захотят, то источником чудес у церкви служит нечто иное... Я забыл, как это называется, но оно связано с силой веры и может проявляться далеко не всегда, и не у всех... Я правда не помню, Лик. Спроси у отца: он-то когда-то мне всё это и рассказал.

— Как интересно! — судя по всему, любопытство Лика, которое, насколько знал Рин, никогда и ни что на свете не могло насытить, раздранилось не на шутку.

Меж тем, на улице раздался топот копыт и скрип подъехавшей повозки. Лик тотчас же метнулся к окну и выглянул наружу.

— Рин, это за тобой! — крикнул он, оглянувшись.

Аша крепко вцепилась своими крохотными ручками в штаны Рина и серьёзно потребовала:

— Обещай, что будешь приезжать к нам!

— Хорошо, Аша, обещаю, — Рин ласково погладил её по голове, и, высвободив из плена свою штанину, вновь повернулся к сундуку: ему осталось лишь положить сверху тёплый плащ, сшитый из шкуры дара.

— Рин, ты готов? — в комнату вошёл отец, а вслед за ним — и мама, безуспешно пытающаяся сдержать подступившие к глазам слёзы.

— Да, отец... Остался один плащ.

— Дай я его положу! — метнулась к сундуку мама и стала бережно, но не на секунду не сводя с Рина глаз, укладывать толстый плащ поверх плотного зелёного камзола.

— Ну вот, Рин. Чего ты всегда так хотел, то и случилось! — отец улыбнулся, но Рин заметил, что в глубине его глаз таилась тревога.

— Спасибо, отец! Я надеюсь, что ты никогда не пожалеешь об этом! — Рин чувствовал себя крайне неуютно: ему ещё никогда не приходилось прощаться. Да тут ещё и в носу предательски защипало. В добавок к этому, Аша и Лик, вдруг тоже вовсю зашмыгали носами.

— Да примет Игун к сердцу слова твои! — вздохнул отец.

На лестнице раздался топот сапог.

— Эй, хозяева! Откуда вещи-то сносить?

— Сюда! Идите сюда! От лестницы — направо! — крикнул отец, отворачиваясь к двери.

Через несколько секунд комнату заполнили коренастые крестьяне из деревни ади Фроггана. Сразу стало тесно и душно.

— Добрый Вам день, господин нди'а Буни, и Вам — госпожа нди Буни! — это выступил вперёд Таркуд, старый оруженосец ади Фроггана. — Привет, Рин! — кивнул он парнишке, и, улыбнувшись, потрепал по голове Ашу и Лика. Заметив, какое унылое настроение царит в комнате, он крикнул, расправил плечи и жизнерадостно загудел. — Ну, что вы, в самом деле! Словно на войну парня отправляете! Клянусь вам всеми ранами Господа Нашего, что ничего плохого с ним не случится. Я сам с него, ни днём, ни ночью, глаз спускать не буду! Да и некогда ему будет о шалостях думать: господин Фрогган не из тех рыцарей, что при дворе только дамам глазки строят. Так что Рин ещё и назад запросится! — тут Таркуд хитро взглянул на Рина и добавил. — Но только мы его, с моим господином, уже не отпустим. Скажу тебе честно, парень — уж лучше бы тебе сразу угодить в провал к Тёмному, чем в мои лапы, а уж тем более — в лапы ади Фроггана!

Рин насупил. Пусть пугает! Он всё равно станет рыцарем, чего бы это ему не стоило. Зря что ли, он даже герцога из-за этого разгневал?

— Кх! Кх! — это крестьяне, переминавшиеся позади Таркуда с ноги на ногу, напомнили о себе.

— Ах, да! Чего нести-то? — спохватился тот.

— Вот этот сундук! Вон ту суму в углу, а ещё — выкатите изподвала два бочонка пешарского и бочонок пива. Пешарское — ади Фрогану, а пиво — вам за труды. Помимо обговорённой платы, — отец взял себя в руки и теперь вновь был, как всегда, собран и решителен.

— Вот за это спасибо, господин нди'а Буни! — просиял Таркуд. — Да охранит Вас и всю Вашу семью искуплённый Фагури!.. Ну, что, ребята, хватайте, что вам было сказано, да тащите на подводу! Только аккуратнее там с товаром! — затем он вновь обратился к отцу Рина. — Мы тут, раз уж всё равно в город пришлось ехать, на рынок завернули: ади Фроган поручил прикупить кой-чего.

— Понятно... — кивнул отец и, достав из-за пазухи какой-то конверт, протянул его старому оруженосцу. — Вот, передай это своему господину... А это... — он вытащил из кармана кошель с монетами. — Как мы и договаривались. Крестьянам — по два олта, а тебе — четыре тава.

Глаза у Таркуда радостно заблестели, и он, тут же торопливо стал кланяться:

— Премного благодарен Вам, за Вашу щедрость и доброту, господин нди'а Буни! Премного Вам благодарен! Пусть искуплённый Ригурн пошлёт Вам удачу!

— Это же, — из распухшего, словно спелая репа, кармана камзола Вэйс нди'а Буни достал ещё один увесистый кошель, — отдашь ади Фрогану, в качестве платы за обучение. Там всё, как мы с ним и уговорились. Каждый месяц я буду посылать ещё по десятой части этого. Или же, сразу за год, или — за ещё какой период, который будет угоден твоему господину. Пусть даст знать. Ты всё понял?

— Да! Всё, что Вы изволили мне сказать, господин нди'а Буни. Я хоть уже и не молод, но голова моя всё ещё ясна, как слеза Господня! — закивал Таркуд.

— Ну что ж, тогда идём на улицу! — вздохнул Вэйс нди'а Буни.

Когда Рин уже сидел в повозке (на лошади он, к стыду своему, держался едва-едва), и все слова расставания были сказаны, а слезы и у мамы, и у сестрёнки с братишкой лились в три ручья, отец склонился к нему и в полголоса проговорил:

— Помни, Рин, что я тебе сказал! Отныне, твоя судьба — в твоих собственных руках!

— Я помню отец, — Рин крепко сжал его руку.

— Ну, что? Поехали уже что ли? — спросил Таркуд.

— Да, трогай! — махнул рукой отец.

Подвода дёрнулась и покатила по улице к западным воротам. Рин долго махал рукой, украдкой утирая, время от времени, катящиеся по щекам слёзы. Наконец, они миновали ещё один поворот, и шедшее вслед за повозкой семейство отстало.

Они уже подъезжали к городским воротам, когда Рин увидел несущегося во всю прыть Адека. Тот мчался, подобно урагану, едва успевая уворачиваться от попадавшихся ему навстречу горожан. Вслед ему летели проклятия и ругань, но он не обращал на них никакого внимания. Ещё минута — и вот запыхавшийся Адек вскочил на повозку рядом с ним.

— Что же это ты, паж расфуфыренный, даже попрощаться не удосужился со своим другом? — весело спросил тот. — Или уж совсем зазнался, будущий наш Тургвир Индэрнский?

— Не обижайся, Адек, всё случилось так быстро... — Рин только сейчас понял, насколько всё это, действительно, было неожиданно. — Ещё вчера вечером отец сказал мне, что я отправляюсь к господину Фрогану, а сегодня ещё и обед не настал, а я — сам видишь — уже и впрямь еду... И к чему такая спешка?..

— Ну, спешка-то, может вовсе и не лишняя... Это уж как на это посмотреть... Ведь господин герцог-то когда-нибудь отойдёт от всех тех хлопот, что свалились на его сиятельную голову, да как спохватиться, что ты ещё не наказан! Вот тогда бы тебе и всыпали во славу Божью! Хотя, мне кажется, тут должны быть и какие-то другие причины... — Адек уставился на дорогу вниз, а затем рассмеялся. — Ну, коли станешь когда-нибудь рыцарем, то тогда

и меня сделай своим оруженосцем. Во всяких опасных приключениях завсегда надежнее со старым товарищем. А на меня, как ты знаешь, всегда можно положиться!

— Это правда! — улыбнулся Рин. — И если Господу угодно будет, чтобы я заслужил честь быть посвящённым в рыцари, то, обещаю тебе, что, коли ты сам не передумаешь, то я, с превеликим удовольствием, сделаю тебя своим оруженосцем!

— Хе! — насмешливо покачал головой ехавший рядом Таркуд. — Экий ты однако торопливый, приятель. Ещё и сам не стал оруженосцем, а уже, как заправский рыцарь, своих товарищей в оруженосцы производишь! — Затем он пнул каблуками в бока лошади и переместился в начало их маленького отряда.

— Ну, что ж, ловлю тебя на слове! — сказал Адек, равнодушно глянув на Таркуда, а затем добавил. — Ну, что ж, мне пора!.. Да хранит тебя сердце Игуна! — и, крепко обняв на прощание Рина, прыгнул с телеги.

— Будешь в городе, заходи в замок меня проведать! — крикнул он ему в след.

Рин хотел его спросить, почему он считает, что с его поспешным отъездом должны быть связаны ещё какие-то причины, но теперь было уже поздно. Он едва успел взмахнуть рукой, как телега, застучав по камням, въехала в Западные ворота. Сперва над ним медленно проплыл каменный свод, затем, высоко в небо, взметнулась городская стена, и вот Индэрн, в котором он родился и столько лет прожил, остался позади.

Через несколько часов неспешного хода они благополучно добрались до Оленей Тропы — поместья ади Питри Фроггана. Солнце было ещё высоко в небе, но в дороге Рина немного разморило, и он едва-едва успел отзеваться и сейчас сидел, с любопытством крутя головой из стороны в сторону: он был здесь, в последний раз, года три назад, не меньше!

— Тпру! — крикнул возница, останавливая подводу перед знакомой крепостью, старой, обветшалой и такой маленькой, что её главная башня казалась лишь раза в три выше их собственной гостиницы.

Перед входом на давно уже неисправный подвесной мост стоял сам ади Фрогган. Он был одет в обычный, коричневого цвета камзол и странные зелёные штаны, а на голове у него не было шляпы. Под камзолом у него виднелась белая, с каким-то цветным узором, рубашка, расшнурованная на груди. И весь вид его являл скорее какого-нибудь трактирщика, или, преуспевающего подмастерья, а уж никак не рыцаря. Ади Фрогган выплюнул изо рта травинку и подошёл к повозке. Несколько секунд он внимательно рассматривал Рина, а затем негромко произнёс:

— Ну, вот ты и приехал ко мне, друг мой!.. Значит настало и моё время... Вот так!

Рин мало что понял из его слов, а потому недоумённо посмотрел на него, но ади Фрогган лишь усмехнулся:

— Не исключено, что ты ещё пожалеешь, Рин, что захотел стать моим... оруженосцем. Я денег даром не беру! А, кроме того, твой отец — мой друг, и с моей стороны было бы просто невежливо не оправдать его доверие!

«Оруженосцем?! Даже не пажом?!» — потрясённо подумал Рин и со стыдом почувствовал, что лишь глупо разинул рот при таком известии. — Ну и дела!

Глава 6

Ади Питри Фрогган оказался прав: Рин, порой, уже жалел, что напросился к нему в ученики. Самое первое мучение началось утром следующего дня, когда его, почти прямо из постели, лишь дав прочитать короткую благодарственную молитву, Таркуд приволок на конюшню и стал показывать и объяснять, как следует седлать лошадь. А после этого, помог залезть ему в седло и, отведя на поле за замком, заставил скакать по кругу, привязав лошадь к длинной верёвке, без перерыва, два часа кряду. При этом, он то и дело отпускал едкие шуточки по поводу его навыков наездника и без конца заставлял садиться так, как считал правильным, больно ударяя его палкой то по спине, то по ногам, если находил, что Рин делал что-либо не совсем верно. Причём Рин даже не знал, что бесило его больше: то ли боль от этих бесконечных ударов и езды, то ли эти чрезвычайно обидные насмешки. Вдобавок к этому, из деревни, что раскинулась рядом с замком, набежали крестьяне и всю веселились, потешаясь над его обучением. Правда, вскоре они ушли: пора было идти работать в поле, но настроение они ему, и без того неважное, испортили ещё больше.

Когда это издевательство закончилось, Рин с трудом слез с лошади, и едва сдерживая, рвущиеся из груди стоны, заковылял вслед за Таркудом обратно к конюшне. Там старый оруженосец заставил его расседлать лошадь и обтереть её насухо куском старой попоны. Затем, он привёл его обратно в замок, и вместо того, чтобы предложить, наконец, позавтракать, дал ему в руки короткий, выдавший виды, меч, оселок и какую-то тряпку, из толстых, твёрдых ниток и заставил очищать его от ржавчины, пригрозив, что не накормит, покуда меч не засияет, как новенький. Наблюдая за тем, как Рин, злобно поглядывая в его сторону, скоблит оселком злосчастный меч, Таркуд, удобно устроившись на огромном камне, предавался воспоминаниям. Впрочем, все эти истории Рин уже и раньше слышал, когда гостил у ади Фроггана. Но вот что странно: если тогда они казались ему и поучительными, и интересными, то теперь, почему-то, только раздражали. Таркуд рассказывал о том, как стал оруженосцем он сам. Он называл себя невсамоделешним оруженосцем, ибо не начинал с самых азов, как это обычно делали все: его не отдавали в детстве в услужение, в качестве пажа, в чужой дом, где он, с самых малых лет должен был овладевать наукой придворной жизни, ему не приходилось, многие годы спустя, предстать перед квистолом, и в торжественной обстановке получить от того укрощённый и поименованный меч, над которым до этого, в течение трёх дней, монахи пели свои священные песнопения, и лишь после чего он, собственно, и мог считаться оруженосцем. Нет, в его жизни всё было не так! Оруженосцем он стал уже в зрелом возрасте: ему тогда исполнилось почти тридцать, и он был на восемь лет старше ади Фроггана. Случилось же это счастливейшее событие его жизни во время второй войны с лингийцами, а именно — в жесточайшей битве, под началом Айнли Уйнгрифа Третьего — отца ныне здравствующего короля, что свершилась подле Ануна, и когда победа была добыта ценой жизнью чуть ли не половины всего доблестного войска. Тогдаего господин, несравненный и прегрознейший ади Питри Фрогган, лишился обоих своих оруженосцев, и он, Таркуд, видя своего командира в столь бедственном положении, прорубился сквозь врагов прямо к нему, и до конца битвы кричал ему, то — “Господин мой рыцарь, опасность слева!”, то — “Господин мой рыцарь, опасность справа!”, заслужив, тем самым, его глубокую благодарность и уважение. За это, тот и произвёл его, прямо на поле битвы, когда она благополучно закончилась, к их вящей славе, в свои оруженосцы, связав обетом, под стоны раненых и хрипы умирающих. Прочие рыцари, правда, не оценили его благородного жеста, так как посчитали это против установленных правил, и долгое время отказывались признавать Таркуда за настоящего оруженосца. Однако со временем, хотя его манеры и не стали лучше, из-за чего бедному ади Фроггану не раз приходилось краснеть, Таркуд всё же сумел доказать, что оруженосец он, хоть и не особо благовоспитанный, но зато чрезвычайно

честный и очень достойный. В конце концов, перед одним из турниров, сам король, и доньше здравствующий Эрро Шепелявый, коснулся его груди мечом, дав понять, что уже никто не в праве попрекать его, что он стал оруженосцем не так, как это установлено обычаем. И хотя это тоже было не по правилам, ибо такой чести мог удостоиваться только рыцарь, а уж никак не оруженосец, все присутствующие приняли это к сведению и больше уже его не третировали. В том же, что и Рин поступил на эту должность вовсе не так, как это заведено, Таркуд усматривал добрый знак и некую традицию.

Когда он закончил свой рассказ, то насмешливо вздохнул и, отобрав у Рина оселок, показал, как правильно надо точить меч.

— А так — ты только мозоли натрёшь, да лезвие вконец затупишь! — пояснил он.

Но, видимо, Таркуд и сам уже изрядно проголодался, ибо, так и не дал Рину довести дело до конца. Сказав, что закончить с этим Рин может и после, он сунул меч подмышку и повел его в трапезную.

И то пора! — раздражённо подумал Рин, в животе у которого так и бурчало от голода.

Во время обеда ади Фрогган был до крайности задумчив и не проронил ни слова. Даже Таркуд как-то стушевался и почти ничего не говорил, лишь изредка бормотал что-то себе под нос. Только, где-то уже под конец трапезы, ади Фрогган рассеяно и несколько удивлённо взглянул на Рина, словно бы только что его заметил, и спросил у Таркуда:

— Ну, как у нашего юного друга успехи?

— Ох! Боюсь, кавалеристом ему не быть! — оживился тот. — Хотя, кто знает? Рин у нас парнишка самолюбивый... Видели бы Вы, мой господин, как это он на меня давеча смотрел! Ну, думаю, Таркуд, гляди — не перегни палку: а то даст тебе этот малолетний разбойник, как-нибудь, мечом по голове, так ты никогда уже больше свежесваренного пива и не отведаешь. Очень уж он не любит, как мне кажется, когда им кто-нибудь помыкает.

— Ну, вот и хорошо... — как-то не к месту отвечив ади Фрогган. Тут даже и старый оруженосец, от удивления, рот раскрыл.

— Ну, чего ты на меня уставился, кираса старая? — рявкнул ади Фрогган и вскочил из-за стола, смахнув при этом на пол кубок с вином. — А, чёрт!

Отряхивая рукой с полы камзола капельки вина и не переставая при этом ругаться, ади Фрогган тут же выскочил из трапезной прочь. Бирт, преклонных лет слуга, который, сам и стряпал, а теперь и подавал приготовленные им блюда на стол, удивлённо взглянул в удаляющуюся спину своего господина, а затем сделал вид, что ничего не случилось, хотя смотреть на оруженосца явно избегал.

— Что-то Его Решимость сегодня не в духе! — обижено проворчал Таркуд и, насупившись, уставился в свою тарелку. А над столом тотчас же повисла гнетущая тишина. Чувствуя себя крайне неудобно, Рин торопливо доел и тоже поспешил улизнуть.

“Что бы всё это значило?” — размышлял Рин, карабкаясь на полуразвалившуюся крепостную стену. — Никогда ещё он не видел ади Фроггана столь раздражённым и несдержанным. Неужели, необходимость взять его к себе, в качестве оруженосца, могла до такой степени расстроить и обозлить рыцаря? Ежели это так, то ничего хорошего, от его учения, ждать не приходится.

Рин свернул за угол маленькой башенки и чуть было не налетел на ади Питри. Тот стоял, напряжённо вцепившись в свой широкий пояс, и смотрел куда-то далеко за деревню, туда, где дорога уходила в довольно хилый лес.

— Простите, Ваша Решимость, я не хотел Вам мешать! — испугано выпалил Рин, отскакивая назад.

Но рыцарь удержал его, поймав за рукав рубашки, и, угрюмо взирая на него исподлобья, с видимым трудом, проговорил:

— Я должен попросить у тебя прощения... за моё недостойное поведение во время трапезы... Ничто не может служить оправданием несправедливому гневу и богохульным словам... Такого со мной давно не было, и видит Всесущий Игун, я этого не хотел!.. — ади Фрогган расстроено вздохнул и замолчал, однако рукав не отпустил. Рин уже думал, что рыцарь так ничего больше и не скажет, но тот, ещё раз сокрушённо вздохнув, продолжил. — Ты должен верить мне, Рин... верить, что я рад твоему приезду... Очень рад... Просто, слишком многое вдруг оказалось для меня неожиданным... И непонятным...

Что явилось для него неожиданным и непонятным, ади Фрогган пояснять не стал, лишь закрыл, на мгновение, глаза, и уже совсем другим, обыденным и почти даже весёлым тоном добавил:

— А теперь спускайся вниз, отдохни немного, и я покажу тебе, как следует обращаться с мечом... Только обещай мне не бить им по голове моего верного Таркуда! Ты согласен?

— Согласен, — ответил, изумлённый столь внезапной переменой, Рин.

— А, вот ты где! — ади Питри склонился с подвесного моста и поманил к себе рукой Рина. — Вылезай оттуда!

Предоставленный на время самому себе, Рин занялся обследованием своего нынешнего места обитания. Он уже облазил все башни и стену, а теперь вот забрался в крепостной ров. Как он, с сожалением, вынужден был констатировать, за те три года, что он здесь не был, Оленья Тропа пришла в ещё большее запустение: ров окончательно зарос и во многих местах был завален мусором и всяческими нечистотами, стена медленно и верно продолжала разваливаться, а двери в башнях — утратили железную обивку. Оставалось только удивляться, что сами камни, из которых была сложена крепость, ади Питри не продал, в качестве строительного материала, вместе со всей своей землёй, кому-нибудь из владетельных соседей, а сам — не плюнул на всё и не уехал жить, на вырученные деньги, в город.

Рин торопливо вскарабкался наверх и остановился перед рыцарем.

— Ну что, и к каким выводам привёл тебя осмотр? — усмехнулся ади Фрогган.

Мальчик смущённо отвёл глаза в сторону, пытаясь сообразить, как бы сказать это так, чтобы рыцарь не обиделся.

— Ну-ну, мой юный друг, смелее! — поощрил его ади Фрогган.

— Крепость у Вас, достопочтенный ади Фрогган, вполне добротная... Вот только запущена малость, — выдавил, наконец, из себя Рин.

— Га-га-га!.. Запущена малость! — оглушительно заржал рыцарь.

— Что ж, сказано неплохо! — сказал он, отсмеявшись. — И справедливо, и довольно учтиво... Но ты мог бы и не щадить моего самолюбия: я и сам прекрасно понимаю, что ещё немного, и всё вокруг обратится в настоящие руины... Однако, велеречивый мой Рин, теперь всё измениться! На те средства, что я получил на твоё содержание и обучение, я вполне могу привести своё поместье в порядок! Так-то вот!

— Неужели, мой отец так много Вам заплатил, ади Фрогган? — изумился Рин.

— Нет, конечно... Но, во-первых, дал мне деньги не только он... А во-вторых, и у меня самого кое-что да поднакопилось.

— А кто ещё, простите меня, Ваша Решимость, за любопытство, заплатил за моё обучение? — Рин был совершенно сбит с толку: кто бы, да и с какой стати, мог проявить к нему подобное участие?

Ади Питри задумчиво посмотрел на него и сказал:

— Кабы я сам знал!

А затем поспешно добавил:

— Однако не будем терять время попусту! Идём на ристалищное поле!

Рину очень хотелось спросить, как же это так получилось, что ади Питри не знает, кто ему заплатил, но рыцарь напустил на себя столь неприступный вид, что он так и не решился сделать это.

Идти, как оказалось, было совсем недалеко, и уже через несколько минут они стояли на маленьком травяном пятачке, позади главной башни. Назвать это ристалищным полем у Рина язык бы не повернулся, ибо являло оно собой небольшое пространство, между главной башней и южной стеной, ранов десять в длину и, от силы, семь — в ширину. По краям его, вдоль башни, стояли грубо сколоченные из дерева фигуры двух мечников и двух копейщиков, а на крепостной стене висело несколько выпцветших мишеней.

— Я вижу, ты разочарован? — улыбнулся ади Питри. — Не торопись! В постижении воинского искусства не столь важны всякие технические ухищрения, сколь опытные наставники. А я, не сочти это за похвальбу, в своё время считался вторым клинком в королевстве!

— А кто был первым? — не замедлил поинтересоваться Рин.

— Первым? — ади Питри, слегка прищурился. — А первым, мой юный друг, был Юст Четырёхрукий.

— Юст Четырёхрукий?! Личный телохранитель короля Уйнгрифа?! — Рин так и подскочил на месте. Он, как и все в детстве, с удовольствием слушал рассказы об удивительном мастерстве этого странного воина. Юст был несомненным пиавом, а умение сражаться, мечом, копьём, или ещё каким оружием — его волшебным даром. Никто не мог выстоять против него, и на всех многочисленных турнирах Юста неизменно приравнивали к нескольким опытным рыцарям. Погиб он незадолго до конца всё той же второй лингийской войны, до последнего защищая своего господина. Рин хорошо помнил рассказ об этом, так как не раз, с неизменным увлечением и восторгом, читал «Хроники лингийской войны» из отцовской библиотеки. Это была одна из любимейших его книг, наряду с «Приключениями ади Тургвира Индэрнского». Король Айнли Уйнгриф Третий, как повествовалось в «Хрониках», после одержанной победы под Ануном, когда, как тогда всем казалось, войну можно было считать законченной, торопился обратно в столицу: ещё две недели назад он получил известие о рождении дочери (его третьего ребёнка), и теперь ему не терпелось быть рядом с супругой и новорожденной. Его сопровождал только небольшой отряд рыцарей и вспомогательный корпус кахтской лёгкой конницы, которые выступали тогда в качестве союзников. Но по дороге через Ирамский лес они наткнулись на ещё одну армию лингийцев, которая предпринимала глубокий обходной манёвр и, вероломно скрытая чарами своих волшебников и потому до сих пор незамеченная, поспешно двигалась вглубь территории прибрежных государств, надеясь застать тех врасплох и нанести, таким образом, сокрушительный удар. Как гласит предание, сперва король и его рыцари подумали, что это сбегавший с поля боя отряд противника, и принялись увлечённо его преследовать, но, довольно скоро, они обнаружили, что это — арьергард гораздо больших сил врага, который, не желая понапрасну терять своих солдат, заманил его к основному войску. Когда это выяснилось, то было уже поздно. Кахты пытались своим стрелами задержать врагов, чтобы дать время тяжёлой коннице короля оторваться от преследователей, но силы были слишком неравны, и их, буквально смели с пути, так что, те из лучников, кто уцелел, бросились во все стороны, в надежде на спасение. Кони у них быстрые и выносливые, и потому, кое-кому и удалось бы спастись, но волшебники лингийцев, опасаясь, что их военная хитрость может оказаться раскрытой, наложили на кахтов заклятье, чтобы никто из них не сумел найти дорогу из леса. На большее они не решились, ибо тогда их чародейскую мощь могли обнаружить волшебники противника. Они и так невероятно рисковали, укрывая от посторонних глаз столь большое войско: это было тонкое и чрезвычайно искусное балансирование на грани, между достаточностью, для намеченной цели, силы заклятья, и, в тоже время, недостаточностью этого для того, чтобы кто-нибудь успел что-то заподозрить. Оставшиеся же верными кахты, как говорят, с тех пор так и скачут по лесу, не имея возможности выбраться из

него. Лишь один воин, у которого был чудесный и редкий амулет, охраняющий его разум от ворожбы, сумел найти дорогу назад и, тем самым, предупредить войско прибрежников о грозящей их родным краям опасности. Король же, с оставшимися рыцарями и своим телохранителем, Юстом Четырёхруким, были прижаты к реке, и там, после кровопролитной битвы, все, как один, пали. Последним был сражён Юст. Он был окружён целой горой поверженных врагов. Доспех его был заговорён, и потому стрелы не могли пробить латы, а приблизиться к нему воинам противника никак не удавалось: всякий раз, бросаясь на него одновременно со всех сторон, они вынуждены были отступать. Думали даже опять прибегнуть к магии, но волшебники категорически отказались, утверждая, что раз Юст — пиаф, да к тому же, ещё — и с волшебным даром, то придётся на него обрушить столь мощные заклятия, что это непременно их выдаст. В итоге, сражаться с Юстом оставили большой отряд, а сама армия двинулась дальше. В конце-концов, и доблестного Юста, после многих часов сражения, удалось одолеть. Но лишь малое число воинов вернулось к своему войску, и много храбрых и славных рыцарей Лингии, пало от руки Юста Четырёхрукого. Армия же прибрежных государств, вовремя извещённая о неожиданной опасности, немедленно выступила вдогонку противнику, а волшебники, находящиеся при ней, сумели предупредить об этом оставшихся в их городах правителей. Те поспешно собрали ещё одну армию, а затем — стремительно двинулись навстречу. У пешарского города Дродис, войско лингийцев встретилось с наспех собранным ополчением прибрежных государств, усиленным отрядом чародеев, присланных им в помощь из Оонга Гильдией Волшебников. И хотя колдовство в их краях сильно затруднено, то, что творилось в тот день, надолго запомнилось всем участникам сражения! Сперва, лингийские чародеи обрушили на своих противников небесный огонь, но ни одна молния не сумела достичь своей цели: все они сталкивались друг с другом и исчезали во взаимном уничтожении. Тогда они попытались взорвать землю, под ногами воинов прибрежных стран, но земля лишь содрогнулась, и только. И вот, в последнем усилии, они решают наслать на них тёмный ужас, в надежде повергнуть им противника в смятение и поселить в сердцах его солдат страх и неуверенность. Понимая сколь искусные волшебники противостоят им, они разделили свои усилия, и часть чародеев, сместившись на левый фланг, против которого размещались лучники и арбалетчики, попыталась одновременно устремить на них зловонное, разъедающее глаза облако. Но и тут они были посрамлены волшебниками Гильдии: на вредоносное облако налетел ветер и разметал его, а тёмный ужас, наткнувшись на невидимый барьер, был отброшен им обратно на войско лингийцев. Передние ряды их смешались, порядок построения нарушился, и тогда чародеи Гильдии обрушили на их центр крик смерти. Частично он был, всё же, отражён, но в основном — достиг своей цели. Не мешкая, имрийцы, пешарцы, онгунцы и тэрийцы устремились на своих врагов, и завязалась великая битва. Но силы были всё-таки неравными, и войску прибрежных государств, пришлось отступить, ибо противник их, спустя некоторое время, сумел вновь восстановить свои порядки и сам стал яростно нападать. Укрывшись в Дродисе, прибрежники готовились отражать осаду. А лингийцы, тем временем, с увлечением разоряли окрестности. Вскоре, однако, им пришлось бросить это занятие, ибо их разведчики донесли, что к ним быстро приближается другая армия прибрежных государств — та, что незадолго до этого одержала победу под Ануном. Магией маскировки волшебники Гильдии владели гораздо слабее лингийцев, а потому, скрыть своё приближение им не удалось. Хотя, возможно, главной причиной этого явилось то, что произошедшее у стен Дродиса сражение истощило в этих местах сам дух волшебства. Лингийцы же немедленно отошли на несколько илей к западу, дабы не оказаться зажатыми между двумя армиями противника. Но ади Вара Великолепный, который при известии о гибели короля Айнли Уйнгрифа Третьего, по единодушному согласию знатнейших представителей всех четырёх королевств, возглавил армию, сумел предвосхитить их манёвр, и треть своих сил, ещё на подходе к Дродису, направил далеко на север, в обход войск противника. На следующий день, уже без всякой магии, свершилась великая битва. Две могучие армии

сошлись в жесточайшем единоборстве. Лингийцы заметно превосходили по численности, и среди них было гораздо больше настоящих воинов, а не наскоро вооруженных ополченцев, как у прибрежников, да и войско их не было измотано предыдущими битвами и последующим стремительным маршем. Тяжело пришлось армии прибрежных государств. Если бы не талант и опыт ади Вары Великолепного, не избежать бы им горького поражения. Но тот умело и вовремя перегруппировывал свои отряды, предвосхищая замыслы противника, и тем самым, не давал тому одержать окончательной победы. С самого рассвета и до начала вечера бились они. А когда начало смеркаться, подошла та треть армии ади Вары, что была послана им в обход. Смущённые лингийцы, видя позади себя столь значительные силы противника, решили, что это ещё одна армия их врага, и предались панике и отчаянию. Ничто уже не могло удержать их на поле боя, и они в ужасе бросились бежать кто куда, спасая свою жизнь. Лишь краснощитники — самая опытная, отборнейшая часть их войск — не утратили присутствие духа и, укрыв в центре своих волшебников и военачальника — ульгрину Агирлу, медленно, с боем, отошли к Ирамским лесам. Их преследовали по пятам, и очень многие из них были убиты, но большая часть, всё же, ушла от своих преследователей. Но с того момента, лингийцы уже не досаждали прибрежным государствам. Чтобы те не пришли в их земли, жаждая отмщения, они выплачивали всем четырём королевствам огромную сумму в золоте и драгоценностях и освободили всех приплывающих к ним из этих стран купцов, на веки вечные, от торговых пошлин, дав право им, также, судиться, в случае таковой необходимости, по собственным законам. Так вот и закончилась вторая лингийская война. На престол же Имрии взошёл старший сын Уйнгрифа — Эрро Шепелявый, добродетельно правящий и поныне.

— А правда, что Юст Четырёхрукий, в своём волшебном доспехе, один сразил три сотни лингийцев? — именно так все всегда и рассказывали: и простые солдаты — ветераны той войны, и многие рыцари, участвовавшие в тех сражениях, да и Таркуд ему всегда то же самое говорил. Рина же всегда это поражало, и вызывало даже некоторое недоверие.

Ади Питри грустно улыбнулся, и серьёзно глядя на него своими серыми глазами, покачал головой:

— Нет, Рин, конечно же, нет! Хотя один раз я и сам лично видел лежащими вокруг него с десятков рыцарей и столько же оруженосцев и простых солдат. Не знаю скольких он уложил ещё до этого, но он, и вправду, был самым величайшим воином, какого я когда-либо знал.

— А что стало с его волшебным доспехом, после того, как его убили?

— Юст же был четырёхруким, да к тому же доспех был зачарован именно на него. Опасно брать себе такие вещи: они могут отомстить за своего хозяина. В итоге, его латы изрубили на куски, и разбросали на много ранов вокруг. Самому же Юсту отсекали все члены, и сложили неподобающе, асамо тело насадили на пику. Но они так боялись, что возмездие их настигнет, что даже не погребли своих павших товарищей...

Рин содрогнулся, представив себе это, а ади Питри сказал:

— Увы, Рин, гораздо чаще на настоящей войне всё бывает совсем не так, как об этом пишут в книгах... Вот ты думаешь, что как только стало известно о гибели славного короля Уйнгрифа, так Парген Пешарский, который также присутствовал в войске и после отъезда короля возглавлял его, тотчас же с готовностью предложил командование, а все его поддержали, равному себе по положению и славе, ади Варе? И только потому, что тот считался более опытным военачальником?

— Да... Так в «Хрониках» написано! — подтвердил Рин.

Ади Питри с сожалением посмотрел на него:

— Насколько же чиста твоя душа, раз вмещает в себя столько веры! Да будет тебе известно, мой юный, доверчивый друг, что ади Вара Великолепный добился права возглавить войско, лишь после того, как имрийцы, которых было большинство, чуть было не ввязались в бой с пешарцами, которые не желали, чтобы их принц-орсанта уступал эту, в высшей степени почёт-

ную должность ади Варе! Имрийцы же резонно полагали, что, так как это их государь был вероломно убит, и, потому, именно им принадлежит право первой мести, то и возглавить теперь армию должен их военачальник. Тем более, что это вполне согласуется со сводом интамских законов сословной иерархии. Имрийцы уже выстроились в боевые порядки перед пешарцами, и вот-вот должна была разгореться битва, как вдруг между ними вклинились тэрийцы, решительно разделив противоборствующие стороны. Если бы не это, то неизвестно ещё, чем бы всё это закончилось. В итоге, в спорах был потерян ещё один день, и лишь на следующий, пешарцы уступили, но и то, не иначе, как выйдя из совместной армии четырёх королевств. Отныне, всякий раз обустриваясь на ночлег, они разбивали свой лагерь далеко ото всех. Да и на марше двигались, как им заблагорассудится. Хотя, ади Вара и полагал, в глубине души, что во время битвы на них можно положиться, но полной уверенности в этом у него не было. Да и онгунцы были недовольны, что возглавил войска имриец, а не онгунец, как они предлагали, или же, на худой конец, тэриец, с которыми они были тогда в дружеских отношениях. В итоге, во время сражения, чуть ли не треть войска действовала сама по себе: пешарцы сперва вознамерились уйти, но потом передумали и, всё же вернулись, правда, где-то уже ближе к вечеру, и если бы не тэрийцы, поддержавшие ади Вару, то всё бы превратилось в полный хаос. И это притом, что армию, засевшую Дродисе, возглавляли два короля — тэрийский и пешарский, которые тоже, не столько занимались противником, сколько выясняли, кто из них имеет больше прав на главенство, и кому какая часть добычи достанется в случае победы. Только в силу этого они и были вынуждены укрыться за стенами города, а вовсе не из-за того, что их армия была, якобы, слабо обучена: ополченцев там было меньше четверти! Слава Господу Нашему, Всесущному Игуну, что хоть король Оонга, находился тогда в плену у лингийцев, а иначе они бы там точно все передрались.

Рин слушал с разинутым ртом, не веря ушам своим. Неужели и вправду, всё было настолько ужасно и постыдно?

— Ты, конечно, можешь мне и не верить, но, клянусь тебе в том своей честью, что именно так и обстояло дело! — казалось ади Питри был вполне доволен, что так озадачил Рина.

— А почему же тогда в книге написали неправду? — не сдавался Рин.

— Не неправду, — уточнил рыцарь, — а не всю правду. Это совсем другое! Понимаешь, Рин, когда эта книга была написана, а было это совсем недавно — каких-нибудь лет десять назад, — всем четырём королевствам вновь пришлось объединиться, но уже — на борьбу с кахтами, которые, вместе с каким-то другим кочевым народом, вторглись на их территорию. Зачем было подавать лишний повод для раздоров и взаимных обид? Вот и пришлось достойному Огану Золотое Перо, герольдмейстеру адэрнскому, срочно переделывать только что завершённый им труд.

Рин, всё равно, никак не мог в это поверить и стоял мрачно насупившись.

— Ну да Господь тебе судья! Не хочешь — не верь! Дело твоё... — ади Питри ничуть не рассердился, и по-прежнему был весел. — Однако, мы, кажется, забыли, зачем сюда пришли. Скажи мне, ты всё ещё хочешь увидеть, как надо обращаться с мечом?

— Да, Ваша Решимость! Ещё как хочу! — Рин предпочёл покамест не думать о своих сомнениях: в конце концов, он спросит об этом, при случае, у отца — тот всё знает, — а уж ему-то он, точно, поверит!

Глава 7

Меч был не двуручным, как ожидал Рин, а полуторным, но всё равно, казался массивным и длинным. И, несмотря на это, порхал вокруг ади Питри, подобно тонкому пруту. У Рина аж глаза разболелись: уследить за его прихотливыми и неожиданными перемещениями не было никакой возможности. Затем рыцарь на мгновение остановился, взял в руки второй такой же меч и принялся вертеть теперь уже двумя. Подойдя к шесту, воткнутому в землю, он, немного запыхавшись, предложил Рину:

— Говори, кода хочешь, «Руби!», и каждый раз я буду отсекай от шеста кусок, длиной на ширину двух пальцев.

Рин недоверчиво посмотрел на ади Питри, но согласно кивнул.

Рыцарь вновь стремительно завертел мечами.

— Руби! — крикнул Рин, и тотчас же, кусок, оговорённой длины, отлетел от шеста.

— Руби! — снова крикнул мальчик, и рыцарь, стоя спиной к шесту, тотчас же, неуловимым движением, опять его укоротил.

— Руби!.. Руби!.. Руби!..

— Руби правой! — и к немалому удивлению Рина, ади Питри именно правым мечом и рубанул, по заметно укоротившемуся шесту.

— Руби правой!.. Руби левой!.. Руби правой!.. Руби правой!.. Руби левой!.. Руби!..

Наконец, от шеста остался лишь кусочек в пол рана вышиной.

— Ну что? Нравится? — улыбнулся ади Питри, лицо его покрылось крупными каплями пота, но сам он выглядел чрезвычайно довольным.

— Ещё бы! — Рин был в восторге. — Неужели и я так, когда-нибудь смогу?!

Ади Питри на мгновение задумался, а затем сказал. — Ну, совсем так — не знаю... Это не каждому дано... Но, как я и обещал, я постараюсь научить тебя всему, чему смогу... Главное, чтобы тыне охладел к учению, когда оно вдруг покажется тебе слишком тяжёлым!.. Ну что, приступим?

— Приступим! — с готовностью согласился Рин.

Рыцарь подошёл к нему и протянул меч:

— На вот, бери! Я покажу, как правильно его держать.

Рин с душевным трепетом протянул руку и сжал в ладони тёплую рукоять. Меч был тяжёлым, и рука немедленно потянулась к земле.

— Оп! Не опускай! — ади Питри одной рукой подхватил его кисть, а другой — стал правильно складывать пальцы Рина на рукояти. — Ну, вот... на первый раз сойдёт!

Он отошёл немного в сторону и полюбовался на то, что в итоге получилось.

— Я тебе дам, пока, короткий меч, — сказал рыцарь. — Каждый день ты будешь по одному часу просто держать его в руке.

У Рина изумлённо приподнялись брови: да он и минуту так его не продержит!

Ади Питри усмехнулся:

— Не бойся! Не на вытянутой руке... Хотя и так тоже придётся! На вытянутой — начнёшь с медленного счёта до тридцати. Через пять дней — до пятидесяти. А потом, каждые пять дней будешь добавлять ещё по десять. И так до тех пор, пока не сможешь выдержать хотя бы три минуты... А теперь, давай покажу, самый простой удар...

— Ваша Решимость!.. Мой прегрознейший господин!.. Обед уже подан! — Таркуд только диву давался: кто бы мог подумать, что его хозяин с таким рвением примется за воспитание мальчишки!

— Сейчас, Таркуд! — крикнул в ответ ади Питри, а затем, вновь обернулся к Рину. — После обеда, сам сделаешь пять стрел... Таркуд, у нас есть где-нибудь совсем маленький лук?

Таркуд лишь плечами пожал:

— Найдём, раз надо... А нет, так в деревне Рагуту закажу. Он сделает.

— Хорошо, Таркуд... — ади Питри, подтолкнул Рина. — Иди, умойся, а затем приходи к столу. — А сам подошёл к старому оруженосцу и о чём-то стал с ним шептаться.

Рин еле сдержал смех: он вспомнил, что когда рыцарь извинялся, за свою недавнюю вспышку перед Таркудом (точно так же, как несколько раньше — перед ним самим), то подарил тому один тав. Так что, пожалуй, Таркуд был бы вовсе не против, если бы его ещё разочек обругали. И даже не один.

Рин шёл с трудом: всё болело — и ноги, и руки, и спина! Неужели к этому можно привыкнуть?

После обеда, ади Питри Фрогган не стал больше с ним возиться, и стрелы Рин делал уже снова под наблюдением старого оруженосца.

— А что значит — обучать по уставу ордена Десницы Господней? — в конце обеда рыцарь сказал, что намерен воспитать Рина согласно этому уставу и даже ещё строже, отчего Таркуд чуть было не подавился куском мяса, а Бирт едва не уронил поднос с заманчиво благоухающим кроликом, тушенным в овощах со специями. Рина это очень обеспокоило, но спросить самого ади Фроггана он не успел — из города к тому приехал лекарь, и рыцарь удалился.

— Да ты не пугайся! Это он, наверное, пошутил! — отмахнулся от вопроса Таркуд.

— Ну, а всё же? — Рин твёрдо вознамерился выяснить это до конца.

— Ты давай, лучше правильно оперение укрепи, а не рассуждай тут! Не то схлопочешь у меня подзатыльник! — Таркуд действительно рассердился, и Рину пришлось замолчать. Некоторое время всё его внимание было сосредоточенно на стреле, и желание узнать об этом загадочном ордене несколько притупилось.

— Орден Десницы Господней возник сразу после Первого Великого Разрыва, когда церковь противостояла гильдии волшебников. Одолеть гильдию церкви не удалось, а гильдия одолевать церковь тогда вроде бы как и не собиралась: в планы волшебников это, в ту пору, не входило, и им вполне было достаточно, чтобы Первый Престол не совал нос в их дела и не наускивал на гильдию свою паству. По крайней мере, так они говорили. Тогда все в прибрежных странах разделились: кто стоял за гильдию, кто — за церковь. Одним словом, плохое то было время! — Рин перестал возиться со стрелами, и Таркуд сразу же ткнул в его сторону пальцем. — Ты чего это прохлаждаешься? Ты делай, делай!.. Слушай, да делай... Так вот, — продолжил он свой рассказ, — тогдашний Предстатель Воли Игуна — Рулфуг Четвёртый — потребовал от своих верховных квистолов учредить такой орден, рыцари которого сумели бы противостоять волшебникам. А всё потому, что все предшествующие события Великого Разрыва наглядно показали неготовность церкви к такому трудному делу. И, как, значит, порешили, так и сделали! В глубокой тайне призвали они наиболее преданных Первому Престолу рыцарей и взяли с них прощённую клятву, что те будут молчать обо всём, что узнают, вступив в этот орден. Затем пригласили из разных дальних стран чудных учителей и стали, с их помощью, готовить этих самых рыцарей к борьбе с чародеями. В чём именно состояло обучение в том ордене, никто, конечно, кроме самих его рыцарей не знал, но рассказывали всякое... Ты ведь знаешь, что истинно верующий, именем Божьим может творить такое, что людям обычным не под силу? — Рин утвердительно кивнул. — Вот и этому их тоже обучали, и, говорят, что в подобных проявлениях духа они ничем не уступали тому же верховному квистолу! Рыцари эти настолько совершенствовались в искусстве самовладения, что могли не дышать по семи минут и более, могли остановить на время своё сердце и даже, остаться незамеченными волшебниками, ежели это было им нужно. Они могли убить несколько человек голыми руками,

а любую вещь — обратить в опасное оружие. Они не боялись ни жары, ни холода, и были в состоянии обходиться без еды на протяжении многих дней, равно как и без сна. Не знаю, что во всём этом правда, а что — вымысел, но в одном уверен наверняка: Первый Престол использовал их не только против волшебников, но и вообще, во всяких щекотливых делах... В конце концов, тогдашний король Атурии, Товгун Железное Слово, посчитал, что это слишком неосмотрительно, с его стороны, позволять существовать в собственном государстве, столь сильному и опасному рыцарскому ордену, который, к тому же, ещё и совершенно независим от Его королевской воли. Поэтому он и потребовал от Первого Престола, чтобы орден сей, либо был передан под Его королевское попечение, либо распущен. Рулфуг воспротивился, стал грозить отлучить короля Товгуна от церкви и лишить того последнего прощения, но, после некоторого противостояния с ним, был, всё же, лишён своего сана Предстателя Воли Господа, насильно отпет в монахи и сослан в какой-то дальний онгунский монастырь. Затем король объявил, что те рыцари ордена, которые сами, добровольно, признаются в верности ему, получают его полное королевское прощение и даже смогут учредить подобный же орден при его дворе, правда, если только оставят мысль досаждать волшебникам, в помощи которых он нуждался. Как гласят хроники, явилось только четверо рыцарей. Король, разумеется, разгневался и приказал переловить всех тех, кто посмел пренебречь его великодушным предложением. Однако схватить удалось лишь нескольких рыцарей, да и то, великой ценой: очень многие, верные королю люди, погибли при этом. А вскоре, из онгунского монастыря исчез и Рулфуг... Потом этот орден, несколько раз, то возникал снова, то опять упразднялся, но всегда считалось, что где-то, то ли в Онгуне, то ли даже за его пределами, существует тот, самый первый, истинный орден Десницы Господней, во главе которого встал, сбежавший из монастыря Рулфуг. А ещё говорят, что во время второй лингийской войны он вновь был учреждён. Об этом уже давно слухи ходят. Как я уже говорил, орден этот тайный, а потому, его рыцарей никто и не знает. Говорят, что отбирают в него теперь чуть ли не с рождения и растят в бесконечной преданности церкви. Хотя злые языки утверждают, что не церкви — а лично Предстателю Воли Господа Нашего... Ты только смотри, не сболтни кому! А то тебе сперва язык выдернут, а потом, как еретика на костре сожгут... Да и меня заодно! — казалось, что Таркуд уж и сам не рад, что сболтнул лишнее.

— Никому не скажу, Таркуд! Клянусь тебе в том Первой Слезой Игуна! А если я нарушу своё слово, то пусть меня орхаты заберут прямо к Тёмному! — склонившись к старому оруженосцу, жарко прошептал Рин. — Но только зачем ади Фроггану готовить меня к борьбе с волшебниками?

— Да нет! Что ты! — замахал на него руками старый оруженосец. — Выдумаешь же такое! Я думаю, он просто хотел сказать, что будет тебя учить со всем тщанием, на которое только способен, и ни в чём не даст тебе спуска. Тем более, что те навыки, которым обучали в том ордене, порядочному рыцарю и ни к чему: рыцарь должен проявлять доблесть в честном бою, а не вести себя подобно наёмному убийце! А, кроме того, даже вдруг и захоти он это, по какой-либо своей благородной причуде, то, всё равно, у него бы ничего не получилось, потому как с действительно сильными волшебниками тягаться те рыцари, всё же, не могли. Волшебник — он и есть волшебник! И сколько не учись — ничего ты ему не сделаешь!.. Но три шкуры с тебя, я так думаю, он точно спустит! — отодвинувшись вдруг от Рина, Таркуд посмотрел на него как-то критически и с некоторым даже сожалением. — Н-да, парень... Одним словом, тебе уж точно никак не позавидуешь! Лучше уж сразу уходи, тогда, если он тебя не поймает, то ты, может, и доживёшь спокойно до старости.

Рин вспомнил, как ади Фрогган крутил давеча мечами, и насупившись пробубнил:

— Никуда я не уйду!.. А если и пожалею когда... Так ведь не без этого!

— Больно ты умный, как я погляжу! — заворчал Таркуд, а затем, рассмеявшись, со всей силы хлопнул его по спине. — А всё же молодец!

Рин тут же растянулся на земле, но тотчас перевернулся и сел, опершись на руки, и тоже громко рассмеялся.

После вечерней молитвы все пошли укладываться ко сну. Было уже довольно темно, и редкие факелы, своим чающим светом, едва-едва разгоняли надвигающуюся темноту. Рин нагнал ади Питри и теперь шёл рядом, в сосредоточенном молчании.

— Ты хочешь о чём-то меня спросить, Рин? — обернулся к нему рыцарь.

— Да, Ваша Решимость. Если мне будет позволено, — прибавил он тут же скромно.

— Что ж... Спрашивай, — сказал рыцарь.

— Скажите, Ваша Решимость, почему к Вам приходит лекарь? — Рин видел, как ловко обращался рыцарь с мечами и недоумевал, что тот мог испытывать какое-то недомогание. Это представлялось ему просто невозможным!

— Ах, вот ты о чём, мой юный друг! — ади Питри заметно помрачнел. — Если ты беспокоишься — смогу ли я, как и обещал, заниматься твоим обучением, то я, с чистой совестью, пред ликом Господа Нашего Игуна, могу тебе поклясться, что тебе нечего этого бояться!

Рыцарь замолчал, и несколько шагов они прошли в тишине, лишь позади тяжело сопел, поднимаясь по лестнице за ними следом, Таркуд. Поднявшись на второй этаж, ади Питри попридержал Рина за руку, дав Таркуду пройти. Когда старый оруженосец, пожелав всем доброй ночи, скрылся в своей комнате, ади Питри вновь обернулся к мальчику:

— Я подумал, Рин, что, возможно, ты имеешь право знать это... — рыцарь говорил медленно, как бы всё ещё сомневаясь, стоит ли ему говорить то, что он хотел сейчас сказать. — Где-то с год назад у меня начались странные сны... Вернее сон... Один и тот же сон... Он повторялся достаточно часто и потому стал вызывать у меня беспокойство, ибо никогда раньше ничего подобного со мной не случилось... Я обратился за советом к придворному волшебнику герцога, Дэдэну. Он некоторое время изучал меня, а затем сказал, что если это и чары, то он не может их распознать и освободить мой дух из их власти. И порекомендовал обратиться к лекарю, написав тому записку. Кажется, в ней был состав какой-то микстуры. Лекарь прочёл её, поговорил немного со мной и дал мне требуемое снадобье. С тех пор сон стал повторяться гораздо реже, и не столь ярко... Но избавиться от него совсем мне так и не удалось... Однако, как только я уговорился недавно с твоим отцом о том, что возьму тебя в оруженосцы, как сон этот совершенно перестал меня беспокоить! Ты понимаешь? Прекратился раз и навсегда!.. Возможно, я бы просто порадовался такому совпадению и не придавал бы ему большого значения, если бы вдруг не вспомнил, что когда-то, много лет назад, во время второй лингийской войны, у меня произошла одна удивительная встреча!.. Давай, однако, присядем, — спохватился ади Питри, и указал на широкий подоконник. — Вот сюда... Итак, я был в числе тех, кто преследовал краснощитников, после поражения лингийцев под Дродисом. Когда им всё же удалось от нас оторваться, не без помощи, я думаю, своих чародеев (ведь мы уже удалились на столь большое расстояние от места битвы, что магия, пусть и в ограниченном виде, была уже возможна)... Так вот, мой любознательный друг, когда мы их потеряли, то, более того, мы с Таркудом потеряли и наш отряд. Много часов мы плутали с ним по лесу, пока, окончательно не перестали понимать, куда же нам надо двигаться: солнце, то и дело оказывалось с разных сторон от нас и, если, в начале, это вызывало у нас изумление, то очень скоро стало просто пугать! Мы решили, что это лингийские волшебники наложили на нас такое же заклятье, что и на кахтов, во время убийства славнейшего короля нашего Айнли Уйнгрифа Третьего. Вообрази себе наше отчаяние, когда мы помыслили об этом!

— И что же вы сделали? — Рин был до глубины души захвачен рассказом и во все глаза смотрел на ади Питри Фроггана: этой истории он от него никогда раньше не слышал. Где-то далеко ухнула сова, и Рин боязливо поёжился.

— Как всякий верный тхалианин, я решилверить судьбу свою в руки Господа Нашего и воткнув меч в землю, опустилсся на колени и принялся истово молиться! Никогда раньше вера моя не была столь глубока! И Господь услышал мольбы взывающих к нему, что подобно малым детям заблудились в лесу... Когда жаркие слёзы перестали капать из глаз наших, и мы подняли свои головы, то, чуть впереди, увидели неприметную тропку. «Воистину, слава Твоя может сравниться лишь с добротой Твоею!» — воскликнул я. И вскочив на коней, мы устремились по спасительной тропинке. Ехали мы недолго, и вскоре оказались у неглубокого ручья, на берегу которого сидела юная девушка, да столь прекрасная лицом, что я даже позабыл, что за беда с нами приключилась! Сердце моё восхищённо забилося, я тотчас же спрыгнул с коня и преклонил пред красавицей свои колени. «Кто, ты, о, прекрасная незнакомка, ликом своим подобная нежной заре? И что делаешь ты здесь, в одиночестве, подобно дивному цветку в глухой чащобе?» — обратился я к ней, как можно учтивее. Но она лишь рассмеялась, и голос её был подобен звону сотен маленьких колокольчиков. Я взглянул в глаза её и отпрянул: мудрость многих веков взирала на меня! И тогда я понял, кого встретил... — рыцарь вновь замолчал, но на этот раз глубокая, тихая радость сияла на его челе.

— И кем же она была? — Рин едва не задышался от нетерпения, хотя и догадывался, что ответит ади Питри.

— Иара Прекрасная, дева лесов и полей! Вечно юная и бесконечно мудрая! Хранительница древ и травы, и ручьев, и рек, что по ним протекают... Я всегда раньше думал, что легенды о ней — это всего лишь сказки, и вот — судьба свела нас!.. — ади Питри, невольно отёр, катящуюся по щеке слезу. — Она рассмеялась, и в сердце моём зазвучала бесконечно прекрасная музыка. Даже Таркуд, хоть и был тогда чурбан-чурбаном, а и тот, прослезился и весь так и сиял! «Встань, мой добрый рыцарь!» — сказала она мне и милостиво протянула свою руку. Я осторожно взял её, и тут же мне показалось, что вся радость мира снизошла на меня!

— Вы держали за руку саму Иару Прекрасную?! — не выдержал Рин: сердце у него бешено заколотилось, а кровь прихлынула к голове.

— Да, мой юный друг! Я держал её за руку, и это мгновение навеки запечатлелось в моём сердце! Я был искренне убеждён, что ничего больше мне уже в жизни и не надо.

— А что было дальше?

— Дальше?.. — рыцарь горько вздохнул. — А дальше, мы с Таркудом очнулись ото сна уже на рассвете... Нет, не подумай! Это был не сон! У меня на пальце появился перстень, которого раньше никогда не было! Жёлтый камень в нём сиял, подобно самому солнцу. Тонкий луч сверкнул и направил нас в сторону от тропы. Немного поколебавшись, мы двинулись туда, куда он указывал, и через несколько часов благополучно выехали из леса на какую-то дорогу. Как только это случилось, прекрасный перстень исчез! Я очень опечалился. Но тут нам на встречу попался старый онгунец: в широких, полосатых штанах, с узкой и длинной бородой, без усов и с жёлто-серым платком на голове. «Стой, рыцарь! Умоляю тебя, остановись!» — воскликнул тот. «Да как ты смеешь докучать моему господину?! Кто ты такой?» — тут же набросился на него верный Таркуд. «Не гневайтесь на меня о, великодушный господин! — бросился старик ко мне. — Исполните мою маленькую просьбу, и награда ваша будет велика!» «И что же ты от меня хочешь?» — спросил я его. «Обещайте мне, что когда молния пронзит ясень, и звезда обрушиться на каменный жернов, вы не откажитесь от того, кто придёт к вам, и дадите ему всё, что сможете, и даже — сверх того!» — ответил тот, протягивая ко мне руки. «Что за бессмыслицу ты несёшь, старик? И как смеешь приставать ко мне с подобным вздором?» — рассердился я на него. «Клянусь вам, мой достойнейший повелитель, что это правда, и если вы откажитесь, то великая беда придёт в наши края!» — возопил тут онгунец, цепляясь за мои стремена. Я хотел было уже прогнать его, но вдруг что-то непонятное нахлынуло на меня: холодный пот выступил по всему телу, во рту появился странный металлический привкус, и, чувствуя, словно бы это и не мой язык вовсе, я произнёс, достав меч из ножен и держа

его перед собой. — «Хорошо, безумец! Я даю тебе такую клятву, и именем Господа Нашего, Всесущного Игуна, обещаю тебе, что выполню твою просьбу, если когда-либо пойму, что она означает». «Осторожнее, мой добрейший господин! Нельзя связывать себя подобной клятвой! Мало ли кто придёт к Вам, и что попросит?» — постарался предостеречь меня Таркуд, но было уже поздно. «Что ж, Господь слышал ваши слова, господин рыцарь! Отныне душа моя будет спокойна, и я могу почить с миром! Да пребудет с вами воля Божья, мой добрый господин!» — сказал старик и пошёл прочь. «Эй! Эй! Зловредный старикашка! Раз уж ты связал клятвой моего доверчивого господина, то где же обещанная награда?» — подскочил к нему Таркуд. «Ах, да! Награда!» — всплеснул руками онгунец, и достал из довольно вместительного заплочного мешка деревянный сундук. Сундук, как сундук — очень старый: вся позолота с резьбы давно стерлась, и, в общем, ничем не примечательный, разве что, только своей необычайной лёгкостью. «Вот ваша награда, благородный рыцарь! Когда настанет то самое время, про которое я вам говорил, вы откроете сундук, и он окажется полон золота! Но не раньше того, как исполните свою клятву!» — сказал старик. «Да ты что, потешаешься надо мной, что ли, тыква онгунская?» — вскипел я и, к стыду своему, должен признаться, чуть было не ударил старика: Таркуд едва успел удержать меня от этого. «Пусть идёт своей дорогой, мой господин! Чего уж теперь кипятиться? Может он и вправду, всего лишь безумец, и не ведает того, что говорит?» — обратился он ко мне, и я опустил руку и лишь сказал. — «Хорошо! Ты прав, мой оруженосец! Только выкинь этот деревянный хлам. Зачем нам тащить его с собой?» «Э, нет, хозяин! Позволь я оставлю его! Давеча с нами всё случаются разного рода чудеса, вдруг и это окажется правдой? Зачем же нам самим отказываться от целого сундука золота?» — воскликнул на это рассудительный Таркуд. «Что ж, раз тебе угодно везти его — воля твоя! Только не жалуйся мне потом, что будто бы это я заставил тебя тащить эти дрова!» — согласился я. И тут только мы заметили, что старика-то нигде не видно! Не иначе, как и вправду, опять колдовство? Мы поспешно поехали дальше, и к вечеру, к великой нашей радости, достигли Дродиса. Вот такая история, Рин. — закончил своё повествование ади Питри, с силой хлопнув себя ладонями по коленям.

— А что же сундук? Где он теперь? — Рин чувствовал, что это ещё отнюдь не всё.

Рыцарь улыбнулся:

— Тебя не проведёшь! Ты помнишь, что случилось во время торжественной встречи верховного квистола? — спросил он Рина.

— Молния ударила в ясень! — потрясённо прошептал Рин.

— Именно, мой наблюдательный, юный друг! — ткнул ему в грудь указательным пальцем ади Питри, и секунду пожевав ус, продолжил. — Сперва я не придавал этому значения. Но потом, когда твой отец, к великому моему удивлению, вдруг сам стал уговаривать меня, чтобы я взял тебя к себе в ученье (хотя, как ты и сам знаешь, он раньше всегда был против этого), и я ему дал своё твёрдое согласие, сны, неожиданно прекратились. И тогда я прозрел! Я понял, что ты и есть тот самый человек, который должен был ко мне прийти, и для которого я поклялся сделать всё, что в моих силах!

— А золото? — опять не утерпел Рин.

— Золото? — довольно и, в тоже время, несколько растерянно усмехнулся ади Питри. — Что ж, как только я догадался про всё это, то тотчас же вспомнил и про сундук. Вот только отыскать его оказалось не просто ... Как-никак уж лет двадцать прошло с той поры, если не больше... Нашёл же я его в кладовой, над комнатами, где раньше жила прислуга... И когда я его открыл, то чуть не лишился рассудка! — рыцарь выдержал эффектную паузу, и склонился к самому лицу Рина. — Он, действительно, был полон золота!

— Что же всё это значит?! — испуганно прошептал Рин. До него только сейчас дошло, что он, самым невероятным образом, оказался вдруг вовлечённым в самую гущу каких-то

таинственных и пугающих событий. И всё то, что произошло с ним недавно, представилось ему вовсе не случайным. — И что со мной теперь будет?!

— Да пока ничего особенного! — бодро прогудел ади Питри. — Будешь учиться у меня воинскому искусству... И ничего не бойся: в обиду тебя я никому не дам!

Нельзя сказать, чтобы Рина успокоило подобное обещание, ибо кто же мог знать от кого, или же от чего следовало его защищать, да и потребует ли это когда-либо вообще, но мысль о том, что противостоять неизвестным опасностям он будет не один, вселила в него немного уверенности.

— А звезда — это церковь? — спросил вдруг Рин.

— Хм! — одобрительно хмыкнул рыцарь. — Да, как на тахиле... А каменный жернов — это магический круг из эмблемы волшебников. Я, с той поры, много размышлял об этом, и теперь не сомневаюсь, что всё именно так и есть... Не знаю уж, к добру, или к худу, — добавил он совсем тихо.

— А что же Вам всё-таки снилось, ади Фрогган? — спросил Рин. Глаза его возбуждённо блестели, и весь он так и дрожал от страха и любопытства.

— Снилось... Снилось мне, каждый раз, что стоит предо мной человек, а в руках у него — необычно узкий и длинный меч, извивающийся, подобно змее... Высокий и широкоплечий. Лица его я не вижу, но мне почему-то кажется, что я его знаю... Вот и весь сон. — пожал плечами рыцарь. — Однако пора и спать!.. Надеюсь, что твой сон будет столь же спокоен, как и мой, с недавнего времени.

Ади Питри встал, похлопал Рина по плечу и, проводив его до комнаты Таркуда, где его временно разместили, отправился в свои покои.

Рин быстро разделся и юркнул под одеяло, натянув его прямо на голову. Тело его пронзала нервная дрожь, а сердце сдавливало холодом от неясных предчувствий. Что же происходит? Какие неведомые опасности грозят ему? Какие испытания уготовила ему, по Воле Божьей, судьба?.. А главное — достанет ли у него сил и мужества, чтобы выдержать всё это достойно?

Таркуд громко храпел, но Рин его даже не слышал. Весь привычный мир, за короткий срок, вдруг перевернулся с ног на голову, и теперь впереди его ожидала лишь пугающая неизвестность.

Часть 2

Глава 1

“Верховному Иту Великой Гильдии Волшебников Западного Инклифа, Могущественнейшему Волшебнику Третьей Ступени Божественной Силы, открывателю Сферы Сияющей Божественной Силы, Н’Нгунги Андгингду Храо Д’Диву, да пребудут с ним навеки Сила и Мастерство!

Ситуация в городе крайне неприятная и вызывает у меня всё большее беспокойство. Как я уже сообщал ранее, количество тех, кто в той, или иной степени имеет отношение к волшебству, за последний год, увеличилось неслыханно: каждый день я ощущаю всплески магической силы, в основном незначительные и пренебрежимо малые, но порой и такие, что даже меня заставляют вздрагивать, и это при том, что нлинлину, из-за этих бесконечных возмущений, и так истощён до крайности. Присланных Вами в помощь инткулов, определённо не хватает, ибо уследить сразу за всеми этими чужаками, буквально наводнившими город, не представляется решительно никакой возможности. Кое-кого нам всё-таки удалось схватить, но допросы, в том числе, когда я применял всё своё искусство, почти ни к чему не привели: как правило, на пути к их знаниям установлен магический сторож, и, при попытке проникнуть в их память, пойманные неизменно погибали. В тех же случаях, когда разум их не бывал защищён, всякий раз оказывалось, что то, что они знают, ценности не представляет, ибо они были наняты, довольно случайно, кем-то ещё, и, как сложилось у меня впечатление, тоже всего лишь посредниками. Так или иначе, но все они были взяты на службу либо в Гинде, либо и вовсе в Роккане. Описание тех, кто воспользовался их услугами, я выслал Вам в своём прошлом письме. Лишь один из них был нанят в Иске, столице Атурии, и тут уже можно говорить о том, что его наниматель, без сомнения, сильный чародей, ибо не имел какого-либо определённого обличия, и при каждой новой встрече оказывался совсем иным. Этот пленник интересен ещё и тем, что, в отличие от прочих, от кого удалось хоть что-либо узнать, имел вполне определённое задание, а именно — отыскать человека, который, в тот памятный Вам день, четыре года назад, испытывал сильное недомогание. В отношении же остальных, получаются какая-то бессмыслица, потому как они лишь выслеживали тех, кто, точно также как и они сами, наблюдал за происходящим в городе. При этом, те кто были наняты в Гинде, выслеживали и устраняли тех, кто прибыл к нам из Роккана, и наоборот, а все они вместе — всех тех, к знаниям которых я так и не сумел подобрать ключа. Думаю излишне Вам говорить, что эти последние действовали против всех остальных. Тем не менее, я вполне уверился, что каждая из этих групп имеет своих вождей, тех, кто способен направлять их действия и получать от них информацию, не раскрывая себя перед ними. Захватить этих неизвестных, с помощью одних только инткулов, не представляется возможным. Поэтому, я настоятельно прошу Вас прислать сюда членов гильдии, рангом, не меньше пятой ступени, в количестве десяти — пятнадцати, что, как я думаю, уже будет вполне достаточным для выявления и захвата этих вождей и прочих, пока не обнаруженных мною волшебников, коих, как я твёрдо убеждён, сейчас более чем много в нашем славном городе. Я полагаю также, что помимо них Вам следует направить в Индэрн ещё не менее трёх десятков инткулов, усиленных, для проведения соответствующих действий, двумя талами копейщиков, и одной рилой конницы, коих, я очень на это надеюсь, не откажет, по Вашей просьбе, прислать наш добрый государь. Выполните это моё пожелание насколько возможно быстро, ибо герцог Индэрнский крайне раздражен ситуацией в городе, и мне, лишь с величайшим трудом, удаётся удержать его от необдуманных поступков, пообещав, в частности, что требуемая помощь прибудет не позже, чем через неделю. Хотя горожанам никакого особого ущерба нанесено не

было, а даже наоборот, из-за наплыва приезжих доходы их только возросли, герцог полагает, что не может допустить в своём городе сводить меж собой счёты кому бы то ни было и грозит немедленно всех переловить. Само собой, даже и с моей помощью, пойманы будут опять-таки лишь бесполезные для нас исполнители, а те, кто стоит за ними, благополучно ускользнут и, как я опасуюсь, это заставит их затаиться, или же вовсе покинуть наши края, из-за чего все вопросы останутся по-прежнему не разрешёнными. Между тем, я полагаю, что выяснить причину происходящего крайне важно, ибо совершенно очевидно, что столь серьёзные усилия могут предприниматься кем бы то ни было лишь по причине удивительной важности.

Со своей стороны, я заверяю Вас, что по-прежнему, со всем рвением на какое только способен, стою на защите интересов гильдии и всячески способствую дальнейшему росту её славы и мощи. Да пребудут с нами навеки Сила и Мастерство, по милости Дарующего их!

Катор Великого Инклифа Волшебников в славном герцогстве Индэрнском, Могущественный Волшебник Четвёртой Ступени Божественной Силы, открыватель Жизненной Спирали Духа Самтов, Дэдэн Юингир Имсский.

Писано 24 пахотеня 1331 года.”

Дэдэн закончил водить щепкой по чистому листу бумаги, подбросил лист в воздух и дунул. В тот же миг лист бесследно исчез.

Некоторое время он смотрел на то место, где только что белело его письмо, а затем тяжело встал со стула и, склонив голову, стал мерить шагами комнату.

Чтобы не случилось дальше, но, кажется, пора было вновь вспомнить о мальчишке. Человек, испытывавший в тот странный день недомогание, и которого разыскивал колдун из Атурии, несомненно был Рином. Вряд ли ему был нужен Тона. Правда, колдун этого не знал, ибо о недомогании Рина в тот день было известно только ему, Нгунги, Вэйсу и старшему трапезничему Адеку. А в итоге за всё заплатился Тона: где он теперь — и самому Тёмному неизвестно. Всё, что ему удалось выяснить — колдун схватил его и передал, в обмен за вознаграждение, трём неизвестным, около пяти дней назад. Те двинулись в сторону Чёрных Мхов, но там так и не появились. Герцог, узнав о том, что похищен его старший трапезничий, пришёл в настоящее бешенство. Дэдэн до сих пор сам себе удивлялся, что ему удалось-таки отговорить Северного Зуба от немедленной расправы над всеми этими бесчисленными шпионами. Правда, пообещав, что через неделю придут волшебники гильдии с королевскими войсками, и тогда, все эти негодяи будут благополучно переловлены и получат, наконец, по заслугам. А герцогу перейдёт всё их имущество, плюс — награда от гильдии. Что ещё на это скажет Нгунги? О награде он пока, так и не решился сообщить: зная об аппетите герцога, Дэдэн не сомневался, что тот запросит немало. Волшебник лишь надеялся, что сведения, полученные гильдией будут того стоить. В противном же случае — участь его незавидна.

Дэдэн устало опустился в кресло и прикрыл ладонью глаза. Некоторое время он так сидел, а потом, незаметно задремал.

Кажется в дверь стучали. Сколько же он проспал? Дэдэн встрепенулся и, крихтя, поднялся с кресла.

— Кто там? — сердито крикнул он, подходя к двери.

— Ваше Могущество, это я, стражник! Старший трапезничий убит! Мы с Кунгтом решили, что надо сперва позвать Вас, прежде чем беспокоить герцога.

— Почему же так? — спросил Дэдэн, открывая дверь. Пред ним стоял невысокий, но плотно сбитый стражник, с длинными, чёрными, обвислыми усами и испугано смотрел на него из-под низко надвинутого шлема.

— Прежде чем его убили, с ним, без сомнения, сделали что-то ужасное! — стражнику явно было не по себе.

Старший трапезничий... Кто же из них?

— Как звали этого старшего трапезничего? — спросил Дэдэн, склонившись к самому лицу стражника. Тот попытался:

— Не могу знать, Ваше Могущество!.. Кажись тот, что помоложе...

— Веди меня быстрее! — рявкнул Дэдэн.

Стражник аж подпрыгнул и, развернувшись, стал торопливо спускаться по лестнице.

Они вышли из восточного крыла и, пройдя через внутренний двор, устремились к северной стене, туда, где вдоль замка текла река.

— Вот сюда, Ваше Могущество!

Волшебник спустился по лесенке к потайной двери в стене и стражник, слабо скрипнув петлями, приоткрыл её.

— Мы караулили около угловой башни, когда, вдруг услышали какой-то тихий всплеск. Кунгт решил, что это рыба, но я не был в этом уверен, и решил всё-таки проверить... Не сразу, правда, а лишь через несколько минут... Я взял факел, спустился сюда, и когда вышел снаружи стены, то пошёл вдоль реки... И увидел его. В том месте, как раз, омут! Помогите мне искуплённый Ригурн, чтобы со мной не случилось того же, что и с этим парнем! — стражник лихорадочно сотворил перед грудью круг. — Лицо его было столь ужасно, что я даже факел из рук выронил... Да и смердит от него как-то подозрительно... Вот, здесь!

Дэдэн уже и сам увидел: шагах в десяти, второй стражник сидел на корточках возле распростёртого на берегу тела.

— Отойди! — раздражённо буркнул ему волшебник, и тот поспешно выполнил его просьбу. Дэдэн торопливо склонился к убитому. Так и есть! Адэк! Хотя лицо его и было до неузнаваемости перекошено гримасой ужаса, сомневаться не приходилось. И запах... Какой-то знакомый, неприятный запах... Дэдэн принюхался. Чернолист с серой и куриным помётом! Кто-то пытался заставить парня рассказать нечто такое, чего тот говорить никак не желал... А это что?.. Верёвка? Наверняка, к нему привязали камень, но узел под водой, от чего-то, развязался... Спешили, видимо, очень... Дэдэн коснулся шеи Адэка. Мёртв уже, по крайней мере, часа два, а то и больше. Но, всё равно, кое-что, с его помощью, ещё можно узнать.

— Несите его ко мне! — распорядился Дэдэн и, не оборачиваясь, пошёл обратно к калитке.

— Ваше Могущество! Ваше Могущество! — испуганно зачастил первый стражник, с трудом приподнимая Адека. — А что же нам сказать Его Решимости?

— Ничего! — отрезал волшебник, даже не оглянувшись. Если герцог прознает, что лишился ещё одного своего старшего трапезничего, которого, к тому же, убили прямо в его замке... Тогда уже герцога никто и ничто не остановит! Надо всё, как следует обдумать, прежде чем что-либо говорить герцогу.

— Я сам ему всё скажу, когда сочту это нужным. А пока, мне надо кое-что выяснить, — Дэдэн остановился и повернулся к стражникам. — Вот вам, за труды! — и протянул каждому по золотой монете. Стражники недоверчиво посмотрели на него. — Ну чего уставились? Настоящее золото, не волшебное! Да это и в ваших же интересах: я думаю, что герцог вряд ли останется доволен тем, что вы сперва пошли ко мне, а не к нему! А так, я скажу, что увидел тело убитого трапезничего во сне и пришёл это проверить. А вас попросил пойти со мной, на всякий случай... Идёт?

— Как скажите, Ваше Могущество! — судя по всему, такое изложение событий вполне их устраивало.

— Ну вот и хорошо...

Стражники вновь засопели, поднимая с земли труп Адека. Дэдэн мгновение смотрел на них, а затем, что-то пробормотав себе под нос, быстрым, едва уловимым движением, скрестил меж собой указательные и средние пальцы обеих рук. В тот же миг, и он, и стражники с телом

Адека исчезли, равно как и всякий звук, производимый ими. Если бы стражники узнали, что с ними этакое сотворили, то теперь-то уж точно пришли бы в настоящий ужас.

Через несколько минут, они достигли комнаты волшебника по изучению великих тайн Силы. Дэдэн приложил к двери свою ладонь, и та тут же бесшумно отворилась.

— Сюда!.. Несите его сюда!.. — Дэдэн прошёл к широкому столу, и, сдвинув всё на край, освободил место. — Кладите прямо на стол!

— Уф! — стражники запыхались и теперь стояли, отирая с лица выступившие капли пота.

— Ваше Могущество!.. Добавить бы за труды, — неуверенно промямлил первый стражник.

Эти идиоты, наверное, думают, что он добывает золото прямо из воздуха!

— Я и так вам дал вполне достаточно! А если вы и впредь будете испытывать моё терпение, то я вас в крыс превращу! Вон отсюда! — рявкнул Дэдэн.

Стражников словно ветром сдуло.

Чёрт! Забыл с них заклятье снять! — раздражённо подумал Дэдэн. — Ну да ничего, глядишь, в ближайшие десять минут они никого не встретят, а там — всё и само пройдёт... Ну а теперь, пора заняться Адэком!

Глава 2

— Вот значит как, твой старший брат стал оруженосцем! — непривычное, немного ромбическое лицо купца с улыбкой взидало на Лика. То, что искривлённый в виде крыши рот означал улыбку, Лик уже знал. — Что ж, история твоя в высшей степени занимательна. — Выговор мастера Рилпа был очень необычен: слова он произносил излишне мягко и, к тому же, слегка шепелявил. Он уже два дня жил у них в гостинице, сказав, что приехал к ним с самого юга Бирюма. Это было странным, потому как, насколько помнил Лик, у тамошних обитателей произношение было совсем другим — резким и гортанным: они, хоть и очень редко, да забирались в их края, и пару раз даже останавливались в их гостинице. С той поры Лик для себя и усвоил, что для жителей тех мест произношение — было, пожалуй, единственным, что хоть как-то их объединяло. Внешний же вид обитателей Бирюма был до крайности разнообразен: Бирюм издавна служил прибежищем для множества переселенцев, прибывавших, как с юга, так и из-за моря Ветров, за которым, на лесистой оконечности кахтских степей, располагалось несколько небольших городков, служивших им перевалочным пунктом, и куда они, как правило, приплывали откуда-то и вовсе издалека: кто из северо-западных земель, а кто — даже из-за бескрайнего западного моря. — А скажи мне, мой всезнающий друг, что говорили тогда люди о тех загадочных чародеях, учинивших в вашем городе столь великие разрушения? У нас тоже есть волшебники, но о том, что произошло несколько лет назад здесь, у вас, до сих пор ходят самые невероятные небылицы! Так откуда они взялись, эти таинственные волшебники?

— Не знаю, — Лик пожал плечами. — Одни говорят, что они появились прямо из воздуха. Другие — что из дома, что стоит в конце улицы, налево. Есть и такие, которые клянутся, что сами видели, как эти самые волшебники, в виде огромных серых облаков, выплывали из окон дома господина нди'а Ффунгри, что расположен в конце улицы направо.

О том, что кое-кто утверждал, что эти чародеи выскочили из их дома, Лик благоразумно промолчал. Мало ли кто это такой. Сейчас, вообще, в городе пруд пруди всяких подозрительных чужестранцев, которые, несмотря на то, что они там говорят о цели своего приезда, в основном занимаются тем, что целый день задают всем вопросы. И все — о тех самых событиях, что разыгрались у них в городе четыре года назад. Если бы они не скупались на деньги (порой, даже на золото!) горожане бы давно потребовали от герцога, чтобы всех их выгнали вон: так они всем надоели. А главное — не известно же ведь, что это, на самом деле, за народ такой, и что им всем тут нужно. Да к тому же, все только и шушукаются о таинственных убийствах и исчезновениях среди этих чужаков. Но поскольку поток денег не иссякал, то горожане и не торопились избавляться от щедрых гостей, с удовольствием рассказывая им, за соответствующее, конечно, вознаграждение, всяческие небылицы, которые, зачастую, прямо по ходу рассказа, и выдумывали, клянясь всеми искуплёнными, что это подлинная правда. Однако, всё чаще, пришельцы, кажется, начинали догадываться, что их попросту водят за нос.

— А я слышал ещё и такое утверждение, не берусь судить, мой юный друг, правда это, или нет, что появились те волшебники именно из вашего дома! Что ты об этом думаешь? — откинулся на спинку стула Рилп, положив ногу на ногу. Его совершенно овальные, жёлтые глазаказались весёлыми и беззаботными, но Лик чувствовал, что это только видимость.

— Что вам сказать на это, мастер Рилп? Если Вы выйдете на улицу и зададите тот же самый вопрос десятку горожан, то и получите, скорее всего, десять разных ответов. Я понятия не имею, как всё было на самом деле, и лишь пересказываю вам то, что слышал от других. А вы уж сами судите, что тут правда, а что вымысел. Можете считать правдой то, что вам более всего подходит. Я думаю, что вы ничего не прогадаете, так как сейчас никто уже и не помнит, как же всё, в действительности, было: все так долго и увлечённо врали о тех событиях, что и сами уже окончательно запутались, — Лику скоро должно было исполниться двенадцать, но, по

словам его отца, он уже сейчас, в искусстве убеждения, может дать сто очков вперёд, любому советнику из мариштула.

Рилп лишь головой покачал:

— Да, мой красноречивый друг, я думаю, тут ты совершенно прав, — и пододвинул к Лику кружку с пивом. — Должен тебе признаться, мне невыразимо грустно видеть столь многообещающего и, без сомнения, очень талантливого молодого человека в таком положении, когда он не имеет возможности раскрыть и достойным образом использовать эти свои таланты... Поехали со мной! В столице, в несравненной Вандэри, ты сможешь сделать блестящую карьеру! У меня есть знакомства при дворе, и я убеждён, что сумею обеспечить тебе хорошую должность. А ты, когда у тебя появится такая возможность, сумеешь достойным образом отблагодарить и мастера Рилпа! Как тебе моё предложение? — купец нагнулся в сторону Лика и теперь почти лежал на столе, навалившись на него своим солидным брюшком. Его почти чёрные губы ещё больше искривились в улыбке, и он так и буравил мальчика своими жёлтыми глазами.

— Вы, наверное, оговорились, достопочтимый мастер Рилп. Столица Бюрюма — Осата, а вовсе не какая-то там Вандэри. — Лик, с нескрываемым подозрением смотрел прямо на купца. Тот заметно побледнел, так что кожа на его лице из бледно-коричневой стала вдруг тускло-серой, хлопнул себя ладонью по лбу, и, возведя глаза к потолку, горестно воскликнул:

— О, бесконечно мудрый Анур! Как же я опозорился перед своим юным другом! Прошу Тебя, немедленно покарай своего нерадивого сына! Да пронзит меня гнев Твой! — и вновь наклонился в сторону Лика. — Конечно же, ты совершенно прав, о средоточие мудрости! Это даже удивительно — в столь малом возрасте обладать столь глубокими познаниями, во всем, чего не коснётся разговор! Ты — настоящее чудо!.. Дело в том, что мне не хватает в ваших краях солнца. Они слишком суровы для меня. И вот — плачевный результат: я уже сам не понимаю, что говорю...

Неприкрытая лесть мастера Рилпа не произвела на Лика ни малейшего впечатления. Не такой уж он дурак, чтобы купиться на столь дешёвую уловку.

— Мне, мастер Рилп, решительно всё равно, откуда Вы к нам приехали и зачем. Главное — чтобы не нарушали наших обычаев и законов. Но, если Вас это беспокоит, то я, за сравнительно небольшое вознаграждение, готов совершенно забыть о том, что Вы упомянули какой-то там Вандэри, — пиво было холодным и вкусным, и Лик с удовольствием выпил сразу пол кружки.

Рилп зло на него посмотрел и, поковырявшись немного в кошельке, протянул ему один тав.

— Если Вы полагаете, достопочтимый мастер Рилп, что забыть город с таким звучным названием, как Вандэри, столь легко, то Вы глубоко заблуждаетесь! — Лик наслаждался тем смущением, которое нагнал на незадачливого купца. Или шпиона. Что ему, право, было совершенно безразлично.

Купец вновь запустил пальцы в кошелёк и вытащил на этот раз целую пригоршню монет.

— Мне очень жаль, мой юный друг, что ты подобным образом используешь свои таланты, — с упрёком сказал тот, протягивая Лику деньги.

— Тем не менее, глубокоуважаемый мастер Рилп, Вы должны признать, что они и здесь меня неплохо кормят, — скромно улыбнулся Лик.

Купец презрительно фыркнул:

— Что ты понимаешь, в доходах, мой мальчик! Разве подобный мелкий шантаж может привести к богатству и славе? Удару ножом в тёмной подворотне, или же к камню на шее, на дне реки — вот к этому он может привести! Но разве это то, к чему должен стремиться столь блистательный ум? У тебя великое будущее, мой юный мудрец, если, конечно, ты сумеешь

правильно распорядиться своим удивительным даром... — мастер Рилп говорил искренне, и это немного смягчило Лика.

— Что ж, мастер Рилп, я и сам надеюсь, что когда-нибудь достигну и богатства, и славы... Но покамест я никуда не собираюсь отсюда уезжать. А если когда и соберусь, то буду тогда сам решать, куда мне направиться, — ответил Лик, считая полученные монеты. — А такая треугольная у меня уже есть! Откуда она?

Купец бросил на монету взгляд, и Лику вдруг показалось, что тот невольно вздрогнул:

— Не может быть у тебя такой монеты!.. Она — из очень дальних краёв. Я даже и сам толком не знаю, откуда...

— А всё же, мастер Рилп, расскажите! Вы так много, где побывали! — Лик попытался подольститься к купцу, но тот лишь головой покачал.

— И не проси! Не знаю я, — ответил тот, а затем добавил. — Если ты скажешь мне, как она к тебе попала, то я, возможно, и вспомню кое-что...

— Мне её брат подарил. А откуда она у него, мне неизвестно... Наверное, тоже выменял у какого-нибудь купца, — сказал Лик.

— У купца говоришь? — Рилп задумался. — Станным, должно быть, был этот купец!.. — увидев, что Лик так и пожирает его глазами, Рилп грустно усмехнулся. — Есть такие края, о которых не хочется лишний раз вспоминать.

— И что же это за края такие? — любопытствовал парнишка.

— Далеко-далеко, за Срединным хребтом, и даже ещё настолько же дальше, надо свернуть на юг, и двигаться много недель вдоль широкой реки. Там, обогнув огромное озеро, в которое впадает эта река, и, перевалив через высокие горы, ты и попадёшь в тот самый край... Когда-то, обитатели этих проклятых мест вконец разорили мою страну. И иногда мне кажется, что сам Тёмный Дух и есть их повелитель!

— Вашу страну? Вы имеете в виду Бирюм, или же некое государство, столицей которого является тот самый город, название которого я уже забыл, мастер Рилп? — уточнил Лик.

— Нет, мой юный друг... — ответил купец, а затем погрузился ещё больше. — Я говорил о том благословленном крае, в котором имел счастье родиться, и который, к великой скорби всех его обитателей, пал жертвой величайшего предательства! — мастер Рилп сокрушённо вздохнул и поднялся со скамьи. — До свиданья, мой чрезмерно любопытный друг! Мне пора... Дела, знаешь ли... — и, странно мотнув на прощание, из стороны в сторону, головой, вышел на улицу.

И что это за город такой — Вандэри? И где этот лжекупец родился? И что же такое случилось с его страной? — вопросы, словно назойливые мухи, так и жужжали у Лика в голове. — Эх! Надо будет порасспросить отца: он-то, наверняка, знает. А пока, можно прихватить с собой Ашу и отправиться за сладостями — ведь он сегодня сказочно богат! Четыре тава и девять олтов, не говоря уже о таинственной монете. Но её-то он, уж точно, никому не отдаст, раз она такая редкая.

Глава 3

— А давай купим сладкого льда! Или бирюмскую дыню!.. Или марципановый торт с орехами и вкусным кремом! — Аша, с горящими от предвкушения глазами, бегала вокруг гордо вышагивающего Лика.

— Нет, — твёрдо сказал тот. — Мы купим шоколадный торт, а ещё — те великолепные пирожные, что делают в «Ста ароматах для короля». А на оставшиеся деньги я себе куплю яблочного сидра.

— А почему так называется — «Сто ароматов для короля»? — судя по всему, Аша не возражала против выбора Лика.

Лик самодовольно усмехнулся:

— Вон, видишь, в конце улицы идёт парень, в синей, до пояса, куртке и зелёных штанах до колен?

— Да. Это же пивной крикун!

— ... приходите! В доме почтенного мастера нди'а Краппогу сварено доброе пиво! Никогда ещё жителям нашего славного города не доводилось пробовать пива столь вкусного и душистого! Приходите все желающие! Всего по пять фиртлей за кружку! Приходите, не пожалеете! — звонко выкрикивал парень.

— Ну да, пивной крикун, — согласно кивнул Лик. — Когда-то, уже очень-очень давно, дед нынешнего короля — Лоддер Длинные Руки — гостил в нашем городе. И остановился он, как раз, в «Ста ароматах для короля». Тогда это был просто дом знатного горожанина, а не гостиница с трактиром. После войны с тэрийцами, герцогский замок был серьёзно повреждён, вот король и поселился в городе. Однажды утром, он сидел у окна и, потягивая пиво, сваренное хозяином накануне, глазел на улицу, высматривая красивых горожанок. И тут вдруг под окнами прошёл один такой пивной крикун, громко расхваливая чьё-то пиво. И так он это задорно делал, что король Лоддер не удержался и, высунувшись из окна, воздел вверх кружку и тоже прокричал во весь голос — «А у нди'а Рююгире пиво не хуже! Сто пивных ароматов сумел он уместить в одной кружке!» Когда же король Лоддер уехал, то народ так и повалил к нди'а Рююгире, отведать пиво, столь понравившееся любимому монарху. И вскоре уже нди'а Рююгире открыл у себя трактир, а, через некоторое время, и гостиницу. Из года в год дело его только росло, и теперь уже, на том самом месте, стоит совсем другой дом — гораздо больше и красивее. А гостиница семьи Рююгире считается самой лучшей в нашем городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.